

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Меликовский Александр Ариевич

Учение Роско Паунда о праве

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Фролова Елизавета Александровна,

доктор юридических наук, профессор

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ РОСКО ПАУНДА О ПРАВЕ.....	15
§ 1.1. Портретно-исторический контекст формирования учения.....	15
§ 1.2. Методологические основы учения.....	22
§ 1.3. Историография отечественных исследований учения.....	41
ГЛАВА 2. ИДЕИ РОСКО ПАУНДА О ПРАВОПОЗНАНИИ.....	64
§ 2.1. Цель права и методология правопознания.....	64
§ 2.2. Социологическая юриспруденция.....	104
§ 2.3. Сравнительное правоведение.....	132
ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ ПРАВА В УЧЕНИИ РОСКО ПАУНДА.....	159
§ 3.1. Теория интересов и понятие «legal right».....	159
§ 3.2. Понятие «law».....	196
§ 3.3. Естественное право.....	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	249
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	251

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Социологическое правопонимание – одно из основных направлений развития теоретического правоведения. Предлагая альтернативный взгляд на проблемы общества и государства, социологический подход к праву с момента своего возникновения позволял, с одной стороны, преодолеть одномерность формально-догматического понимания права, сложившегося в рамках юридического позитивизма, с другой – выйти из обусловленной юридическим позитивизмом ситуации теоретико-правового кризиса на новый уровень развития права и науки о нем. Это направление, представленное его континентальной (включая скандинавскую) и американской версиями, формировалось в тесном взаимодействии с философскими, социологическими, психологическими и прочими знаниями своего времени. Отталкиваясь от позитивизма О. Конта, социологическое правопонимание тем не менее с самого начала представляло собой совокупность различных течений (движений), каждое из которых по-своему оценивало как методологию правопознания, так и в целом роль права в общественной жизни.

Роско Паунд (1870-1964), известный американский правовед, декан юридического факультета Гарвардского университета в 1916-1936 гг., был одним из основоположников этого направления. Будучи главой движения прагматизма в философии (теории) права XX века, он внес неоценимый вклад в становление и развитие социологического правопонимания. Роско Паунд предложил собственный проект актуализации юридической науки – «социологическую юриспруденцию», настоял на обязательности междисциплинарного и сравнительного компонентов в методологии исследования права, развил идеи своих предшественников о целях права, об интересах, о позитивном и естественном праве, наконец, сформулировал оригинальную концепцию социальной инженерии.

Несмотря на столь значимый вклад Роско Паунда в мировую правовую мысль, в современной российской юридической науке его учение до сих пор не получило отдельного целостного освещения. И хотя имя мыслителя хорошо

известно отечественным юристам, его учение все еще остается едва ли доступным для изучения. Это обусловлено, пожалуй, тремя взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, творческий путь Роско Паунда охватывал около семи десятилетий. За такой весьма продолжительный период служения науке права его взгляды, как и взгляды любого человека, жившего в эпоху глобальных катастроф и перемен, неизбежно и неоднократно трансформировались. Чтобы обнаружить эти трансформации, необходимо внимательно исследовать его работы, общий объем которых даже оценить – задача, близкая к невозможной.

Во-вторых, сам стиль изложения Роско Паунда создает дополнительные затруднения. Его работы отличаются обилием *obiter dictum* – многочисленных второстепенных деталей, казусов, примеров из истории права, судебной и административной практики, литературных и научных отступлений. В массе этих деталей теряются его магистральные идеи, в связи с чем авторская мысль зачастую предстает хаотичной и непоследовательной, что становится сложно преодолимым препятствием для исторической и проблемно-теоретической реконструкции его учения.

В-третьих, ключевые работы Роско Паунда, в которых раскрывается основной корпус его правовых идей, остаются на языках оригиналов (преимущественно на английском языке). Имеющиеся на сегодняшний день переводы сделаны в отношении источников, по теоретико-познавательному значению, как правило, периферийных¹.

---

¹ Лишь незначительная часть правового наследия Роско Паунда переведена на русский язык. На сегодняшний день таких работ можно назвать несколько. Первыми были обнаружены два небольших фрагмента в знаменитой «Антологии мировой правовой мысли» (См.: Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII-XX вв. М., 1999. С. 674-680). Следующий перевод, ставший доступным на русском языке, – написанное Роско Паундом предисловие к книге Г.Д. Гурвича «Социология права» (См.: Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 829-835). Далее была опубликована одна из первых работ Паунда – «Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия» (Паунд Р. Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2016 № 1 (39). С. 12-29; данная работа была повторно опубликована в следующем сборнике: Суд. АРС. Медиация: Сборник статей / Составитель Ц.А. Шамликашвили. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 10-39), а совсем недавно были опубликованы еще две работы – книга «Масонство и закон», в которую издатели включили два произведения Паунда – «Лекции по философии масонства» и «Лекции по масонской юриспруденции» (Паунд Р. Масонство и закон / пер. с англ., примеч., вступит. ст. Е.Л. Кузьмишина; послесл. Р.В. Нутрихина. СПб.,

Отмеченные обстоятельства привели к возникновению в отечественной юридической науке пробела, восполнение которого необходимо не только для понимания и адекватной историко-теоретической оценки учения Роско Паунда, но и в целом всего социологического правопонимания – направления, одним из основоположников которого был сам Роско Паунд. Поскольку данное направление остается одним из наиболее влиятельных в современном правоведении, обращение к его теоретическим истокам, изложенным непосредственно в первоисточниках (оригиналах текстов), а также их последовательное разъяснение обуславливают актуальность темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. В отечественной юридической науке до настоящего времени отсутствовали монографические исследования, в которых целостно излагалось учение Роско Паунда о праве. Имеющиеся работы носят, как правило, фрагментарный, профессионально-просветительский и, в силу этого, поверхностный характер.

В науке советского периода к учению Роско Паунда обращались ввиду необходимости критики буржуазных доктрин. В это время вопросы американской политико-правовой мысли, включая идеи Роско Паунда, были затронуты в трудах Н.Г. Александрова, С.В. Боботова, С.Л. Зивса, И.Б. Зильбермана, П.Г. Зыкова, О.С. Иоффе, С.Ф. Кечекьяна, А.К. Куликова, О.Э. Лейста, Д.И. Луковской, П.И. Люблинского, Л.С. Мамута, А.С. Пиголкина, В.А. Туманова, М.И. Хмелинина, М.Д. Шаргородского и др. В этот же период выходили в свет и переводные зарубежные исследования таких авторов, как Д. Берри, М.Р. Коэн, К. Кульчар, Г.Л. Сайдлер, Г. Уэллс и др.

В связи с отказом от монополии марксистско-ленинской теории государства и права и признанием теоретического и методологического плюрализма, в исследованиях современного периода критическая составляющая отошла на второй план, однако фрагментарность изложения идей Паунда сохранилась.

2022), а также статья «*Legal Rights*», опубликованная под заглавием «Субъективные права» (*Паунд Р. Субъективные права* / пер. К.Г. Киктенко, А.А. Кириллиной // Юридическая летопись (*Nomica Chronica*). 2023. № 1. С. 95-118).

Имя мыслителя и отдельные положения его учения стали неотъемлемой частью научной и учебной литературы по общей теории, философии и социологии права, истории политических и правовых учений. Среди тех, кто обращался к наследию Паунда в современности, можно выделить А.П. Альбова, Е.А. Воротилина, Н.А. Галкину, В.С. Горбаня, В.Г. Графского, В.С. Груздева, В.Н. Жукова, А.Г. Карапетова, А.В. Корнева, В.Н. Корнева, В.В. Лапаеву, С.В. Липеня, О.В. Мартышина, И.Ф. Мачина, Е.А. Мишину, В.С. Нерсесянца, Д.В. Пожарского, А.В. Полякова, Е.А. Фролову и др.

Отдельного внимания заслуживают работы четырех авторов, посвятивших анализу некоторых положений учения Паунда свои диссертационные исследования. Хронологически первым был О.Ф. Иваненко, который еще при жизни мыслителя – в 1963 году – защитил диссертацию «Американская “социологическая юриспруденция”: критический очерк»². С позиций господствующей марксистско-ленинской теории он изложил положения «учения социологической юриспруденции о праве», обратил внимание на их методологическую основу – философию прагматизма, а также рассмотрел учение в связи с идеями иных буржуазных мыслителей – Г. Тарда, Л.И. Петражицкого, Г. Кельзена, К. Левеллина и некоторых других.

Следующие диссертационные исследования, в которых учению Паунда вновь было уделено особое внимание, появились только в 2002 году. Их авторы – В.Г. Румянцева и Д.Г. Сызранцев. В работе «Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда»³ В.Г. Румянцева сосредоточилась на «проблеме “живого” и “мертвого” права в трудах представителей социологического течения», вопросах судебного правотворчества, «“творческой силы юриспруденции” в учениях мыслителей», а также на влиянии концепции социологической юриспруденции на деятельность правоохранительных органов. Д.Г. Сызранцев, в свою очередь, в диссертации

---

² См.: *Иваненко О.Ф.* Американская “социологическая юриспруденция”: критический очерк: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.

³ См.: *Румянцева В.Г.* Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002.

«Прагматизм в праве: метод Роско Паунда»⁴ исследовал методологические основы учения, показав их связь с философией Ч. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи.

Наконец, идеи Паунда обсуждались Г.Э. Адыгезаловой в двух ее диссертациях, посвященных исследованию американских социологических теорий права: кандидатской – «Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер»⁵ – и докторской – «Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка»⁶. В обеих работах она уделила внимание отдельным аспектам учения мыслителя, в нескольких параграфах затронув положения теории интересов, социального контроля и соотношения права и морали.

Объект и предмет исследования. Объект настоящего исследования – творчество Роско Паунда; предмет – его правовое учение.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является разработка теоретической модели интерпретации учения Роско Паунда о праве.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие задачи:

- определяется портретно-исторический контекст формирования учения Роско Паунда о праве;
- выявляются методологические основы учения Роско Паунда о праве;
- определяются основные вехи исследования учения Роско Паунда о праве в отечественной юридической науке;
- устанавливается связь между учением Роско Паунда о цели права и его методологией правопознания;
- выявляются основные особенности социологической юриспруденции как научного проекта Роско Паунда;

---

⁴ См.: *Сызранцев Г.Д.* Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2002.

⁵ См.: *Адыгезалова Г.Э.* Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004.

⁶ См.: *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2017.

- определяются особенности сравнительного правоведения и сравнительно-правового метода в учении Роско Паунда о праве;
- устанавливается содержание теории интересов Роско Паунда и понятия «*legal right*», а также связь между ними;
- определяется структура используемого Роско Паундом понятия «*law*»;
- выявляются особенности взглядов Роско Паунда на естественное право.

Методологическая основа исследования. Для решения задач, способствующих достижению цели исследования, в работе используются общенаучные и частнонаучные методы, обеспечивающие объективизм, историзм, компаративизм и всесторонность исследования: конкретно-исторический (в том числе метод исторической реконструкции, портретно-индивидуализирующий метод), логический (анализ, синтез, индукция, дедукция), проблемно-теоретический (включая метод проблемно-теоретической реконструкции), описательный, герменевтический, системный, структурный, сравнительный и другие методы исследования.

Теоретическая основа исследования. Для установления теоретических истоков учения рассматриваются работы авторов, повлиявших на формирование учения Роско Паунда, – например, У. Блэкстона, У. Джеймса, Р. Иеринга, Б. Кардозо, Й. Колера, Г. Мейна, Ф. Мейтленда, Ч. Пирса, А. Поста, Г. Радбруха, Э. Росса, А. Смолла, Г. Спенсера, Э. Фримена и многих других. В диссертации существенное внимание уделяется работам зарубежных исследователей, в том числе интерпретаторов правового учения Роско Паунда. Среди них, например, исследования Ж.Л. Альпера, У. Батлера, Г. Бермана, Д. Берри, У. Гроссмана, Г. Гурвича, Т. Кларка, А. фон Мерена, Э. Паттерсона, А. Сазерленда, Дж. Стоуна, Н. Халла и многих других. Привлекаются и исследования в области философии, всеобщей истории, истории государства и права (например, труды А.П. Алексеева, П.В. Алексеева, В.Г. Графского, Т.Е. Новицкой, А.В. Панина, И.Б. Перетерского, А.И. Першица, А.П. Печникова, В.Н. Струнникова, В.А. Томсинова, С.В. Юшкова и др.), а также в области

отраслевых юридических наук (Л.Ю. Василевской, А.С. Ворожевич, А.Г. Карапетова, Т.Г. Понятовской, Ц.А. Шамликашвили и др.).

Значительное место в теоретической основе исследования занимает учебная и научная литература по общей теории права, философии права, социологии права, истории правовой мысли. В частности, работы Г.Э. Адыгезаловой, Н.Г. Александрова, М.В. Антонова, В.В. Архипова, А.Б. Венгерова, И.В. Галкина, Н.А. Галкиной, В.С. Горбаня, В.Г. Графского, В.С. Груздева, А.И. Денисова, В.Н. Жукова, М.В. Захаровой, И.Б. Зильбермана, О.Ф. Иваненко, А.Е. Иванова, С.Н. Касаткина, С.Ф. Кечекьяна, Н.М. Коркунова, А.В. Корнева, В.Н. Корнева, М.С. Куликовой, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, О.Э. Лейста, Б.В. Лесива, С.В. Липеня, Д.И. Луковской, Л.С. Мамута, О.В. Мартышина, М.Н. Марченко, И.Ф. Мачина, Е.А. Мишиной, А.В. Нерсисянц, В.С. Нерсисянца, П.И. Новгородцева, А.С. Пиголкина, Д.В. Пожарского, А.В. Полякова, Т.Н. Радько, В.Г. Румянцевой, В.Н. Синюкова, Р.Ф. Степаненко, Г.Д. Сызранцева, Е.В. Тимошиной, В.А. Туманова, Е.А. Фроловой и др.

Источниковая база исследования. Работа написана на основе текстов оригинальных произведений Роско Паунда, большая часть из которых в настоящее время в российской юридической науке либо вовсе не была известна, либо известна поверхностно.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- впервые установлена сквозная и смыслообразующая идея в творческом наследии Роско Паунда;
- впервые обосновано, что из учения о целях права логически развивается теория интересов и концепция социальной инженерии;
- впервые выявлены особенности социологической юриспруденции как научного проекта Роско Паунда;
- впервые установлены особенности сравнительного правоведения и сравнительно-правового метода в учении Роско Паунда о праве;
- впервые определено содержание теории интересов Роско Паунда и понятия «*legal right*»;

– впервые выявлена структура используемого Роско Паундом понятия «*law*»;
– впервые выявлены особенности взглядов Роско Паунда на естественное право.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Методологическая основа учения Роско Паунда о праве – философия прагматизма. Идея действия («*πρᾶξις*») – сквозная и смыслообразующая в творческом наследии мыслителя. Прагматизмом, допускающим для достижения эффективности и действенности использование теоретических и методологических установок иных политико-правовых доктрин, обусловлен комплексный характер учения.

2. Роско Паунд мыслил в триаде «цель – средство – результат». Цель права выступает узловой проблемой в его учении. Он рассматривал право через его конечную цель, изменяющуюся в зависимости от исторического контекста и служащую ориентиром при осуществлении юридической деятельности в конкретное время и на конкретной территории. На основании установленного политического (политико-правового) значения целеполагания демонстрируется, как из учения о целях права логически развивается теория интересов и концепция социальной инженерии, аргументированная американским юристом на примере инженерной интерпретации истории права.

3. Социологическая юриспруденция – предложенный Роско Паундом проект актуализации юридической науки (прежде всего ее теоретической части – философии (теории) права), призванной осознать «кризис правосознания» и обусловленных им явлений, а также объяснить юридическую сторону реально существующих общественных отношений с привлечением междисциплинарных знаний. Сохраняя практическую направленность и в то же время одобряя естественное право, данный проект был противопоставлен континентальной социологии права – дисциплины, по Паунду, погрязшей в общей социологии и фактически порвавшей свои связи с юриспруденцией.

4. Роско Паунд отрицал уникальность и самостоятельность сравнительно-правового метода. Все основные методы юридической науки – аналитический,

исторический, философский и социологический, сводящийся в учении юриста к функциональному – должны быть сравнительными. Сравнению должны подвергаться прежде всего развитые правовые системы, а также составляющие их предписания, технические приемы и идеалы, причем как в страноведческом ракурсе, так и в исторической перспективе.

5. Вклад Роско Паунда в разработку теории интересов носит двуединый характер: с одной стороны, правовед осуществил масштабную «инвентаризацию интересов», результатом которой стала их всеобъемлющая классификация; с другой – продемонстрировал последовательный механизм оценки, признания и обеспечения этих интересов, что нашло концептуальное выражение в понятии «*legal right*». При этом грань между выделяемыми Паундом тремя группами интересов – индивидуальными, общественными (*social*) и публичными (*public*) – носит условный характер, который объясняется как целенаправленно заложенная в учение особенность, делающая возможной юридическую оценку интересов для их последующего «взвешивания» через «приведение» к «общему знаменателю» – общественному интересу. В этом проявляется инструментальное значение теории интересов, позволяющей непосредственно осуществлять социальную инженерию.

6. Логическое развитие и концептуальное оформление мысли Роско Паунда по преодолению констатированного в начале его творческого пути разрыва между «правом в книгах» и «правом в действии» нашли отражение в сформулированных юристом трех смыслах понятия права – права как правопорядка, права как предписаний и лежащих в их основе технических приемов и идеалов, права как процесса правоприменения. На почве идеи социального контроля эти смыслы объединены правоведом в единую, нацеленную на практическую юридическую деятельность теорию социального контроля посредством права.

7. Роско Паунд разделил естественное право на «естественное естественное право» и «позитивное естественное право». Сердцевиной первого выступают идеальные (совершенные) общественные отношения, в которых интересы его участников «взвешены» и сбалансированы. Идеальными общественными

отношениями заменялось характерное для классической естественно-правовой доктрины представление о человеке как индивиде. «Позитивное естественное право», в свою очередь, понималось как отражение концептуальных (идейных) основ действующего права. Как конкретно-историческое понятие, «позитивное естественное право» тождественно «идеальному элементу» позитивного права, примером которого служат «юридические постулаты цивилизованного общества», логически выведенные мыслителем из концепции социальной инженерии.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования обусловлена прежде всего тем, что в нем впервые в отечественной юридической науке осуществлено целостное воспроизведение учения Роско Паунда о праве и предложена авторская теоретическая модель его интерпретации. В этом смысле работа восполняет пробел, сложившийся в отечественной общей теории, философии, социологии права, а также в истории правовой мысли. Содержащиеся в исследовании положения и выводы могут быть использованы при проведении последующих исследований социологического правопонимания. Практическая значимость исследования заключается в том, что отмеченные положения и выводы могут быть внедрены в учебные курсы, в рамках которых осуществляется преподавание теоретико-исторических правовых наук (главным образом теории государства и права, проблем теории права, истории политических и правовых учений, философии права, социологии права).

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены автором лично.

Достоверность результатов исследования. Достоверность исследования подтверждается прежде всего его источниковой базой, методологической и теоретической основой, а также апробацией результатов исследования в научных докладах и публикациях.

Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в 5 научных работах по теме, из них в 4 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Ключевые теоретические положения и практические рекомендации были изложены автором в докладах, представленных в ходе выступлений на следующих конференциях:

– Научная конференция с международным участием «История политических и правовых учений в XXI веке» (г. Москва, Россия, г. Астана, Казахстан, 10 ноября 2022);

– Научная конференция с международным участием «Доктрина естественного права: история и современность» (г. Москва, Россия, 2 ноября 2023);

– Международный научный круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае» (г. Москва, Россия, 25 апреля 2024);

– Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» (г. Москва, Россия, 23 мая 2024);

– XXIV Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения «Ценности как сердце культуры» (г. Санкт-Петербург, Россия, 24 мая 2024);

– Всероссийский XII круглый стол по общетеоретическим проблемам права и государства «Правовая политика современной России: аксиологический и праксиологический подходы» (г. Казань, Россия, 27 февраля 2025);

– Российско-китайский научный круглый стол «Развитие юридической науки и образования в XXI веке» (г. Москва, Россия, 23 апреля 2025);

– IV Всероссийская неделя теории государства и права с международным участием «Приоритеты юридической науки и образования» (г. Москва, Россия, 12 мая 2025);

– Всероссийская научная конференция с международным участием «Советская и постсоветская теория и философия права: проблема

преемственности. К 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста» (г. Москва, Россия, 29 мая 2025);

– Международная конференция «Юридическая наука и правовое образование в Китайской Народной Республике и Российской Федерации» (г. Чунцин, Китай, 29 ноября 2025);

– Международный научно-образовательный круглый стол «Высшее юридическое образование и социальное управление в XXI веке: Китай и Россия» (г. Чунцин, Китай, 1 декабря 2025);

– Международная научная конференция «Современные правовые исследования в Китае и России» (г. Чунцин, Китай, 2 декабря 2025);

– Всероссийская научная конференция с международным участием «Русская философия права: вопросы веры и нравственности» (г. Санкт-Петербург, Россия, 13 марта 2026).

Структура исследования включает введение; основную часть, состоящую из трех глав, в совокупности разделенных на девять параграфов; заключение; список литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ РОСКО ПАУНДА О ПРАВЕ

§ 1.1. Портретно-исторический контекст формирования учения

История правовой мысли как теоретико-историческая дисциплина концентрируется на персоналиях наиболее значимых авторов, подвергавших рефлексии проблемы, связанные с возникновением, функционированием и даже в некоторых доктринах отмиранием права и государства. В то же время в ней, как и во всякой истории, нет места рядовым, посредственным людям, но только выдающимся деятелям, определившим ход развития права, государства и в целом всей общественно-политической жизни. Роско Паунд, известный американский правовед, чье творчество охватывало большую часть XX века, был одним из них.

Урожденный Натан Роско Паунд (*Nathan Roscoe Pound*), никогда не пользовавшийся своим первым именем, появился на свет в квакерской семье 27 октября 1870 года в небольшом пограничном городке Линкольн, столице Небраски⁷. Всего за пять лет до этого отгремели последние залпы войны между «Севером» и «Югом» – сражения при Аппоматтоксе и у ранчо Пальмито, а за три с половиной года – Небраска только обрела статус штата. Это было временем начала так называемого «позолоченного века» (*the Gilded Age*), когда американская экономика и государственность, еще не окрепшие после недавней Гражданской войны, переживали стремительную индустриализацию и приспособлялись к новым вызовам.

Паунд происходил из интеллигентной семьи, в которой регулярные занятия наукой, знание иностранных языков, включая латинский, и высокоинтеллектуальные беседы были частью повседневности. Его Родители – судья Стивен Босуорт (*Stephen Bosworth*) и учитель ботаники Лора (в девичестве Биддлкомб; *Laura Biddlecombe*) – дали ему качественное домашнее образование

---

⁷ Эта и последующие даты и факты (например, указания на должности и почетные степени и звания), при отсутствии упоминания иных источников взяты из биографической справки, подготовленной библиотекой юридического факультета Гарвардского университета. См.: *Biographical Note // Roscoe Pound Papers. Part I: Correspondence, 1907-1964 / Prepared by Stephen T. Kelly, Charles Harrison; and Randall Packard; Manuscript Division, Harvard Law School Library. Bethesda (Maryland): University Publications of America, 1993. P. X.*

в условиях, когда государственное школьное образование не отличалось своей глубиной. В двенадцать лет Паунд поступил на подготовительное отделение Университета Небраски, а через два года – в сам Университет – небольшое учебное заведение, насчитывающее 12 профессоров и 266 студентов. На выбор специальности повлияла переданная от матери любовь к ботанике. Уже через четыре года, в 1888 году, восемнадцатилетний Паунд получил степень бакалавра, через год – магистра.

Позже мыслитель вспоминал: «Я хотел стать ботаником... Но это были времена, когда мальчик делал то, что говорил ему отец. Он мне сказал, что я должен поступить на юридический факультет Гарвардского университета, и это все решило. Я приехал сюда с мыслью, что это ботаническая Мекка (место притяжения ботаников, *a botanical Mecca*)... Но... Я не пробыл здесь и недели, прежде чем понял, что мое место здесь»⁸. Стремление к новому несколько затмило увлечения Паунда, и Гарвард, славившийся своими профессорами ботаники, неожиданно сыграл в его жизни поворотную роль. Проведя в Гарварде всего год, он вновь вернулся в Небраску, получил статус юриста и стал заниматься практической деятельностью, параллельно совмещая ее с работой по ботанической стези. В 1892 году едва ли достигший двадцати двух лет Паунд был назначен директором ботанической службы штата (*the state survey*), работу в которой он оставил только в 1903 году в связи с назначением на должность декана юридического факультета (колледжа) Университета Небраски. Период работы в ботанической службе был продуктивным как в научном, так и в личном плане: в 1897 году, он защитил диссертацию, посвященную фитогеографии его родного штата, и получил докторскую степень по ботанике; в 1899 году женился на Грейс Джеррард (*Grace Gerrard*), в том же году стал преподавать на юридическом факультете Университета Небраски, где начал карьеру с должности ассистента (*Assistant*

---

⁸ Данный фрагмент приводятся из беседы Паунда со своим другом из Гарвардского университета, материалы которой опубликовал молодой коллега Паунда Артур Сазерленд младший (*Arthur E. Sutherland, Jr.*) в статье, посвященной памяти юриста. См.: *Sutherland A.E., Jr. One Man in His Time // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. P. 10.*

Про «ботанический» этап жизни мыслителя, его заслуги в этой науке см. в биографическом очерке Е.Л. Кузьмишина: *Кузьмишин Е.Л. Роско Паунд: масонство и закон // Паунд Р. Масонство и закон / пер. с англ., примеч., вступ. ст. Е.Л. Кузьмишина; послесловие Р.В. Нутрихина. СПб.: Алетейя, 2022. С. 7-8.*

Professor); а с 1901 года до назначения деканом он одновременно совмещал еще и работу в качестве комиссара Верховного суда штата, в связи с чем оставил практику, к которой вернулся после перехода на основную работу в Университет и которой занимался вплоть до 1907 года.

Так начинался путь Паунда в юриспруденцию. Мальчик, не имевший школьного образования и отучившийся по юридической специальности лишь год, впоследствии станет легендарным главой научной школы юридического факультета Гарвардского университета. Как писал его молодой коллега Артур Сазерленд младший, Паунд «провел один год в качестве академического студента юридического факультета, и никогда не утруждал себя выполнением предписанных требований для получения какой-либо юридической степени и, будучи в основном самоучкой, стал выдающимся юристом своей эпохи»⁹. Действительно, Паунд никогда не имел образовательных и научных степеней в области права. Тем не менее в профессиональной карьере он преуспел больше, чем многие имеющие такие степени. Даже общее количество ведущих мировых университетов, присудивших ему почетные докторские степени и профессорские звания, трудно сосчитать. Среди них, например, Северо-Западный, Мичиганский, Миссурийский, Чикагский, Брауновский, Кембриджский, Питтсбургский, Колорадский, Ратгерский, Берлинский, Бостонский, Стэнфордский, наконец, Гарвардский и многие другие университеты, в том числе Университет Небраски.

Паунд преуспел и в разнообразной практической и экспертной деятельности. Например, после Верховного суда Небраски, в период с 1904 по 1907 годы, он работал в комиссии по унификации законов штата (*Nebraska Commission on Uniform State Laws*). В 1922 году стал директором службы уголовного правосудия в Кливленде (*Survey of Criminal Justice, Cleveland, Ohio*), по результатам функционирования которой был составлен подробный отчет¹⁰, ставший образцом социологических исследований, проведенных для решения чисто юридических

---

⁹ *Ibid.* P. 7.

¹⁰ Criminal Justice in Cleveland: Reports of the Cleveland Foundation Survey of the Administration of Criminal Justice in Cleveland, Ohio / By Raymond Fosdick, Reginald Heber Smith, Herbert D. Ehrmann, Alfred Bettman, Howard F. Burns, Burdette G. Lewis, Hermann M. Adler, Albert M. Kales, M.K. Wisheart, Felix Frankfurter, Roscoe Pound; Directed and Edited by Felix Frankfurter and Roscoe Pound. Cleveland (Ohio): The Cleveland Foundation, 1922.

проблем¹¹. В 1929 – 1931 годах Паунд входил в так называемую «комиссии Уикершема», известной в русскоязычной литературе как «комиссия по соблюдению и исполнению законов»¹² (в оригинале: *the Commission on Law Observance and Enforcement*). Работа в этой комиссии сыграла роль и в личной жизни мыслителя: овдовевший в 1928 году Паунд во время поездок в Вашингтон на заседания, посвященные вопросу продления действия «сухого закона», останавливался в гостинице, где после смерти супруга жила Джеймс Миллер (*James E. Miller*), 30 июля 1931 года ставшая второй женой американского юриста¹³. А в 1946 году Паунд и вовсе, вопреки возрасту, отправился в Китай, где на протяжении почти двух с половиной лет верой и правдой служил Гоминьдановскому правительству в качестве советника Министерства юстиции¹⁴.

Несмотря на многообразный практический опыт, основную часть своей жизни Паунд провел в Гарвардском университете. Вернувшись туда в 1910 году, он последовательно занимал должности: профессора права имени Стори (*Story Professor of Law*) до 1913 года; профессора юриспруденции имени Картера (*Carter Professor of Jurisprudence*) с 1913 по 1937 годы; декана юридического факультета с 1916 по 1936 годы; с 1937 года – профессора Гарвардского университета (должность, дающая право преподавать на всех факультетах). Паунд официально ушел на пенсию в 1947, но фактически – это было временем его работы в Китае и затем в Калифорнийском университете в г. Лос-Анджелесе, откуда, получив в 1955 году премию имени Уильяма Волкера в размере 15 000 долларов США за выдающиеся заслуги как ученый, преподаватель и государственный служащий, использовал эти средства для возвращения в Гарвард¹⁵.

¹¹ См.: *Sheppard S. History of Legal Education in the United States: Commentaries and Primary Sources in 2 Volumes. Vol. 1. Pasadena: Salem Press, Inc., 1999. P. 1116.*

¹² См., например: *Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 105.*

¹³ См.: *Roscoe Pound Weds Mrs. J.E. Miller // The New York Times. 1931. July, 1. Section S. P. 29; Grand Old Man of Law // The New York Times. 1962. August, 9. P. 15; Roscoe Pound of Harvard Dies // The New York Times. 1964. July, 2. P. 1.*

¹⁴ См. об этом § 2.3 настоящего исследования, а также следующие очерки исследователей «китайского» периода в жизни и творчестве Паунда: *Alford W.P., Yu X. Pound for Pound? Roscoe Pound's Adventures in China and Questions They Pose for Scholars of Contemporary China // University of Pennsylvania Asian Law Review. Vol. 18. 2022. № 1. PP. 1-32; Kroncke J.J. Roscoe Pound in China: A Lost Precedent for the Liabilities of American Legal Exceptionalism // Brooklyn Journal of International Law. Vol. 38. 2012. № 1. PP. 77-143.*

¹⁵ См.: *Scholar Wins Award // The New York Times. 1955. June, 1. P. 35.*

За годы его административной деятельности юридические факультеты как Университета Небраски, так и Гарвардского университета были сильно преобразованы. В обоих университетах Паунд провел реформирование системы образования: при нем выросло число студентов (например, когда он учился в Гарварде, на юридическом факультете обучалось 254 студента; в 1916 году, когда он приступил к исполнению обязанностей декана, обучался 791 студент, а уже к 1925 году – 1440 человек), но при этом выросли также и требования к ним (в Гарварде, например, только две трети зачисленных успешно удаивались получения диплома); увеличилась численность профессорско-преподавательского состава, но к ним стали предъявляться более высокие требования; увеличилось количество преподаваемых дисциплин; акцент был поставлен на фундаментальность юридического образования и, соответственно, курсы, благодаря которым эта фундаментальность достигалась; и так далее¹⁶.

Паунд был требователен не только к другим, но прежде всего к себе. Считается, что это было прямым отражением религиозности его семьи: воспитанный в пуританском духе, Паунд был настолько предан своему делу, что порой даже приводил окружающих в замешательство. Знавший его Артур Гудхарт (*Arthur L. Goodhart*) в статье, посвященной памяти Паунда, даже предположил, что, если бы девяностодвухлетний Паунд встретился бы с самим собой девятнадцатилетним, то вскоре «каждый из них прервал бы беседу словами: “Что ж, мне пора немного поработать”»¹⁷. Невероятное трудолюбие, сильный волевой характер, преданность делу, независимость, энергичность, прямолинейность, иногда вспыльчивость, участливость, способность довести начатое до конца, вдохновлять своих студентов, серьезно и с уважением относиться к их идеям, а также общая непостижимость его как личности – черты, которые единодушно отмечают везде, где фигурирует имя Паунда¹⁸. «Качества его личности, особенно

¹⁶ См.: Dean of Harvard Law // The New York Times. 1948. November, 28. Section BR. P. 42; *Sutherland A.E., Jr. One Man in His Time*. P. 10, 15.

¹⁷ См.: *Goodhart A.L. Roscoe Pound* // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. P. 26, 36.

¹⁸ См., например, *Stone J. Law and Society in the Age of Roscoe Pound: A Memorial* // Israel Law Review. Vol. 1. 1966. № 1. PP. 173-221; *Clark T.C. Tribute to Roscoe Pound* // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. PP. 1-3; *Griswold E.N. Roscoe Pound – 1870-1964* // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. PP. 4-6; *Sutherland A.E., Jr. One Man in His*

запечатлевшиеся в моем сознании, – писал Стивен Келли, сотрудник библиотеки юридического факультета Гарварда, – его жесткая честность, поразительная сила памяти, любовь к работе и верность друзьям, идеям и проектам»; там же Келли приводил слова Паунда из одного из его частных писем: «Любовь к работе – это одновременно реальная страсть и обезболивающее от личных проблем»¹⁹. Известно, что практически вплоть до смерти он работал с понедельника по пятницу с 8 до 17 часов и в субботу с 9 до 13 часов²⁰.

Истинная причина трудолюбия Паунда – будь то способ бегства от одиночества или некий внутренний стержень – не имеет существенного значения; важен сам факт, что Паунд, именно благодаря своему усердию, стал человеком с общепризнанным авторитетом – «архитектором права», «лидером реформы судебной системы», «пионером социологического метода в области юриспруденции», «наставником Американской ассоциации юристов» («*schoolmaster of American Bar*»), «патриархом права» («*grand old man of law*»), «одним из самых популярных лекторов Гарварда», «плодовитым писателем, известным во всем мире», «редким энциклопедистом в области юридических и смежных наук», «ученым (*scholar*) во многих областях», «последним великим специалистом широкого профиля», «самым известным американским правоведом прошлого и настоящего», «ученым и изобретателем» – и этот перечень можно продолжать бесконечно²¹. Артур Гудхарт в упомянутом очерке вспоминал, как однажды ему удалось познакомить Паунда с Бертраном Расселом: «радость

Time. PP. 7-22; *Goodhart A.L.* Roscoe Pound. PP. 23-37; Grand Old Man of Law. P. 15; Dean of Harvard Law. P. 42; Roscoe Pound of Harvard Dies. P. 1; и др.

¹⁹ Roscoe Pound Papers. Part I: Correspondence, 1907-1964. P. VIII.

²⁰ См.: Grand Old Man of Law. P. 15.

²¹ См.: *Aumann F.R.* Review of Interpretations of Modern Legal Philosophies: Essays in Honor of Roscoe Pound / ed. by Paul Sayre. New York: Oxford University Press, 1947 // Social Science. Vol. 22. 1947. № 3. PP. 237-239; *Rohrlich C.* Essential Guard of Human Rights // The New York Times. 1942. August, 30. Section BR. P. 20; Roscoe Pound Papers. Part I: Correspondence, 1907-1964. P. IX; Roscoe Pound // Encyclopedia Britannica. 2025. October, 23. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Roscoe-Pound> (дата обращения: 01.12.2025); Pound is Honored by N.Y.U. Faculty // The New York Times. 1948. June, 29. Section BOOKS. P. 21; Grand Old Man of Law. P. 15; *Kocourek A.* Roscoe Pound as a Former Colleague Knew Him // Interpretations of Modern Legal Philosophies: Essays in Honor of Roscoe Pound / ed. by Paul Sayre. New York: Oxford University Press, 1947. P. 419 et seq.; *Clark T.C.* Tribute to Roscoe Pound. P. 1; *Griswold E.N.* Roscoe Pound – 1870-1964. P. 4; *Goodhart A.L.* Roscoe Pound. P. 33; *Frank J.* Law and Modern Mind. London: Stevens & Sons Limited, 1949. P. 207 et seq.; Roscoe Pound of Harvard Dies. P. 1; Pound is Eulogized at Harvard Service // The New York Times. 1964. July, 8. P. 35; и др.

последнего, – указывал Гудхарт, – переполняла его от встречи с мыслителем такого уровня, и он был вне себя от восторга»²².

Слава Паунда как ведущего представителя Гарвардской школы права, ассоциация его имени с именем всего университета и его научной школы, быстро распространялась по всему миру. Эрвин Грисволд (*Erwin E. Griswold*), декан факультета с 1946 по 1967 годы, был убежден, что Паунду, «почти единственному, была обязана первоначальная известность юридического факультета Гарвардского университета во многих других странах»²³. За столь широкой известностью стояла личность ученого с не менее широкой сферой исследовательских интересов и поистине колоссальной эрудицией²⁴. Сам Паунд искренне восхищался специалистами, которые стремились охватить своими интересами всю сферу права, все юридические науки – таким, например, был Йозеф Колер, на которого Паунд во многом равнялся²⁵. Но он пошел дальше, охватив своими исследованиями неисчисляемое множество дисциплин. Ориентироваться в таком огромном массиве знаний позволяла ему абсолютная память, а точнее, как он сам называл, ее «причуды» (*«a freak of memory»*)²⁶.

Феноменальность памяти мыслителя была не единственным его природным даром. Он обладал и крепким здоровьем, позволившим ему десятилетиями выдерживать невероятные интеллектуальные нагрузки. К девяносто четвертому году жизни, однако, «его тело просто изнашивалось»²⁷. Ему была выделена палата в

²² Goodhart A.L. Roscoe Pound. P. 23.

²³ Griswold E.N. Roscoe Pound – 1870-1964. P. 6

²⁴ Уильям Гроссман вспоминал о Паунде следующую историю, подтверждающую действительно колоссальный уровень его эрудированности: «Во время визита в Англию для чтения цикла лекций по юриспруденции, декан Паунд присутствовал на банкете в честь местной знаменитости. Вступив в беседу со своим соседом, Паунд вскоре оказался вовлеченным в запутанную теологическую дискуссию, которая переросла в жаркий спор по сложному вопросу церковной истории и доктрины. После долгого обмена аргументами... противник декана вытер лоб и неохотно признал поражение. Глядя на Паунда с неподдельным любопытством, он сказал: “Кстати, мне бы очень хотелось знать, кто Вы такой”. “Роско Паунд, декан юридического факультета Гарвардского университета. А кто, позвольте спросить, Вы?”. “Я, сэр, всего лишь Архиепископ С– [название епархии, оставленное не уточненным]”, – ответил побежденный противник». См.: *Grossman W.L. Legal Philosophy of Roscoe Pound // The Yale Law Journal. Vol. 44. 1935. № 4. P. 605.*

²⁵ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II) // Harvard Law Review. Vol. XXV. 1911. № 11. P. 156.*

²⁶ См.: Goodhart A.L. Roscoe Pound. P. 29. Это выражение представляет собой парафраз известной английской идиомы *«a freak of nature»*, означающей природную (естественную) аномальность, необычность. По значению данная идиома близка к русскому фразеологизму «ошибка природы».

²⁷ Griswold E.N. Roscoe Pound – 1870-1964. P. 5

университетском лазарете имени Стиллмана, откуда время от времени даже в таком состоянии привозили его на инвалидной коляске в Лэнгделл-холл (тогда уже основной корпус юридического факультета), чтобы он мог отвечать на свою корреспонденцию. А Паунд состоял в переписке с большим количеством видных людей – с президентами США (например, с Ф.Д. Рузвельтом, чей «Новый курс» и попытки построения государства всеобщего благоденствия он как убежденный республиканец подвергнул резкой критике), судьями (в частности, Верховного суда США), профессорами и преподавателями права из США и зарубежных стран, а также со многими другими выдающимися деятелями XX века²⁸.

Не дожив до своего девяносточетырехлетия немногим более трех месяцев, вечером 1 июля 1964 года Паунд мирно скончался во сне. Все свое «материальное имущество в виде личных вещей» он оставил Гарвардскому университету, предоставив ему право «распоряжаться ими таким образом, как посчитают целесообразным и уместным»²⁹. А многочисленное творческое наследие, в значительной мере опередившие свое время, осталось миру и вошло в его сокровищницу юридической мысли.

§ 1.2. Методологические основы учения³⁰

Правовые и политические учения как целостные комплексы представлений о праве и государстве всегда предполагают наличие неких основополагающих, смыслообразующих идей, которые сквозным образом пронизывают все отдельные мысли их авторов, позволяя объединить и выстроить все высказанные суждения в логически стройную, связную и непротиворечивую систему. Такие идеи традиционно называются методологическими основами учения, которые вместе с содержанием и программными положениями представляют собой три компонента структуры правового, политического или политико-правового учения (доктрины, теории). Известный отечественный правовед О.Э. Лейст, выделяя указанные части,

---

²⁸ См.: Roscoe Pound Papers. Part I: Correspondence, 1907-1964. P. VI-VII.

²⁹ *Ibid.* P. V.

³⁰ Материал настоящего параграфа был подготовлен с использованием следующих публикаций автора: Меликовский А.А. Прагматическая философия права: Роско Паунд в поисках теории для практики // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 30-38.

справедливо соединял то, что он называл «методологическим стержнем учения» с «мировоззрением эпохи»³¹. И хотя исторически «мировоззрение эпохи» нередко шло в разрез с а с «методологическим стержнем» того или иного учения, то есть с мировоззрением конкретного мыслителя, протестующего против политико-правовых устоев общества (как, например, Руссо, Маркс, Ницше, Толстой и другие), в случае с Паундом подобного расхождения констатировать невозможно.

Сквозная идея его творчества, равно как и ядро американского «мировоззрения эпохи» – *πράξις* – действие (дело)³². Учения и движения, построенные вокруг этой идеи, в философии называются прагматизмом. В современной философской литературе прагматизм определяется как «учение, рассматривающее действие, целесообразную деятельность в качестве центрального, определяющего свойства человеческой сущности»³³. Прагматическая философия призывает действовать, несмотря ни на какие трудности и препятствия; она преподносит себя в качестве спутницы, которая предназначена помочь человеку «двигаться в потоке опыта к каким-то поставленным целям»³⁴. Не сами цели находятся в фокусе учения, а лишь процесс их достижения. Прагматизм не ориентирован на вечность, напротив, он преследует приземленную задачу – содействовать решению сиюминутных проблем. Причем речь идет об их решении не с точки зрения пользы (*utility*; эта категория – основа утилитаризма), а с точки зрения полезности (*usefulness*, именно этот термин использовался в оригиналах произведений «отцов-основателей» прагматизма), действенности и эффективности (эти термины для русскоязычного читателя лучше передают пафос концепции и позволяют не путать ее с утилитаризмом) – соотношения изначально поставленной цели с фактически имеющимися шагами в направлении к ней. Имея в виду наличие или отсутствие прогресса в деле достижения поставленной цели, прагматический подход рассматривает все (в том

³¹ См.: История политических и правовых учений: учебник / под ред. О.Э. Лейста. М.: Юрид.лит., 1997. С. 5.

³² См.: Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. члена-корр. АН СССР проф. С.И. Соболевского; с приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. С. 1362.

³³ История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 826.

³⁴ Алексеев П.В., Алексеев А.П., Панин А.В. Философия: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 153.

числе мышление и познание) как формы деятельности, служащие способами движения к представляемому практическому результату.

Прагматическая методология в правовом учении Паунда – вопрос, в современной российской науке разработанный наибольшим образом. Этой проблеме была посвящена диссертация Д.Г. Сызранцева на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Прагматизм в праве (метод Роско Паунда)»³⁵. В ней автор четко прослеживает связь идей Паунда с идеями «отцов-основателей» прагматизма как философского течения – Чарльза Пирса (*Charles Pierce*, 1839-1914), Уильяма Джеймса (*William James*, 1842-1910) и Джона Дьюи (*John Dewey*, 1859-1952). Отдельное внимание вопросам прагматической методологии уделяется в работах Г.Э. Адыгезаловой³⁶. Тем не менее необходимо кратко остановиться на некоторых, самых основных, положениях прагматизма для последующего рассмотрения собственно учения мыслителя и корректности его последующей интерпретации.

Начиная с Ч. Пирса, одного из основоположников философии прагматизма, в понятийно-категориальном аппарате учения появляется категория истины. По существу, прагматисты произвели подмену понятий: то, что они подразумевали под истиной, в конечном итоге, оказывалось мнением (убеждением) или верованием. «Истина, – писал Пирс, – означает просто способ достижения тех или иных целей»³⁷. Поэтому в целом для прагматической философии имела значение не истинность как антипод лжи или заблуждения, а эффективность, действенность той или иной идеи, убежденность в ней. И это неслучайно: любые сомнения, по замыслу авторов учения, негативно влияют на действие, а значит то, что они называли истиной – не более чем то, что способно преодолеть сомнение (или, в словоупотреблении Пирса, способно положить «конец раздражению, вызванному

---

³⁵ См.: Сызранцев Г.Д. Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2002.

³⁶ См.: Адыгезалова Г.Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004; Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2017.

³⁷ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. С. 155.

сомнением»³⁸). Ложь, полагали тогда в США, перестает быть ложью, как только начинает действовать, работать³⁹. В этом смысле в прагматизме категория истины, как верно утверждают исследователи, оказывается «излишним или избыточным» понятием⁴⁰. Подобная интерпретация истины не могла не привлечь внимания правоведов, поскольку юридической науке не свойственно оценивать собственные суждения на предмет их истинности или ложности. Право мыслится в категориях справедливости, действительности, легитимности и многих других, которые оценивают все, кроме истинности. Наконец, право мыслится в категориях действенности и эффективности: оно либо «работает», осуществляя свои функции эффективно, либо нет. Поэтому, считал Паунд, «истинная юридическая теория и истинный юридический метод – это то, что приводит к добрым делам»⁴¹, то есть оказывает эффективное, продуктивное влияние.

Более того, Ч. Пирс – один из основателей семиотики. Его учение о знаках нашло достойное место в современной системе данной науки. Знак, по философу, нужно понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле – это триада, состоящая из знака в узком смысле («репрезентамена»; обозначающего), обозначаемого (объекта) и «интерпретанты» («познания ума»; иными словами, мышления)⁴². «Знак, – утверждал философ, – [...] является средством сообщения сознанию чего-то извне. То, что он репрезентирует, называется его объектом; то, что он сообщает, – его значением; а идея, которую он порождает, – его интерпретантой»⁴³. Все эти суждения, особенно в отношении второго элемента – значений – имели непосредственное отношение к понятиям. Пирс яро отстаивал логическую строгость любого понятия, хотя его личные формулировки нельзя охарактеризовать таким образом. Ему представлялось, что успех может быть достигнут только в том случае, когда понятие будет носить полный характер, а

---

³⁸ Там же. С. 274.

³⁹ См.: *Pound R. Revival of Natural Law // Notre Dame Lawyer. Vol. 17. 1942. № 4. P. 369.*

⁴⁰ См.: История философии: учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. С. 509.

⁴¹ *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I) // Harvard Law Review. Vol. XXIV. 1911. № 8. P. 598.*

⁴² См.: Пирс Ч.С. Указ. соч. С. 177, 184 и др.

⁴³ Там же. С. 151.

именно – охватит все «следствия, имеющие практическое значение, [которые] имеет [...] объект [...] понятия»⁴⁴ (прагматическая максима). Тем самым релевантно только такое понятие, которое представляет собой сумму всех его значений (практических следствий).

С одной стороны, ориентация прагматизма на действенность и эффективность (полезность) – главные индикаторы для юридической практики – взамен истинности в понимании иных философских доктрин; с другой – прагматическая максима, требующая анализа совокупности всех имеющих практическое значение знаний об объекте, – что, разумеется, актуально для юристов, «все еще ищущих свое определение права» (И. Кант). Очевидно, что эти обстоятельства поспособствовали тому, чтобы философское учение легло в основу относительно нового подхода к праву, который также был ориентирован на действенность и эффективность и на который так возлагались надежды в отношении его способности к выведению юридической науки из очередной фазы кризиса – социологического правопонимания.

Вдохновленный веяниями формирующейся континентальной социологии права, Паунд, наблюдая кризис в правовой системе своей страны, заметил анализируемые выше особенности философии прагматизма. Он предпринял попытку создать авторскую версию аналогичных идей на почве прагматизма, придумав для него новое название – «социологическая юриспруденция». Стоит сразу же заметить, что социологическая юриспруденция и социология права – не одно и то же. Вероятно, из-за наличия в названии слова «социологическое» многие исследователи относят Паунда к социологам права, а социологию права и социологическую юриспруденцию либо отождествляют, либо последнюю считают разновидностью первой. С такой оценкой невозможно согласиться. Между этими направлениями есть колоссальные различия, главным образом, обусловленные их отношением к естественному праву⁴⁵.

---

⁴⁴ Там же. С. 278.

⁴⁵ Об этом см. § 2.2 и § 3.3 настоящего исследования.

В одной из своих первых статей Паунд пишет: «Социологическое движение в юриспруденции – это движение за прагматизм как философию права»⁴⁶. В переживаемые минуты кризиса прагматизм, с точки зрения ученого, необходим праву. Неслучайно он высказывает эту идею в знаменитой работе «Механическая юриспруденция» (1908), в которой выступает с жесткой критикой механического (инструктивного, нетворческого, технического) подхода к юридической деятельности. Чтобы выйти из этого состояния, правоведение должно обратиться к прагматизму, построить «юриспруденцию принципов», которую так успешно смогли возродить немцы с принятием в 1900 году Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*).

Прагматическая философия права, по мысли Паунда, – это движение за «приспособление принципов и доктрин к человеческим условиям (*human conditions*), которыми они должны управлять (*to govern*); «за то, чтобы поставить человеческий фактор на центральное место и низвести логику до ее истинного положения инструмента»⁴⁷. Это учение сосредоточено на человеке и требует того же от социальных феноменов, к которым относятся право и государство. Прагматизм позволяет преодолеть заикленность права на самом себе. Бесконечное множество абстракций, которыми так пестрит юриспруденция, а также стремление к четким понятиям и определениям вкупе с последующими дедуктивными операциями оттеняют человека и общество. Их законное место занимает логика; право понимается как самоцель, как нечто, что становится не более чем логически замкнутой и ориентированной на себя системой. Возникшая между теорией и практикой конфронтация привела к разрыву «права в книгах» и «права в действии»; к формированию параллельно существующих систем, повлекших за собой полную неэффективность в вопросах отправления правосудия. Право буквально стало неспособно справляться со стоящей перед ним целью.

Сложившееся положение дел не устраивало мыслителя. Теоретические соображения о праве не должны быть оторваны от того, что имеет

---

⁴⁶ *Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. Vol 8. 1908. № 8. P. 609.*

⁴⁷ *Ibid. P. 609-610.*

непосредственное отношение к человеку – от юридической практики. В связи с этим Паунд предпринял попытку примирить теорию и практику. Философия прагматизма послужила для этого удачной методологической платформой, на которой американский правовед концептуализировал свои правовые воззрения. Выступая архитектором прагматической философии права, Паунд возвещал, что новое учение должно формироваться не в духе «витающей в воздухе юриспруденции или систем юридической метафизики, которые почерпнуты из сознания (*the inner consciousness*) немецкого философа»⁴⁸, а для и во имя юридической практики. Он исходил из того, что жизнь изменчива, в ней периодически возникают новые и модифицируются уже известные общественные отношения. Право обязано отвечать на стоящие перед ним вызовы, а философия права должна оказывать в этом помощь. Жертвуя системностью знания, мыслитель призывает конструировать философию права под влиянием актуальной повестки дня; выводить ее, как и подобает в представлении философов-прагматистов выводить любое теоретическое знание, из опыта. Своим собственным примером следования данному правилу Паунд показывает, как это необходимо делать: нужно спокойно и поступательно разрабатывать знание посредством конкретных реакций на конкретные вызовы своего времени.

Кризис, с которым столкнулась американская юриспруденция в начале XX века, был обусловлен растущим в обществе недовольством системой *common law*, которая «с самого начала конкурировала, если не конфликтовала, с другими системами и неуклонно завоевывала свои позиции»⁴⁹. Однако *common law* – это не просто форма закрепления тех или иных правоположений; по Паунду, это система устоявшихся в ней (системе) принципов права. Сочетаемые в данной системе три основополагающие доктрины – верховенство права (*the supremacy of law*), прецедентное право и прецедент (*case-law and precedent*), а также состязательный судебный процесс (*contentious procedure*) – придают ей устойчивость и уникальную силу в борьбе за свое право на существование⁵⁰. Даже в тех штатах, где возникали

---

⁴⁸ *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law? // Columbia Law Review. Vol. V. 1905. № 5. P. 353.*

⁴⁹ *Ibid. P. 339.*

⁵⁰ *См.: Ibid. P. 348, 351; Pound R. Spirit of the Common Law. Boston: Marshall Jones Company, 1921. P. 1-31.*

континентальные элементы в праве (Висконсин, Луизиана, Мичиган, Техас и др.), эти доктрины преобразовывали их правовые системы, фактически подводя к модели *common law*⁵¹.

От многолетнего противостояния англо-саксонской (англо-американской) и романо-германской систем ощущалось напряжение и в самом юридическом сообществе США, в котором в том числе были сторонники континентальной системы (Г. Мэн, Ф.У. Мейтленд, Г. Бруннер). По их мнению, рано или поздно континентальная система с ее страстным отношением к законодательству одержит над прецедентным правом победу. Уверенный в непоколебимости *common law*, Паунд отвергал все подобные доводы: эта система несокрушима ровно столько, сколько она функционирует и функционирует эффективно. Действие (*πράξις*) и есть ключевой концепт в учении Паунда. В отличие от Эрлиха, у которого право самобытно «живет» («живое право»)⁵², у Паунда оно действует – оказывает влияние, разрешает споры, вносит в жизнь порядок – одним словом, служит личности, обществу и государству. Пока *common law* с этим справляется, оно несомненно будет существовать.

Единственное, что с точки зрения Паунда на самом деле угрожает системе *common law* – то, что она «демонстрирует слишком большое уважение к индивиду и к тому укоренившемуся положению, в которое поставила ее ... [американская] правовая и политическая история, и слишком малое уважение к потребностям общества, когда они вступают в противоречие с индивидуальными интересами»⁵³. Эта позиция находит отражение в ранних трудах Паунда. Общество и, в первую очередь, народ как носитель суверенитета страдают от дефицита внимания к их интересам в отличие от интересов отдельных частных лиц, поставленных на алтарь права. Американский правовед ни в коем случае не оправдывал интересы «Уолл-стрита» (С.Ф. Кечекьян), о чем активно писали в юридической литературе

⁵¹ См.: *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law?* P. 340.

⁵² См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.

⁵³ *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law?* P. 344.

советского периода⁵⁴; и уж тем более он не был социоцентристом или социалистом. Мыслитель высказывал довольно умеренные идеи о том, что нужно искать гармонию между индивидуализмом (имея в виду понимание индивида в новоевропейской традиции) и социализмом. Он очевидный антропоцентрист, подвергающий осуждению всякие попытки радикализации в рассмотрении любых правовых проблем и призывающий к обсуждению и поиску баланса между исторически сформировавшимися крайностями. Вслед за У. Блэкстоном он заявлял, что «общественное благо ни в чем так существенно не заинтересовано, как в защите частных прав каждого (!) человека»⁵⁵. Особенно это видно в поздних трудах правоведа: после Второй Мировой войны в концепции Паунда центр тяжести, скорее, был смещен с общества на личность (личность в обществе), но все же с сохранением интенции на поиск баланса. Известный опыт кровавых событий этого времени показал, что право – не просто инструмент, а инструмент, который должен обладать определенным (правовым) качеством, которое отражает и охраняет ценности цивилизованного общества; обобщенно – своим идеальным элементом.

Однако внимание довоенного Паунда, когда он только начинал очерчивать контуры своего учения, было сосредоточено на обществе и его интересах. «В настоящее время, – утверждает Паунд в 1905 году, – актуально не то, что об отдельном человеке, а то, что об обществе. Сегодня впервые *common law* оказывается направленным против народа (людей; *people*)»⁵⁶. А народ, в свою очередь, «не чувствует, что юриспруденция делает что-то для него. Юридическая наука сначала должна показать, что ей есть что предложить, прежде чем сможет надеяться на общественное признание. Но не следует допускать, чтобы она оставалась пораженной бесплодием перед лицом плодотворных задач, которые

---

⁵⁴ См.: История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кечекьяна и доц. Г.И. Федькина. М.: Юрид. лит., 1955. С. 727; Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 290; История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. Часть II. М.: «Высшая школа», 1972. С. 277-278; и др.

⁵⁵ См.: *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law?* P. 347; *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England* / adapted to the present state of the law by Robert Malcolm Kerr. Vol. I: Of the Rights of Persons. 4th ed. London: John Murray, Albemarle Street, 1876. P. 109.

⁵⁶ См.: *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law?* P. 344.

ожидают ее в ... переходную эпоху»⁵⁷. По существу, тогда сложилась ситуация, когда «люди (*men*) изменили свои взгляды на относительную важность (*relative importance*) индивида и общества, а *common law* – нет»⁵⁸. Положение человека в Средние века ожидаемо привело его к «бунту» (*revolt*), вылившемуся в господствовавшее в эпоху Возрождения понимание человека как индивида – изолированного, отдельного человека вне контекста его связей с себе подобными. Этот бунт, «перенесенный за пределы своего времени [...], оказывается ложным и опасным»⁵⁹. История показывает, что такое понимание индивида – не более чем «абстракция, никогда не существовавшая конкретно», поэтому юристы должны искать основания свободы в обществе⁶⁰. Любопытно заметить, что Паунд в приведенном фрагменте ссылался на фундаментальный труд «Философия права», автор которого – профессор Неаполитанского университета Диодато Лиой (*Diodato Lioy*, 1830-1912) – в начале второго тома в довольно резкой форме высказывает следующее: «Изолированный индивид – абстракция; в истории представлены только семьи, племена, расы, народы или государства»⁶¹. При цитировании Паунд опустил вторую часть (как представляется, не соответствующую его взглядам), заменяя ее на «никогда не существовавшая конкретно». Это лишний раз подтверждает умеренность взглядов мыслителя: он настаивал на том, чтобы юристы сосредоточились именно на личности, но с учетом контекста его межличностных (социальных) связей.

Можно лишь предположить, что Паунд высказывает идеи, которые были в это время популярны в Европе в рамках концепции социального государства (*der Sozialstaat*) и которые позже получают известность в Америке, став основой неолиберальной концепции государства всеобщего благоденствия (*welfare state*). По сути, выступая своеобразным «мостом» между этими культурами, эпохами и доктринами, Паунд старается переосмыслить понимание личности, словно

---

⁵⁷ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence // The Green Bag. Vol. XIX. 1907. № 10. P. 608.*

⁵⁸ См.: *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law? P. 346.*

⁵⁹ См.: *Ibid. P. 352.*

⁶⁰ См.: *Ibid. P. 346.*

⁶¹ *Lioy D. Philosophy of Right / with special reference to the principles and development of law; translated from the Italian by W. Hastie. In two volumes. Vol. II. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, & Co., LTD, 1891. P. 3.*

предвещая грядущие перемены в гуманитаристике и социально-политической жизни и готовя к ним англоязычную юридическую общественность. Вся риторика о том, что «право должно стоять на стороне народа» – кажется, очевидный протест против отдельных частных лиц и принадлежащих им корпораций: «В наши дни, – отмечает правовед, – *common law* не приносит никакой пользы, стоя во всеоружии перед индивидами, будь то естественными или искусственными, которые нуждаются не в защите, а в выходе из-под эгиды *common law*, чтобы нанести вред обществу»⁶².

Исходя из подобных философских рассуждений, Паунд дает абсолютно юридическое (по содержанию – теоретико-историческое) обоснование, почему необходимо защищать интересы общества и, соответственно, личности как его члена. Раньше на короля как на *parens patriae* («отца нации») были возложены обязанности по защите публичных интересов (*public interests*). Король обладал чем-то, «очень похожим на современные полицейские полномочия (*modern police power*)», ограниченные со всех сторон нормами *common law* и *lex terrae*. Но времена изменились: место короля как носителя суверенитета занял народ. Но если суверенитет перешел от короля к народу, то эти полномочия по защите интересов также перешли к нему, а значит и перешедшая власть «наделила ... [народ] полицейскими полномочиями». Правда, эта власть четко не определена, «а система *common law* ревниво относится ко всякой неограниченной власти»⁶³. Паунд как истинный философ права поразительно точно поставил проблему и озадачил интеллектуалов-современников на ее решение.

Рассмотренные идеи не носят чисто мировоззренческого характера. Все эти умозрительные дилеммы находят отражение в конкретных правотворческих и правоприменительных актах, начиная с базовых вопросов регламентации свободы договора, заканчивая проблемами в сфере охранительных правоотношений. Как возможно искоренить такое преувеличенное отношение к отдельным лицам, их правам и интересам, так угрожающим обществу и *common law*? Ответ ученый

---

⁶² См.: *Pound R. Do We Need a Philosophy of Law?* P. 349-351.

⁶³ См.: *Ibidem*.

нашел в системе юридического образования: это можно сделать только посредством «обучения подрастающего поколения юристов социальной, политической и правовой философии, соответствующей требованиям нашего времени»⁶⁴. Дело в том, что философия права формирует «искусственный разум» (Э. Кок), способный к юридическому мышлению, развивает правовое сознание обывателя до уровня юриста как представителя профессиональной корпорации. Система юридического образования, в которой доминирует подход обучения «жесткому праву» (Ф.У. Мейтленд), не может позволить «наиболее образованным представителям юридического сообщества (*bar*) оставаться детьми своего времени» и идти в ногу с ним⁶⁵. Господствовавшее на тот момент юридическое мышление стало механизированным, а тот самый «искусственный разум» стал ничем иным как пагубным и погубляющим все вокруг алгоритмом. Философия права развивает гибкость мысли, позволяет перебороть привычки юридического мышления. Для Паунда, понимавшего философию близко к позитивистской (неопозитивистской) интерпретации, философия права – это такое предельно обобщенное знание, которое выступает инструментом правильного понимания политико-правовых явлений и своевременного выявления, предотвращения и профилактики различного рода угроз адекватности права и его связей с личностью, обществом и государством.

В статье с далеко не обнадеживающим юристов-теоретиков названием «Нужна ли нам философия права?» («*Do We Need a Philosophy of Law?*», 1905), основные идеи которой освещались выше, Паунд обсуждает мировоззренческие вопросы, обнаруженные им под оболочкой реальной юридической практики. Первоначально, при чтении этой работы глазами континентального правоведа, изучавшего в рамках философии права образцы классической мысли и имевшем типичное представление о философии права как об отвлеченном от практики знании, складывается неверное впечатление о ненужности философии права как науки и учебной дисциплины. Такое впечатление, обусловленное непривычным

---

⁶⁴ См.: *Ibid.* P. 352.

⁶⁵ См.: *Ibid.* P. 353.

подходом к обоснованию необходимости философско-правового знания, остается вплоть до последнего предложения, в котором Паунд, по сути, удивляясь сопротивляющимся философии права юристам, риторически задается вопросом: «Не должна ли философия права, основанная на глубоком знании элементов современной социальной и политической науки, стать частью – и необходимой частью, – вооружения (*equipment*) квалифицированного юриста?»⁶⁶. Вопреки рыхлости, разрозненности и бессистемности прагматического подхода к праву, его ядро, несомненно, – философско-правовое, обращенное на юридическое мировоззрение и мышление, напоминающее важность фундаментальной части права и науки о праве. Паунд был убежден, что философия права, теоретическая юридическая наука необходимы; но так как юрист – профессия практическая, а право – это всегда о практике, то и теоретическую науку о праве нужно строить на основе прагматического подхода.

Прагматическим подходом к проблемам права обусловлена эклектичность правового учения Паунда. С одной стороны, такая теория (философия) формировалась Паундом посредством его ответов, реакций на вызовы своего времени, что обуславливает многоаспектность и фрагментированность его учения. Исследователю правового наследия Паунда необходимо пробираться сквозь казуистические примеры, чтобы вывести общеправовые взгляды мыслителя, который фактически мало что сделал, чтобы самостоятельно продемонстрировать связи между теми или иными идеями. Однако это нельзя считать слабой стороной учения: каждый автор сам решает, как и насколько систематизировать свои идеи, и систематизировать ли их вообще. Это ни в коей мере не умаляет значения его политико-правовых идей и не ограничивает их исследователей и интерпретаторов. Поэтому, представляется, что в этом кроется своеобразность, даже уникальность его прагматической философии права: теорию, по его убеждению, необходимо выводить из жизни – а жизнь шаткая, изменчивая и, очевидно, что в таких условиях все связи предусмотреть категорически невозможно.

---

⁶⁶ См.: *Ibidem*.

С другой стороны, по сравнению с иными философскими концепциями, прагматизм больше остальных преследует цель преобразовать жизнь, что допускает использовать концепции и методологические установки иных политико-правовых доктрин. Однако специфика учения Паунда обусловлена тем, что автор видел необходимость не в «примирении» доктрин (в отличие от Дж. Холла, А.С. Яценко и других представителей интегративизма), а в рациональном соединении их основополагающих идей для эффективного функционирования знания⁶⁷. Этот факт – по большому счету, следующий из контовского призыва к обобщению знания, – позволяет относить Паунда к функционалистам; его мысль была направлена на формирование целостного юридического знания как особого механизма, позволяющего прежде всего отправлять правосудие.

Эклектизм в этом смысле представляет собой практику сочетания достижений прошлого с вызовами настоящего. Поскольку, как правило, только первые мыслители обладали уникальной возможностью быть абсолютно оригинальными в формулировке своих идей и оценок, а уже последующие, напротив, зачастую были скованы рамками творческого наследия предшественников, то между их стилями мышления также обнаруживаются различия. История демонстрирует, что мышление последующих приобретает доктринальный характер, обуславливающий меньшую оригинальность, но большую аргументированность ранее высказанных их предшественниками идей. Подтверждение этому тезису легко обнаруживается уже у истоков западной традиции. Античность с ее двумя центрами – Древней Грецией и Древним Римом – единодушно признается ее колыбелью. Однако если древнегреческие философы со своей склонностью к созерцательному образу жизни выводили во многом оригинальные идеи, которые позволяют древнегреческую мысль по праву называть колыбелью мировой философии, то древние римляне, озабоченные решением

---

⁶⁷ В современной теории права отношение к интегративизму неоднозначное. См. об этом: *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // *Юридическая наука: история и современность.* 2017. № 2. С. 20-29; *Гараева Г.Ф., Корнев В.Н.* Особенности синтетического подхода А.С. Яценко к определению права // *Общество: политика, экономика, право.* 2017. № 11. С. 84-88; *Фролова Е.А.* Рациональные основания права: классика и современность: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2023; и др.

практических задач, несмотря на могущество своей государственности, были интеллектуально «пленены взятой в плен Грецией» (Гораций), а потому и были обречены к рецепции и адаптации к своим реалиями эллинистического наследия. Ярким примером реализации именно такого варианта действия служит Цицерон – один из первых эклектиков, которому удалось органично соединить в своем учении преимущественно заимствованные у греческих стоиков идеи о праве, а у Аристотеля и частично Полибия – идеи о государстве.

У Америки конца XIX – начала XX века и Древнего Рима по стоящим перед ними задачам общего гораздо больше, чем может показаться. Эпоха, начавшаяся после гражданской войны, ставила перед американской интеллигенцией аналогичную задачу – разработать идеологию, которая могла бы служить основанием для освобождения от английского колониального прошлого и обеспечения качественных преобразований, измеримых только критериями действенности, практичности и эффективности. Прагматизм не только отвечал этим требованиям, но и был сознательно разработан для их удовлетворения. Это происходило все по тому же сценарию, предполагающему оригинальное соединение старых идей в новое учение. Уильям Джеймс, один из отцов-основателей прагматизма, с присущей ему пронизательностью и академической честностью признавал, что прагматизм – «это новое название для старых методов мышления»⁶⁸. Во многом благодаря усилиям прагматистов эклектизм как метод приобрел положительную характеристику, став воплощением последовательной методологии, отстаивающей способность идей служить эффективным инструментом для решения актуальных проблем, что в свою очередь обусловило необходимость и ценность исследования идей, доказавших свою практическую состоятельность.

Правовая и политическая мысль прошлого подчеркивает, что оригинальным может быть не только и уже не столько созданное *ex nihilo* («из ничего»), с так называемого «чистого листа» (*tabula rasa*), сколько путем сознательного

---

⁶⁸ См.: Джеймс (Джеймс) В. Прагматизм: новое понятие для старых способов мышления: популярные лекции по философии / пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. 2-е изд. СПб., 1910.

конструирования нового из элементов хорошо забытого старого. Исходной точкой такой мыслительной деятельности выступает активное, внимательное чтение («*close reading*»), работа с текстами, главными образом классическими, определившими пути развития цивилизации. Когда такие тексты читаются «новыми глазами», внимание невольно задерживается на каких-то деталях, лежащих вне центральных идей, относящихся к *obiter dictum* («попутно сказанному»). В связке с актуальными вопросами, тревожащими читателя как носителя конкретного культурного кода, это дает мощный импульс для формулирования аргументированных позиций по стоящим перед ним проблемам. Идеи никогда не возникают как *Deus ex machina* («Бог из машины», случайно), они требуют длительного переживания и еще более длительного осмысления. Понимание этого механизма побуждает по-другому взглянуть на эклектизм как на метод. Он, таким образом, представляет собой логическое следствие эрудированности автора: если бы тот же Цицерон не был знаком с высказанными до него идеями, он бы не смог создать то, что изучается уже не первое тысячелетие. Поэтому эклектизм – это вовсе не недостаток какого-либо учения, а особая методология и форма творчества, осуществляемого посредством постоянного пересмотра магистральных и второстепенных идей как элементов самобытной концепции. Из этого следует, что и практика органического соединения разнородных в философско-методологическом плане идей есть ни что иное, как особая форма оригинальности, позволяющая говорить о комплексном характере учения.

Между тем не всякое соединение можно считать творческим, а только такое, которое основано на общей идее и логическом синтезе. Общая идея (в случае с учением Паунда – *πρᾶγμα*) выполняет системообразующую функцию, а логический синтез – функцию последовательного структурирования исходных элементов в единую целостную и непротиворечивую систему. Представители прагматизма последовательно придерживались этих же установок. Более того, юридическое сообщество с одобрением восприняло теоретические положения прагматистов, которые отошли от традиционных, неприменимых в юриспруденции, концепций

истины, а их установка на практическую полезность оказалась созвучна единственно универсальной задаче права – эффективному разрешению споров. Эти веяния сначала уловил О.У. Холмс⁶⁹, затем основательно развил Паунд. Как истинный юрист, он мыслил и своим практическим примером призывал мыслить в триаде категорий «цель – средство – результат». В отличие от позитивистов, считавших логическую стройность права самоцелью, Паунд вслед за Иерингом полагал, что право всегда преследует какие-то цели, и эти цели лежат вне самого позитивного права. Общая логика такого подхода сводится к тому, что невозможно регулировать общественные отношения, не учитывая их специфики – а это, в свою очередь, не только явная отсылка к междисциплинарным началам прикладного юридического знания, но и способ отражения особенностей общественных отношений в позитивном праве.

Паунд признавал, что его авторская концепция социологической юриспруденции «начинается с Холмса, продвигается в неогегельянском историко-философском направлении с Колером, в позитивистско-социологическом направлении естественного права Дюги, который основывает свое учение на Дюркгейме, и в неосхоластическом социологическом направлении Ориу»⁷⁰. Себя и Кардозо Паунд называл продолжателями этого «социально-философского направления». Впрочем, можно назвать и имена других мыслителей, от идей которых Паунд так или иначе отталкивался, но указанные им – авторитеты, на теории которых Паунд стремился уподобить свои взгляды. В более поздних трудах он уточнил «перечень» повлиявших на него авторов, как бы выражая им благодарность за диалог, в ходе которого ему удалось «построить практическую науку права»: «Я многим обязан идее Колера о юридических постулатах цивилизации времени и места», «антиномиям Радбруха и его идеям справедливости и морали», а также «Ориу за его идею институтов»; «подобно большинству американцев, получивших научное образование в 80-х годах

---

⁶⁹ См.: *Лесив Б.В.* Правовой реализм Оливера У. Холмса: учение об онтологии прецедентного права: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023.

⁷⁰ *Pound R.* Sociology of Law and Sociological Jurisprudence // *The University of Toronto Law Journal*. Vol. V. 1943. № 1. P. 3.

прошлого века, я был воспитан на контовском позитивизме» и в начале XX столетия «обратился к контовской социологии»; «изучая тем временем юриспруденцию, как и все американцы второй половины XIX века, я попал под обаяние сэра Генри Мейна и, следовательно, Савиньи»; но «в конечном счете радикальный эмпиризм Уильяма Джеймса ... больше всего помог мне увидеть задачу права в том виде, в каком ее предстояло реализовывать»⁷¹.

Эрудированность мыслителя не может вызывать сомнений. Он был прекрасным специалистом в области цивилистики и романистики, уголовного и административного права, истории права и правовой мысли. Он, кроме того, был блестящим ботаником, основной метод которой – метод детальных классификаций – также «принес» с собой в юриспруденцию. Поэтому его в известной мере энциклопедичность – тоже своего рода препятствие в исследовании его огромного правового наследия. Очень сложно находить непосредственно его идеи, проследить их генезис, отделить их от заимствованных идей. Но по своей природе – это методологическая проблема, скорее, обращена к исследователям, что объективно не является недостатком учения мыслителя, а, напротив, его несомненным достоинством и сильной стороной. Как отмечал профессор юридического факультета Гарвардского университета Артур Тэйлор фон Мерен в 1964 году, «обсуждение творчества Роско Паунда ставит комментатора перед большими трудностями: диапазон его писательских, научных и интеллектуальных интересов был огромен; его жизнь была очень долгой, охватывающей эпохи глубоких перемен во всем мире, а также в нашей культуре и обществе. Трудно ориентироваться в корпусе работ Паунда и трудно понять, какие стандарты уместны при их оценке. Отчасти проблема заключается в том, что, по крайней мере, те из нас, кто родился после Первой мировой войны, не могут по-настоящему представить, как трудно было шестьдесят или семьдесят лет назад овладеть знаниями, которыми обладал Паунд...»⁷².

---

⁷¹ *Pound R. Philosophy of Law and Comparative Law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 100. 1951. № 1. P. 17-18.*

⁷² *Mehren A. T. Roscoe Pound and Comparative Law // American Journal of Comparative Law. Vol. 13. 1964. № 4. P. 507.*

Подобные трудности, связанные с выявлением изначально авторских идей для их последующей оценки и интерпретации, встречаются и при исследовании иных учений, причем количество таких трудностей увеличивается пропорционально приближению периода жизни и творчества автора к современности. Лучше всего это видно в исследовании учений, относящихся к социологическому правопониманию. Данная школа строится на так называемом принципе социологизма, который «состоит во взаимосвязи разных сторон общественной жизни, в рассмотрении права в качестве одного из ее аспектов»⁷³. Оттуда следует и необходимость обращения к широкому кругу наук, изучающих общество, в том числе и собственно юридических.

Рассматривая право в контексте сфер общественной жизни, представители социологического правопонимания сосредотачивают внимание на поиске места права в жизни общества. Сам Паунд не только разделял эту характеристику, но и существенно дополнил ее. В одной из своих работ он дал развернутое изложение особенностей социологического подхода к правопониманию, сводя ее к четырем основным положениям. Во-первых, для представителей этого направления важнее всего действие права, а не его абстрактное содержание. Во-вторых, право рассматривается ими как социальный институт, который может быть усовершенствован «разумными человеческими усилиями»; свою же задачу представители социологического правопонимания видят в том, чтобы найти наилучшие средства для направления и поддержки таких усилий. В-третьих, «они настаивают на том, что правовые предписания следует рассматривать как ведущие к социально справедливым результатам», а не как застывшие во времени догмы. В-четвертых, философские воззрения сторонников этого направления весьма разнообразны: «начав с позитивизма, впоследствии многие из них примкнули к той или иной группе социально-философской школы»⁷⁴.

---

⁷³ Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 201.

⁷⁴ Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III) // Harvard Law Review. Vol. XXV. 1912. № 6. P. 516.

Учение самого Паунда, будучи неотъемлемой частью социологического правопонимания, занимает в нем особое место. На его примере хорошо видно, что социологическое правопонимание и социология права – понятия не тождественные. Паунд, как справедливо отмечал Гурвич, пошел дальше многих социологов права: он «поставил проблему социологических основ знания о праве»⁷⁵. В его правовом учении не только успешно реализован призыв американских социологов объединять социальные науки и их методы⁷⁶, но и сохранена верность юридической специфике, проявляющейся в том, что Иеринг называл «юридическим методом» – «единственным способом практического владения правом», который «очень хорошо знаком юристам», но слишком часто остается у них «делом чувства и привычки, а не сознания»⁷⁷. Заслуга Паунда в том и состоит, что он не подменил юриспруденцию ни чистой социологией, ни чистой философией, но, сохранив ее как таковую, использовал достижения современной ему социогуманитаристики для обогащения предмета юридической науки.

§ 1.3. Историография отечественных исследований учения

Зарубежная политико-правовая мысль всегда занимала особое место в отечественных историко-теоретических юридических науках. Осознавая себя как специфическую, но неотъемлемую часть европейского общества, российские правоведы стремились не только сохранить, но и развить интеллектуальные традиции, сложившиеся в Западно-Европейских университетах, во многих из которых абсолютное большинство дореволюционных и незначительное количество советских и современных (постсоветских) исследователей проходили стажировки и получали ученые степени. Через тесное взаимодействие отечественных и западных ученых европейская академическая культура совершенно естественным, непринужденным образом стала имманентной

---

⁷⁵ Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 677.

⁷⁶ См., например, *Small A.W.* General Sociology: An Exposition of the Main Development in Sociological Theory from Spencer to Ratzel. Chicago: The University of Chicago Press. P. 90-97.

⁷⁷ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 3, 6.

составляющей российской науки и системы образования. Подтверждением тому служит европоцентристский характер университетских курсов, в рамках которых по сей день осуществляется преподавание основ теоретико-исторических правовых наук. Любая учебная дисциплина, являясь определенным срезом пусть даже одноименной науки, стремясь аккумулировать достижения мировой мысли в профильной сфере, выступает силой, движущей ее к новым открытиям. Поэтому исследования в той или иной области по умолчанию связаны преподаванием и зависимы от него, в связи с чем огромное историографическое значение имеют не только монографии, статьи и другая научная литература, но и наиболее знаковые учебники и учебные пособия.

По сравнению с немецкими, французскими или английскими политико-правовыми доктринами американскому юридическому наследию изначально в России меньше уделялось внимания. И хотя американская мысль в известной мере является развитием европейских политико-правовых идей, со временем воспринятых и развитых⁷⁸, интерес к ней появляется только в годы «холодной войны». Противостояние капиталистической и социалистической систем стало импульсом к исследованию правовых и политических учений, разрабатываемых в США – главном оппоненте СССР. Желание освещать буржуазные концепции в условиях идеологической конфронтации, возможно, у некоторых авторов фактически и мотивировалось бескорыстной любознательностью, однако официально было политически ангажировано необходимостью публичного критического обсуждения взглядов ученых из капиталистических стран⁷⁹ и их

---

⁷⁸ Справедливо указывает Д.И. Луковская, что «американская социологическая юриспруденция, которая была в меньшей степени связана принципами юридической догматики, на базе философии прагматизма утилизировала выводы многих ранних европейских теорий» (*Луковская Д.И.* Социологическое направление во французской теории права. Л.: ЛГУ, 1972. С. 7). Вместе с тем, как отмечал М.И. Хмелинин, сами американские теоретики предпочитали подчеркивать самобытность и оригинальность своих доктрин, хотя заимствовали свои основные идеи у европейских мыслителей – в частности, у О. Эрлиха и некоторых других авторов, «называющих правом не нормы права, а фактически сложившийся в обществе порядок, независимо от того, соответствует ли этот порядок конституции» (*Хмелинин М.И.* Критика современных реакционных буржуазных теорий государства и права. М., 1957. С. 27).

⁷⁹ Во время «холодной войны» идеологическая борьба шла прежде всего путем исполнения партийного «заказа», изначально сформулированного в решениях XX съезда КПСС. С тех пор призыв «глубже изучать и критиковать буржуазную юриспруденцию» стал программным требованием, определившим развитие советской правовой науки на десятилетия вперед. См., например, Глубже изучать и критиковать буржуазную юриспруденцию // Советское государство и право. 1956. № 4. С. 3-14.

распространения в советской научной среде как контрастного фона, на котором доказывались и демонстрировались превосходства социалистической системы и ее идейно-политического фундамента – марксистско-ленинской теории⁸⁰.

Именно в таком ключе в отечественной юридической науке и звучало имя и учение Роско Паунда. Самое раннее достоверно установленное упоминание Паунда встречается в 1933 году в книге П.И. Люблинского «Полиция, суд и тюрьмы Америки»⁸¹, однако оно не содержит никакого анализа, в связи с чем едва ли может рассматриваться в качестве отправной точки в отечественных исследованиях его наследия. Но уже в 1949 году имя и некоторые идеи Паунда прозвучали на выступлении профессора Н.Г. Александрова на заседании Ученого совета Московского юридического института с докладом «Реакционная сущность современных американских буржуазных “теорий” права». Взятые в кавычки слово «теория», равно как и иные подобные термины, используемые автором, подтверждает отношение к буржуазной науке как к лженауке, представители которой («“ученые” лакеи Уолл-стрита») стояли на службе империалистическому буржуазному «произволу», занимались «холопством перед магнатами капитала» и тем самым «пытались задушить растущие в США демократические силы и заставить американский народ безропотно подчиниться политике развязывания новой войны»⁸². Считалось, что все буржуазное представляло собой разновидности

---

⁸⁰ А.И. Денисов, например, комментируя скандальное «ждановское» постановление от 14 августа 1946 года, отметил, что советская юридическая наука «обязана помочь народу, государству, партии в деле завершения строительства социалистического общества и организации перехода от социализма к коммунизму», а потому одной из ее задач «является критика и разоблачение буржуазных теорий государства и права как современных, так и возникших в далекие времена, но оказывающих влияние на идейную жизнь нашего времени». См.: *Денисов А.И. Критика некоторых буржуазных теорий государства и права // Труды военно-юридической академии Красной Армии. 1947. Т. VI. С. 10.*

⁸¹ См.: *Люблинский П.И. Полиция, суд и тюрьмы Америки / предисл.: Г.И. Волков. М.: Сов. законодательство, 1933. С. 69, 132.*

⁸² *Александров Н.Г. Реакционная сущность современных американских буржуазных «теорий» права // Социалистическая законность. 1949. № 12. С. 45.*

Спустя почти десятилетие в появляющейся переводной литературе Гарри Уэллс удачно подчеркнет: «Чтобы стать научной, правовая теория должна отразить ту структуру права, на которую указал А.Я. Вышинский в книге “Советское государственное право” [вышедшей в свет под его редакцией]: “Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общегития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу”» (*Уэллс Г. Прагматизм – философия империализма. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 64.*)

Приблизительно в то же время, развивая ту же мысль, сформулировал задачу критики буржуазных теорий как составной части борьбы «за окончательное торжество идеалов марксизма-ленинизма во всем мире», призывая к последовательной и боевой критике реакционных учений (См.: *Зивс С.Л. О реакционной сущности современных*

реакционного, поскольку противилось «подлинному социальному прогрессу» – установлению порядков, характерных для передовой социалистической системы.

Внимание Н.Г. Александрова было обращено на теорию интересов Паунда: в ней, как утверждает ученый, Паунд «старательно обходит главное и основное – классовые противоречия». Критика Н.Г. Александрова была направлена также и на утверждение мыслителя о том, что потребности людей безграничны, а средства их удовлетворения ограничены. Назвав Паунда «юристом-позитивистом», Н.Г. Александров отметил: «Выходит, по Паунду, что миллионы людей в Америке лишены средств существования не потому, что эти средства монополизированы, а потому что этих средств вообще, якобы, не хватает! Выходит, что американские капиталисты уничтожают огромные массы запасов средств существования потому, что их количество превышает покупательную способность населения, и не для того, чтобы взвинчивать рыночные цены!»⁸³.

Спустя некоторое время имя Паунда вновь прозвучало в отечественной науке. На этот раз благодаря исследованию С.Ф. Кечекьяна – ученого, чьи усилия по возрождению преподавания курса истории политических учений на юридических факультетах трудно переоценить. В 1955 году под редакцией С.Ф. Кечекьяна и Г.И. Федькина вышел в свет первый советский учебник по этому курсу. С.Ф. Кечекьян написал в нем параграф «Реакционные американские правовые учения (“прагматизм”, “социологи”, “реалисты”»)⁸⁴, в котором отдельно рассмотрел идеи Паунда. Знаменательно, что Паунд вошел в историю мысли еще при его жизни. Несмотря на то, что оценки С.Ф. Кечекьяна идеологизированы в соответствии с тогдашними установками критики буржуазных доктрин, ученый, выполнив эти формальные требования, пытался предельно абстрактно и завуалированно дать объективную оценку исследованных им произведений.

буржуазных теорий государства и права: лекция, прочитанная на Всесоюзном семинаре-совещании по пропаганде вопросов государства и права. М.: Изд-во «Знание», 1960. С. 34; *Зивс С.Л.* Идеологическая нищета антикоммунизма: Против извращения идеологией антикоммунизма вопросов социалистического государства и права. М.: Госюриздат, 1963).

⁸³ Александров Н.Г. Указ. соч. С. 48.

⁸⁴ См.: История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кечекьяна и доц. Г.И. Федькина. М.: Юрид. лит., 1955. С. 726–730.

Так, оценив Паунда как мыслителя, стремящегося в своей доктрине подчеркнуть значение интересов в праве, С.Ф. Кечекьян отметил: «Паунд учит приспособлению права к интересам, не считаясь с буквой закона»⁸⁵; «принципы, которыми руководствуется юрист в качестве своих “рабочих гипотез”, выражают не то, чем право является, а то, каким люди в данном обществе хотят его видеть»⁸⁶. Итогом этих рассуждений выступает оценка Паунда как мыслителя, который допускает правомерность отступления судьи от закона. Это объективная оценка, факт, который подтверждается множеством произведений правоведа. Но тут же исследователь правового наследия американского юриста добавляет идеологическую интерпретацию к констатации данного факта: «Империалисты ломают свою законность в суде, который применяет нормы права так, как это нужно в данный момент в интересах Уолл-стрита, вносит поправки в законы, решает дела против закона, вопреки закону»⁸⁷. В другом месте, комментируя идею Паунда о праве как компромисса между интересами общества и индивида, С.Ф. Кечекьян подчеркивает: «“Общество” в этой формулировке взято без указания на классы, из которых оно состоит; абстрактно берется и понятие индивида, поскольку в действительности в эксплуататорском обществе нет индивида вообще, а имеются индивиды господствующего класса и индивиды класса угнетенного»⁸⁸.

Единственная оценка, которая представляется необоснованной – это отнесение Паунда к реакционным мыслителям, поскольку те идеи, о которых писал С.Ф. Кечекьян, были сформулированы Паундом в своих ранних работах, в которых он, напротив, выступал за реформы (главным образом, за преобразование американской судебной системы). Исследователь, к сожалению, не отмечал, на основании чего он пришел к такому умозаключению, но общая необходимость такой оценки очевидна. Тем не менее это исследование С.Ф. Кечекьяна, несмотря на идеологизированность, стало, пожалуй, отправной точкой для того, чтобы имя

---

⁸⁵ Там же. С. 726.

⁸⁶ Там же. С. 727.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

выдающегося американского правоведа стало известным в отечественной теоретической юридической науке.

Через несколько лет, уже после смерти Паунда, когда его идеи уже были лучше изучены в отечественном правоведении, в «Вестнике Московского университета» С.Ф. Кечекьян опубликовал статью «Американские социологические теории государства и права»⁸⁹. В этой работе он уже менее эмоционально критикует американского профессора. Хотя и некоторые пункты его критики сохраняют идеологизированную окраску («Паунд, разумеется, весьма далек от правильной трактовки понятия об общественных классах»⁹⁰; объективно существующие конфликты интересов Паунд «трактует ... извращенно, принижая значение интересов трудящихся и выдвигая на первый план интересы собственников»⁹¹; проводя параллель с Бенхамом, он характеризует Паунда в контексте его теории интересов «педантичной тщательностью», с которой он подошел к раскрытию данной темы, и утверждает: «у Паунда тоже все, что полезно буржуа, объявляется законным и заслуживающим поддержки со стороны права; все это отстаивается с недопускающим сомнений догматизмом квакера»⁹²; характеризует Паунда как мыслителя с «подлинной враждебностью по адресу общих норм – своего рода “ненавистью к закону”»⁹³; «Его учение – это недопускающая никаких сомнений и критики безоговорочная апология капиталистических отношений и правовой системы империализма, охраняющей эти отношения»⁹⁴ и так далее), тем не менее исследователь последовательно выявляет слабые и, что более важно, сильные стороны учения. Бесспорно, он отдает дань советской традиции, указывая на ошибочность принципиальных положений буржуазных доктрин, но скрытно называет достоинства рассматриваемых учений, пользуясь

---

⁸⁹ См.: Кечекьян С.Ф. Американские социологические теории государства и права // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1967. № 2. С. 3-15.

⁹⁰ Там же. С. 6.

⁹¹ Там же. С. 8.

⁹² Там же. С. 9.

⁹³ Там же. С. 11.

⁹⁴ Там же.

случаем вспоминая (в сносках) русских дореволюционных правоведов (А.В. Завадского, Г.Ф. Шершеневича и Л.И. Петражицкого)⁹⁵.

Если вышеуказанные суждения носили, скорее, формальный характер и затушевано подчеркивали сильные стороны учения Паунда, то отдельные пассажи его критики нуждаются в содержательно более подробном обсуждении. С.Ф. Кечекьян считал «коренной ошибкой, грубым искажением действительности» выделенные Паундом три понятия права: «Правопорядок, – утверждал ученый, – если он действительно *правопорядок*, то есть порядок, предусмотренный данной системой правовых норм, а не просто фактический порядок отношений между людьми в обществе, должен полностью соответствовать предписаниям права. Отношения, фактически сложившиеся в данном обществе, образуют *правопорядок*, лишь поскольку они соответствуют нормам права, а в той части, в какой они отступают от них, они остаются за пределами *правопорядка*. *Правопорядок*, – продолжал он, – не может быть чем-то отличным от норм права так же, как и судебная практика не должна быть чем-то могущим отступать от *правопорядка* и норм права. *Правопорядок* и нормы права составляют единое целое. Норма права выражена не только в тексте нормативного акта, но и в жизни, в общественных отношениях, она имманентна им. Так же и правосудие, если оно осуществляется в рамках законности и не превращается в проявление произвола, не может составлять чего-либо обособленного от *правопорядка* и норм права»⁹⁶. С.Ф. Кечекьян здесь демонстрировал мышление, присущее горящему своим делом исследователю; будучи признанным специалистом в теории правоотношений⁹⁷, он усматривал в этих суждениях аналогию с дискуссиями, которые развернулись в советской юридической науке вокруг проблемы соотношения правоотношения с общественным отношением, с одной стороны, и с нормой права, с другой. Приведенная им оценка этой части учения была реакцией на эту дискуссию, на некоторую критику в его адрес. Однако если подходить к данной оценке с историко-теоретической точки зрения, то можно заметить, что американская

---

⁹⁵ См.: *Там же*. С. 5, Сн. 9; С. 9, Сн. 26.

⁹⁶ *Там же*. С. 7.

⁹⁷ *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

доктрина подвергается оценке извне, безотносительно к тому, что Паунд называл «традиционным элементом правовой системы»⁹⁸, по существу, определяющим контекст, в котором высказанные идеи обретают смысл. Право как система предписаний, правопорядок и отправление правосудия (именно так перевел С.Ф. Кечекьян) у Паунда не противопоставлены, а лишь дополняют друг друга, позволяя увидеть целостную картину юридического бытия⁹⁹. Интерпретируя триединое понятие таким образом, С.Ф. Кечекьян связал его с идеологизированной оценкой признаваемой Паундом возможности существования «правосудия без права»: «Наряду с правосудием, осуществляемым, как Паунд считает, в рамках права ... глава “социологической юриспруденции” допускает при известных условиях и полное отступление правосудия от права – “правосудие без права”»¹⁰⁰. Замечу, что С.Ф. Кечекьян не называет его автором такой концепции, а только констатирует допущение Паундом такого явления¹⁰¹.

Как таковая оценка Паунда как реакционного мыслителя в этой работе С.Ф. Кечекьяна отсутствует. Исследователь говорил о политической реакции в самых общих чертах в заключении к статье – в отношении социологических теорий права в целом. С его точки зрения, вся буржуазная социологическая юриспруденция, – опять же дань традиции, – представляет «характерную для эпохи империализма» политическую реакцию «на преобладавшие в XIX веке юридический догматизм и нормативизм, обуславливавшие формализм буржуазной юриспруденции, отрыв науки права и правосудия от реальных процессов общественной жизни и обнаруживающихся в ней новых явлений и потребностей», а потому и «подлинный, плодотворный “социологизм”, преодолевающий до конца нормативизм и догматизм в юридической науке, может быть найден, – писал автор, – лишь на основе материалистического понимания общественных явлений, вскрывающего диалектическую связь нормы права и экономических отношений, с одной стороны, нормы права и правоотношений – с другой»¹⁰².

---

⁹⁸ Об этом см. § 2.3 настоящего исследования.

⁹⁹ Об этом см. § 3.2 настоящего исследования.

¹⁰⁰ Кечекьян С.Ф. Американские социологические теории государства и права. С 10.

¹⁰¹ Об этом см. § 2.1 настоящего исследования.

¹⁰² Кечекьян С.Ф. Американские социологические теории государства и права. С 15.

В работе 1957 года «Антинаучный характер современных американских реакционных концепций права», изданной в ученых записках Латвийского государственного университета, Г.Я. Клява, подобно Н.Г. Александрову, стремился дать оценку американской политико-правовой мысли как «прислужницы прихотей капиталистических монополий»¹⁰³. Прагматизм, с его точки зрения, – это «антипод марксизма»¹⁰⁴. В рамках концепции Паунда его внимание также было сосредоточено на теории интересов: Паунд, указывал он, «стоит на позициях классового мира, проповедует примирение трудящихся со своими угнетателями», но «его рассуждения направлены на защиту интересов капиталистов», а значит «интересы частных собственников должны быть защищены прежде всего»¹⁰⁵. Спустя год С.Л. Зивс издал книгу «Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах», в которой рассматривал социологическую юриспруденцию в качестве теоретического обоснования разрушения («ломки») буржуазной законности¹⁰⁶. Автор утверждал, что социологическое направление стало магистральным в американской теории права, однако между различными учениями в рамках него различий он не выделял: с его точки зрения, они «сводятся лишь к особенностям в аргументации, фразеологии и к разнообразию в названиях, присваиваемых в основном для того, чтобы подчеркнуть оригинальность и самостоятельность соответствующего подвида»; в связи с этим С.Л. Зивс подвергал критике выделение тех или иных школ в американской социологической теории права, «ибо едиными являются их философская основа, служебная функция, методология и, в частности, неприкрытое ликвидаторское отношение к буржуазно-демократической законности»¹⁰⁷.

Примерно в это же и последующее время имя и учение Паунда упоминается и в переводной литературе, издаваемой в Советском Союзе. Так, например, Гарри Уэллс в монографии «Прагматизм – философия империализма» рассматривал

¹⁰³ См.: *Клява Г.Я.* Антинаучный характер современных американских реакционных концепций права // Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. XII. 1957. Юридические науки. Вып. 1. С. 113.

¹⁰⁴ См.: *Там же.* С. 101.

¹⁰⁵ *Клява Г.Я.* Указ. соч. С. 104.

¹⁰⁶ См.: *Зивс С.Л.* Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 117-131.

¹⁰⁷ *Там же.* С. 118.

«бетабилитаризм Холмса» как «апологетику в области права», то есть концепцию в рамках философии прагматизма. Среди «учеников Холмса» он выделил Паунда как «руководящего теоретика», «сформулировавшего “обтекаемую” теорию права, призванную скрывать свой реакционный классовый характер»¹⁰⁸. Таким же образом рассматривал Паунда и М.Р. Коэн – автор монографии «Американская мысль: критический обзор». Однако в этом обзоре идеям Паунда был отведен отдельный раздел под собственным заголовком «Социологическое право Роско Паунда»¹⁰⁹. В отличие от предыдущих авторов, Коэн справедливо подчеркивал: «В настоящее время легко забывают стимулирующее влияние ранних работ Паунда, появившихся в то время, когда философия права была в самом затруднительном положении. Автор этих слов рад здесь выразить свою личную признательность создателю этих произведений»¹¹⁰. В его очерке уже не наблюдается никаких упреков в сторону реакционности учения и отсутствия в его содержательной и программной частях суждений о классовом характере права. Немного более развернуто рассматривал идеи Паунда Г.Л. Сайдлер в книге «Юридические доктрины империализма»: охарактеризовав Паунда как представителя социологического идеализма как разновидности функционализма – направления, приближающего теорию права к «технологии права, задачей которой является практическое использование сведений о действии права для целей законодательства», он стремился дать оценку прежде всего его теории интересов («теории социального интереса») и социальной инженерии («инженерии компромисса»)¹¹¹. При этом, отдавая дань уважения классовому подходу, ученый утверждал, что Паунд «стоит на позиции компромисса между классами» и тем самым показывает, что право «должно устранять всякую возможность социальной революции», в связи с чем доказывает «мнимую надклассовость государства и права», хотя в то же время «служит только

---

¹⁰⁸ См.: Уэллс Г. Указ. соч.

¹⁰⁹ См.: Коэн М.Р. Американская мысль: критический обзор / пер. с англ. А.С. Никитина, Г.М. Фроловой, Э.И. Кабалева, А.Г. Бельского. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 168-172.

¹¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹¹ См.: Сайдлер Г.Л. Юридические доктрины империализма / пер. с польского к.ю.н. А.Х. Махненко; отв. ред., автор вступит. ст. Д.А. Керимов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 104, 105, 114, 122-123.

господствующему и имущему классу»¹¹². Другие зарубежные авторы, достаточно авторитетные в социалистической юридической литературе, такие как К. Опалэк, Е. Врублевский, И. Чапек, З. Петери и многие другие, на учение Паунда внимание не обращали¹¹³. Между тем впоследствии в советской науке начнут появляться и иные переводные работы, в которых имя и учение Паунда будет фигурировать¹¹⁴

После работ С.Ф. Кечекьяна хронологически вторым серьезным исследованием, раскрывшим имя Роско Паунда отечественным теоретикам права, стала статья А.С. Пиголкина «Критика “социологического” учения Р. Паунда о праве», опубликованная в 1960 году в журнале «Советское государство и право»¹¹⁵. А.С. Пиголкин не только следовал установке борьбы с буржуазной мыслью, но и бесстрашно высказывал ряд положительных оценок. Так, исследователь характеризует учение Паунда как «шаг вперед по сравнению с другими буржуазными правовыми теориями»¹¹⁶, самого мыслителя как умеренного, а его идеи как конструктивные¹¹⁷. Хотя критический компонент в оценках А.С. Пиголкина все же превалирует. Рассуждения Паунда, с его точки зрения, туманны¹¹⁸, юрист «уводит право от жизни», «прикрывает его настоящую сущность» и «подменяет классовые проблемы биологическими и психологическими проблемами»¹¹⁹, он «стремится замаскировать действительную цель и назначение буржуазного права и представить его как средство компромисса между классами, как надклассовую общечеловеческую

¹¹² См.: Там же. С. 124-125.

¹¹³ См.: Опалэк К., Врублевский Е. Некоторые основные направления современной теории и социологии права в США // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 106-111; Чапек И. Теория правового реализма // Против современной правовой идеологии империализма: сборник статей / под ред. и с предисловием В.А. Туманова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 70-78; Петери З. Густав Радбрух и некоторые вопросы философии права // Против современной правовой идеологии империализма: сборник статей / под ред. и с предисловием В.А. Туманова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 123-157; Сайдлер Г.Л. Причины возрождения естественного права в американской юриспруденции // Советское государство и право. 1962. № 1. С. 105-111; и др.

¹¹⁴ См., например, Кульчар К. Социологизм в буржуазной теории права // Критика современной буржуазной теории права: сборник статей / пер. с венгерского Л.С. Ягодовского; под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1969. С. 31-73; Берри Д. Право и общественные науки: обзор изменений, происшедших в последнее время // Социальная мысль в СССР / пер. с англ.; под ред. А. Симиренко. Вып. 1. М.: Прогресс, 1970. С. 186; и др.

¹¹⁵ См.: Пиголкин А.С. Критика «социологического» учения Р. Паунда о праве // Советское государство и право. 1960. № 9. С. 43-53.

¹¹⁶ См.: Там же. С. 46.

¹¹⁷ См.: Там же. С. 46, 50.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 48.

¹¹⁹ См.: Там же. С. 45.

категорию»¹²⁰. А.С. Пиголкин как представитель советской юридической науки, последовательно отстаивающей роль и значение социалистической законности, не мог не отметить, что Паунд уничижительно относится к нормативным предписаниям и толкует право шире советского (позже названного «узконормативным») правопонимания: «Сущность учения Р. Паунда о праве, – подчеркивал исследователь, – заключается в том, что он не ставит правовые нормы во главу угла... Отрицание “механической юриспруденции”, противопоставление “права в книгах” и “права в действии” – вот одна из наиболее характерных черт его учения о праве»¹²¹. В этом, по его убеждению, проявляется «гносеологическая порочность теории Паунда»¹²². Отсюда снова фокус направлен на правосудие в соответствии с правом и без права. Идеи Паунда, писал А.С. Пиголкин, – «одна из характерных форм апологетики беззакония», «откровенное оправдание стремления буржуазии к отходу от своей законности, оправдание неограниченных прав административных органов и их незаконной деятельности», это «проповедь открытого произвола, явного попирания норм права, установленных самим же буржуазным государством, открытый призыв к полной независимости правосудия от закона»¹²³. Паунд не просто «пролагает дорогу беззаконию и произволу буржуазного суда и администрации», утверждал исследователь, он из одной крайности – чрезмерной увлеченностью буржуазных юристов абстрактным содержанием норм права – впадает в другую, рассматривая с особой страстью вопросы эффективности правового регулирования и заостряя свое внимание только на них¹²⁴. В этом, очевидно, прослеживается противоречие: в одних сюжетах А.С. Пиголкин характеризует Паунда как мыслителя умеренного толка, в других – как мыслителя, впадающего в крайности; в одних – как занимающегося эквилибристикой с правовыми терминами¹²⁵; в других – как половинчатого в выводах ученого¹²⁶.

---

¹²⁰ См.: Там же. С. 46.

¹²¹ См.: Там же. С. 48.

¹²² См.: Там же. С. 46.

¹²³ См.: Там же. С. 51.

¹²⁴ См.: Там же. С. 46, 51.

¹²⁵ См.: Там же. С. 53.

¹²⁶ См.: Там же. С. 46.

Однако А.С. Пиголкин отмечал и некоторые моменты, на которые ранее внимания не обращалось вовсе. Это было обусловлено преимущественно дефицитом источников. Те работы, на которые ссылался исследователь, не в полной мере позволяли сделать вывод о том, что «Паунд весьма близок к идеям естественного права»¹²⁷. Тем не менее А.С. Пиголкин, руководствуясь доступными ему текстами и присущей ему научной интуицией, заявил об этом. Между тем в его статье не нашло корректного отражения трехаспектное понятие права (предписания, правопорядок, процесс правоприменения) и три элемента системы права (предписания, техника, идеалы). Напротив, у А.С. Пиголкина все воззрения Паунда сгруппированы в пары, он изображает Паунда как мчащегося из стороны в сторону, словно Паунд мыслил не по-гегелевски триадами, а по-кантовски диадами: «Паунд при исследовании понятия права, – рассуждал ученый, – выделяет в нем две важных самостоятельных части: так называемую “аналитическую” часть – нормы права, нормативные принципы и законодательные установления, и так называемую “социологическую часть”, то есть социальные интересы, удовлетворению и защите которых служит право, и принципы и убеждения, существующие в сознании судьи, с помощью которых достигается справедливое решение по конкретному делу»¹²⁸. Из этой методологической неточности следует неверное отождествление технического и идеального элементов в праве¹²⁹. Это не отменяет то, что А.С. Пиголкин считал основным объектом нападок американских правоведов нормативность права – «то известное марксистам-юристам положение, что право представляет собой совокупность, систему норм, установленных государством»¹³⁰. Поэтому в духе времени в заключении статьи он призвал «бороться с гарвардской школой права, как и со всей социологической школой права», «последовательно отстаивая тезис о нормативном характере права», «способствующего всемерному укреплению социалистической законности в нашей стране и установлению прочного правопорядка»¹³¹.

---

¹²⁷ См.: Там же. С. 45. Ст. 8.

¹²⁸ Там же. С. 47.

¹²⁹ См.: Там же.

¹³⁰ См.: Там же. С. 53.

¹³¹ См.: Там же.

В шестидесятые – семидесятые годы имя и учение Паунда также нередко звучали в теоретико-правовой литературе. Например, профессора О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский в работе «Критика современных буржуазных теорий права» обращали внимание на теорию интересов мыслителя, на соотношение интересов и свободы воли¹³², И.Б. Зильберман – на инструментальную роль права¹³³, а П.Г. Зыков – на ему доступные фрагменты рассуждений Паунда о социологии права¹³⁴. Эти работы поверхностны, а Паунд в них – менее чем фрагментарен. Однако в это же время появляются уже более серьезные исследования О.Ф. Иваненко – его диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Американская “социологическая юриспруденция” (критический очерк)»¹³⁵, подготовленная под научным руководством профессора А.И. Денисова, но позже изданная под названием «Правовая идеология американской буржуазии (краткий критический очерк)» под редакцией и с предисловием профессора В.Е. Гулиева¹³⁶. В данной работе ученый обратил внимание на философию прагматизма как на методологическую основу учения, в целях оценки с точки зрения господствующей марксистско-ленинской теории и «выявления реакционной политической роли» изложил положения «учения социологической юриспруденции о праве» и рассмотрел их в связи с идеями Тарда, Петражицкого, Кельзена, Ллевеллина и некоторых других теоретиков.

Отдельного внимания заслуживает диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук В.А. Туманова «Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве»¹³⁷ и его одноименная монография¹³⁸. В.А. Туманов, как и предыдущие исследователи, в своих оценках следует устоявшемуся правилу

¹³² См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Критика современных буржуазных теорий права. Л., 1961. С. 4, 21, 25.

¹³³ См.: Зильберман И.Б. Буржуазные правовые теории эпохи империализма. Л.: ЛГУ, 1966. С. 19-21.

¹³⁴ См.: Зыков П.Г. Кризис современной буржуазной социологии права. М.: Росвузиздат, 1963. С. 7-10.

¹³⁵ См.: Иваненко О.Ф. Американская “социологическая юриспруденция”: критический очерк: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.

¹³⁶ См.: Иваненко О.Ф. Правовая идеология американской буржуазии: краткий критический очерк / под ред. и с предисловием В.Е. Гулиева. Казань: Издательство Казанского университета, 1966.

¹³⁷ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.00. М., 1969.

¹³⁸ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука, 1971.

критики буржуазных правовых учений: только под такой вуалью можно было в период доминанты марксистско-ленинской теории государства и права преподносить русскоязычным читателям политико-правовую мысль капиталистических государств. В переизданном в 2010 году тексте своей работы В.А. Туманов честно заметил: «следует признать, что книга местами чрезмерно политизирована и автор увлекается “классовым подходом”. Это печать времени. Книга в 1971 г. не увидела бы света (и без того с ее изданием были трудности), если бы она не соответствовала требованию “непримиримой борьбы с буржуазной идеологией”»¹³⁹. Тем не менее в ряде оценок ученый не вступает в идеологические споры, перечисляя основные факты, известные на тот момент юристу из социалистического государства.

Так, В.А. Туманов утверждал, что «Паунд не может быть назван оригинальным мыслителем», поскольку «его концепция в основе своей представляет конгломерат идей, заимствованных у Е. Эрлиха, И. Колера, Р. Иеринга и немецкой «юриспруденции интересов» У. Джеймса, О. Холмса, Э. Росса, а также некоторых других авторов»¹⁴⁰. В этой оценке В.А. Туманов прав: Паунд – эклектик, который не стеснялся заимствовать важнейшие идеи своей эпохи у своих коллег – передовых мыслителей эпохи. В отношении теории интересов В.А. Туманов ввел формулировку «табель интересов»; подчеркивал, что защищаемые правом интересы – «это в схеме Паунда по преимуществу интересы капиталистического предпринимателя»¹⁴¹. Любопытно, что несмотря на социологическую ориентацию, Паунд не строит свое учение «в противовес» государству. Напротив, Паунд снимает это противоречие: любая деятельность государственных органов оказывается правом. В свою очередь, писал ученый, «это означает не что иное, как такое понимание права, которое явно соответствует интересам сил, стремящихся вывести деятельность буржуазного государственного механизма из рамок закона и конституции»¹⁴².

---

¹³⁹ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 63. Примечание.

¹⁴⁰ Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 285-286.

¹⁴¹ Там же. С. 290.

¹⁴² Там же. С. 289.

Между тем, с точки зрения В.А. Туманова, учение Паунда – феномен, отвечающий интересам американских капиталистов. Все те попытки, которые, как указывалось выше, преследовали цель примирить юридическую теорию и практику, исследователем интерпретируются в качестве меркантильных начал, готовящих основу для реформ: «Есть серьезные основания сомневаться в том, что Паунд четко осмыслил процесс развития государственно-монополистического капитализма и сознательно исходил из этого фактора. Но несомненно, что его концепция права оказалась созвучной этому процессу»¹⁴³, – отмечал В.А. Туманов. В этом смысле он писал о «бентамовской сущности его учения»¹⁴⁴. «Порок американской социологической юриспруденции, – подводил итог своим рассуждениям В.А. Туманов, – [...] в том, какое содержание вкладывается в формулу [социальный контроль через право], и в том, как трактуется механизм этого контроля»¹⁴⁵. Однако ученый сам вовсе не обращал внимания на сущность социального контроля посредством права в доктрине мыслителя. Хотя все исследователи ссылаются на одни и те же пассажи, оценки и интерпретации у них у всех отличаются от реальности. Для Паунда социальный контроль – это средство поддержания цивилизации, «возвышения человеческих сил до их максимально возможного раскрытия... [это] развитие человеческих сил до постоянно возрастающей полноты, до максимума человеческого контроля над внешней или физической природой и над внутренней или человеческой природой, на который люди пока способны»¹⁴⁶. В процессе постоянного совершенствования человека невольно осуществляется контроль. Другими словами, социальный контроль в понимании Паунда есть ни что иное как возрождение рационалистического миропонимания, когда разум стоит выше всего; разум, способный на контроль над всем миром, как физическим, так и духовным (человеческим).

В 1972 году О.Э. Лейст и Л.С. Мамут посвятили небольшой очерк правовому наследию Паунда. Они, как и их предшественники и современники, писавшие

---

¹⁴³ Там же. С. 288.

¹⁴⁴ Там же. С. 291.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ *Pound R. Social Control Through Law*. New Haven: Yale University Press; London: Humpfrey Milford, Oxford University Press, 1942. P. 16.

о доктрине американского юриста в период господства марксистско-ленинского учения о праве, подчеркивали ее «неправильный» характер, пытаясь дать соответствующую интерпретацию историческим факторам, повлиявшим на формирование и развитие политико-правовых идей мыслителя: империализм, капитализм, олигархизм – ключевые, с их точки зрения, обстоятельства, которые обусловили специфику правопонимания Роско Паунда. «Империалистическую буржуазию стесняют принципы, закрепленные в ранних буржуазных конституциях, – подчеркивают авторы. Она не довольна стабильностью законодательства, базирующегося на данных принципах. Границы прежней законности мешают всевластию финансово-промышленной олигархии. Они в известной мере сдерживают беззастенчивое попрание монополиями тех прав и свобод, которые трудящиеся очень дорогой ценой сумели отвоевать у эксплуататоров. Нельзя сбрасывать со счетов также и определенной устарелости ряда некогда принятых правовых норм, явно диссонирующих обстановке государственно-монополистического капитализма»¹⁴⁷.

По мнению исследователей, направление «социологической юриспруденции», автором являлся профессор Паунд, «взяла на себя миссию помочь правящим империалистическим кругам покончить с законностью буржуазно-демократического типа и оправдать произвол современной [Паунду] буржуазной юстиции (впрочем, и других органов империалистического государства тоже)»¹⁴⁸. В отношении проблемы интересов в праве ученые констатируют, что «дешифровка конкретного содержания признаваемых и защищаемых правом интересов показывает, что тут мы имеем дело с волей капиталистических собственников, с притязаниями капиталистического государства, с потребностями капиталистического общества». В учении, по словам исследователей, не учитывается «тот объективный факт, что коренные интересы буржуазии и пролетариата непримиримые и что классовая борьба между ними,

---

¹⁴⁷ История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. Часть II. М.: «Высшая школа», 1972. С. 277-278.

¹⁴⁸ Там же. С. 278.

венчаемая социалистической революцией, неизбежна»¹⁴⁹. Остальные вопросы (например, понятие права, три его элемента) излагаются без различного рода комментариев, в тех же цитатах, которые перетекают из одного исследования в другое.

В 1978 году, ближе к закату советского периода отечественной истории, С.В. Боботов издал книгу «Буржуазная социология права»¹⁵⁰. Несмотря на название, не содержащее яркой отсылки на критику с позиций марксизма-ленинизма, автор тем не менее уделяет этому значительное внимание. Излагая основы буржуазной социологии права, он нередко обращался к некоторым доступным публикациям мыслителя¹⁵¹. Годом ранее в авторитетном журнале «Правоведение» вышла работа А.К. Куликова «Категория интереса в социологической юриспруденции Роско Паунда»¹⁵². Рассмотрев в ней известные к тому моменту основные содержательные положения правового учения Паунда, он сделал вывод, что мыслитель «исходил из абстрактно взятого человека, игнорируя его социальное и классовое положение», «принижал волевой элемент в праве»¹⁵³.

Началом отсчета современного этапа в исследовании правового учения Паунда целесообразно считать очерк Н.А. Галкиной и Е.А. Мишиной, опубликованный в монографии «История политических и правовых учений. XX век»¹⁵⁴ под редакцией В.С. Нерсесянца. Данная книга завешала пятитомное издание по всемирной истории политической и правовой мысли, первый том которого («История политических и правовых учений. Древний мир») вышел в свет еще в 1985 г. В связи с этим в указанном исследовании отсутствует чрезмерная идеологизированность и политизированность контекста рассмотрения и анализа политико-правовых проблем. Н.А. Галкина и Е.А. Мишина в этом смысле стали первопроходцами, их оценки наиболее полны и точны. Так, например, вместо

---

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См.: Боботов С.В. Буржуазная социология права. М.: Юрид. лит., 1978.

¹⁵¹ См.: Там же. С. 18-19, 96, 180, 182-183.

¹⁵² См.: Куликов А.К. Категория интереса в социологической юриспруденции Роско Паунда // Правоведение. 1977. № 6. С. 89-96.

¹⁵³ См.: Там же. С. 95.

¹⁵⁴ См.: История политических и правовых учений. XX век. М.: Наука, 1995.

рассуждений об «интересах Уолл-стрита», авторы констатируют, что кредо инструментализма, к которому они относят и Паунда, «заключается в сугубо утилитарном подходе к использованию законодательства как средства регуляции экономической деятельности и социальных процессов»¹⁵⁵.

Авторы справедливо замечают, что в лице социологической юриспруденции правовая идеология получила новое видение социального действия права¹⁵⁶. При этом они оригинальны в оценке характера доктрины. Ученые подчеркивают, что «новое направление в юридической мысли США приобретает настолько ярко выраженную окраску, уделяя значительное внимание рассмотрению психологических, поведенческих факторов (“социальная польза”, “господствующий интерес” и т.п.), что дает возможность охарактеризовать его как социолого-психологическое направление»¹⁵⁷. Это подтверждается, в том числе, тем, что Паунд, вслед за Холмсом, считал использование в юриспруденции социологических, психологических и философских методов, организацию совместных исследований с этикой, экономической и политической наукой, социологией, историей и психологией¹⁵⁸.

Н.А. Галкина и Е.А. Мишина – первые исследователи правового наследия Роско Паунда, которые обратили внимание на то, что мыслитель во второй половине своего творческого пути постепенно сдал испытывать симпатию к возрожденным теориям естественного права. «В работах Паунда 50-х годов понятие идеального элемента расширяется за счет включения в него естественноправовых моментов (обращение к “разуму”, к “моральным чувствам общества”»¹⁵⁹, – пишут исследователи. Их правота относительна, поскольку естественно-правовые симпатии Паунда отчетливо видны уже в годы Второй Мировой войны. Например, критикуя реалистов, он уже в открытую заявляет, что для юридической науки (как науки, имеющей дело «в области и под контролем

---

¹⁵⁵ Там же. С. 252.

¹⁵⁶ См.: Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 254.

¹⁵⁸ См.: Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 255.

человеческой воли») «главный вопрос всегда заключается в том, что должно быть»¹⁶⁰.

С отказом от монополии марксистско-ленинской теории государства и права и признанием теоретического и методологического плюрализма обращение к зарубежной (буржуазной) политико-правовой мысли утратило идеологическую обусловленность и окраску. На смену формальной критике с заранее заданной необходимостью учета классовых и революционных установок пришло стремление к беспристрастному изложению содержания учения, реконструкции его внутренней логики (логики авторской аргументации смыслообразующих проблем) и оценки программы преобразования юридической науки и практики по существу. Учение Паунда стало традиционной темой, преподаваемой в рамках историко-теоретических юридических наук. В частности, основные идеи мыслителя прочно укоренились в современных учебниках и учебных пособиях по теории государства и права¹⁶¹, философии права¹⁶², социологии права¹⁶³, наконец, истории политических и правовых учений¹⁶⁴.

---

¹⁶⁰ *Pound R. Social Control Through Law. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942. P. 32.*

¹⁶¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2024; Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016; Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. Ч. 2.: Теория права. М.: Зерцало, 2011; *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2020; *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. 3-е изд., исправ. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017; Теория государства и права: учебник / Д.В. Пожарский, Т.Н. Радько, И.А. Андреева [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2025; Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021; и др.

¹⁶² См.: *Жуков В.Н.* Философия права: учебник. М.: Мир философии, Алгоритм, 2019; *Мартышин О.В.* Философия права: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021; *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020; Философия права: курс лекций в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2011; *Касаткин С.Н.* Философия права: учебно-методическое пособие. Самара, 2019; и др.

¹⁶³ См.: *Лапаева В.В.* Социология права: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011; *Корнев А.В.* Социология права: учебник. М.: Проспект, 2015; *Адыгезалова Г.Э.* Социология права Роско Паунда и Толкотта Парсонса: учебное пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006; *Касумов Т.К.* Социология права. М.: Русайнс, 2017.

¹⁶⁴ См.: *Нерсесянц В.С.* История политических и правовых учений: Учебник для вузов. М., 2005; *Графский В.Г.* История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 3-е изд., доп. М., 2009; История политических и правовых учений / учебник для вузов; изд. 2-е, стереотип.; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999 (автор – В.Г. Графский); История государственно-правовых учений. Учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2006 (автор – С.В. Липень); История политических и правовых учений: Учебник / под общей ред. О.В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016 (автор – В.Н. Жуков); История политических и правовых учений: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019 (автор – Е.А. Воротилин); *Марченко М.Н., Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений. М., 2005 (автор – Мачин И.Ф.); *Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2023; *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023; *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007 (автор – А.В. Поляков); и др.

К творчеству Паунда в настоящее время нередко обращаются также в научных статьях¹⁶⁵ и монографиях¹⁶⁶. Его имя и частично идеи затрагивались в диссертациях на соискание ученых степеней кандидатов¹⁶⁷ и докторов¹⁶⁸ юридических и иных (прежде всего философских)¹⁶⁹ наук. Особого внимания заслуживают диссертационные исследования трех авторов, непосредственно посвященных анализу некоторых положений учения Паунда о праве.

Первые два автора – В.Г. Румянцева и Д.Г. Сызранцев – защитили свои диссертации в 2002 году. В работе В.Г. Румянцевой – «Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда»¹⁷⁰ – рассматривается «проблема “живого” и “мертвого” права в трудах представителей социологического течения», вопросы судебного правотворчества, «“творческая сила юриспруденции” в учениях мыслителей», а также влияние концепции социологической юриспруденции на деятельность правоохранительных

¹⁶⁵ См.: *Альбов А.П. Панченко В.Ю.* Идеи Р. Паунда о закономерностях юридического доказывания и современность // *История государства и права.* 2024. № 8. С. 30-37; *Антонов М.В.* Теория права и социально-правовые исследования // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2025. № 2. С. 272-298; *Белов С.А.* Ценность права и ценности права // *Российский юридический журнал.* 2025. № 2. С. 7-30; *Груздев В.С.* Об истоках правовых взглядов Р. Паунда // *Теория и практика общественного развития.* 2020. № 8. С. 98-101; *Голдобина З.Г.* Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2008. № 1. С. 17-26; *Коваль С.В.* Спор о предмете англо-американской социологии права // *Антиномии.* 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 30-54; *Котлова С.И.* Юриспруденция интересов Р. Паунда // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право.* 2013. № 4. С. 98-106; *Котлова С.И.* Правовые нормы как нормы разграничения интересов // *Право и государство: теория и практика.* 2012. № 3. С. 30-34; *Сельникова А.А.* Понимание сущности судебной деятельности в рамках теорий правового формализма и реализма // *Ех Југе.* 2021. № 2. С. 7-21; и др.

¹⁶⁶ См.: *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012; *Адыгезалова Г.Э.* Основные понятия социологической юриспруденции: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017; *Каранетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011; *Лафитский В.И.* Конституционный строй США. М.: Контракт, 2007; *Ворожеевич А.С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М.: Статут, 2018; *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012; *Варданянц Г.К.* Социологическая теория права. М.: Акад. Проект, 2007; и др.

¹⁶⁷ См.: *Архипов В.В.* Концепция права Лона Л. Фуллера: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 СПб., 2009; *Нерсесянц А.В.* Концепция психоаналитической юриспруденции А. А. Эренцвейга: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2024; *Тонков Д.Е.* Конструктивный скептицизм Д. Фрэнка и В. Лундштедта: сравнительный анализ подходов радикального правового реализма: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2022; *Лю Ц.* Источники права КНР и РФ: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2018; *Есаков Г.А.* Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002; и др.

¹⁶⁸ См.: *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2019; *Груздев В.С.* Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2021; *Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: Проблемы теории и государственно-правовой практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Ростов-на-Дону, 1999; и др.

¹⁶⁹ См.: *Коваль С.В.* Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива позитивизму и теории естественного права: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2. М., 2022; *Грызлова В.В.* Психологизм в философии права: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 1998; и др.

¹⁷⁰ См.: *Румянцева В.Г.* Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002.

органов¹⁷¹. Д.Г. Сызранцев, в свою очередь, посвятил свою работу «Прагматизм в праве: метод Роско Паунда»¹⁷² методологическим основам учения мыслителя. Исследовав прагматизм как метод в философии и юриспруденции, он успешно продемонстрировал связь идей Паунда с идеями, главным образом, Чарльза Пирса (*Charles Pierce*, 1839-1914), Уильяма Джеймса (*William James*, 1842-1910) и Джона Дьюи (*John Dewey*, 1859-1952). Третий автор – Г.Э. Адыгезалова, посвятившая две диссертации исследованию американских социологических теорий права. Ее кандидатская диссертация – «Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер»¹⁷³; докторская – «Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка»¹⁷⁴. По существу, она посвятила учению Паунда несколько параграфов в обеих своих диссертациях, кратко затронув теорию интересов, теорию социального контроля и проблему соотношения права и морали.

Приведенный перечень имен и работ свидетельствует о том, что интерес к творчеству Паунда неслучаен. Сам факт, что Паунд традиционно называется в одном ряду с мыслителями, определившими политико-правовую мысль XX века, подтверждает масштаб его личности и вклад в развитие мировой юридической науки. Это осознавалось уже советскими исследователями, причем еще при жизни мыслителя (например, О.Ф. Иваненко защитил диссертацию за год до смерти Паунда). Несмотря на длительную историю изучения и общее обилие трудов, обращение к наследию Паунда носило преимущественно фрагментарный и во многом поверхностный характер. В советское время исследователи стремились главным образом реконструировать («достроить») учение, исходя из известных пассажей (цитат), и интерпретировать его исключительно в русле критики буржуазной мысли; а в постсоветское – ссылки на Паунда нередко

¹⁷¹ См.: Там же. С. 13-26.

¹⁷² См.: Сызранцев Г.Д. Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2002.

¹⁷³ См.: Адыгезалова Г.Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004.

¹⁷⁴ См.: Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2017.

выполняют лишь роль *argumentum ad verecundiam*, что, впрочем, наряду с фрагментарным изложением подтверждается отсутствием отдельного монографического исследования, в котором последовательно реконструировалось бы учение с учетом системы его собственных понятий и его внутренней логики.

ГЛАВА 2. ИДЕИ РОСКО ПАУНДА О ПРАВОПОЗНАНИИ

§ 2.1. Цель права и методология правопознания¹⁷⁵

Начиная с работы Р. Иеринга «Цель в праве»¹⁷⁶, в которой впервые доктринально поставлена и обоснована проблема цели права и всех его структурных элементов, юристов-теоретиков не оставляет интерес к поиску телеологических оснований права. На рубеже XIX – XX веков обращение к этой проблеме было порождено общей ситуацией социального (в том числе политического и правового) кризиса: было жизненно необходимо определить место, роль и предназначение права в условиях его нахождения в униженном состоянии. Если Иеринг исходил из тезиса, что в праве не бывает бесцельных положений, тем самым исследовал понятие цели в рамках позитивного права, то Паунд, продолжив линию Иеринга, преимущественно пытался осмыслить конечную цель права (*the end of law*)¹⁷⁷, то есть ту, к которой устремлено все право и для достижения которой оно существует в конкретный момент времени и на конкретной территории, в связи с чем ученый констатировал изменчивость целей, их зависимость от исторического контекста действия права.

Хронологическая схема, обусловившая исторический контекст понимания цели права в теоретических умозаключениях Паунда, включала в себя пять этапов развития права и правовой системы. Зарождаясь в качестве архаичного права (*archaic law*), право перешло на стадию «строгого права» (*the strict law*), после которого – на этап «*equity* или естественного права» (*natural law*), затем – «зрелости права» (*the maturity of law*) и, наконец, – «социализации права»

---

¹⁷⁵ Материал настоящего параграфа был подготовлен с использованием следующих публикаций автора: Меликовский А.А. Роско Паунд против «механической юриспруденции» // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 10-13; Меликовский А.А. Цель права: политическая природа (по мотивам учения Роско Паунда) // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики / IX Национальная научно-практическая конференция (г. Казань, 27-28 февраля 2025 г.) / под ред. д-ра юрид. наук Р.Ф. Степаненко, д-ра юрид. наук А.Б. Меязева, д-ра юрид. наук С.Н. Тагаевой, канд. юрид. наук С.М. Аламовой: в 2-х ч. Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. Ч. II. С. 85-89.

¹⁷⁶ См.: Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб: издание Н.В. Муравьева, 1881.

¹⁷⁷ Об этом уже свидетельствует избранное юристом для оформления своих мыслей слово: как известно, у русского термина «цель» в английском языке, кроме «*end*», есть еще, по меньшей мере, семь вариантов: *purpose, aim, target, object, objective, goal, point*; но Паунд отдал предпочтение именно понятию «*end*».

(*the socialization of law*)¹⁷⁸. Идеи о цели права дополнялись на каждом новом этапе этого процесса.

В самом начале, на этапе архаичного права, когда формировались только истоки права, право преследовало лишь одну относительно простую цель – внести мир в жизнь общества и, соответственно, поддерживать его¹⁷⁹. Право понималось в качестве особой системы мирного устройства общества (определенного порядка); регулятора, с помощью которого обеспечивались общие потребности в безопасности путем сдерживания отдельных людей от агрессивной самопроизвольной защиты себя и своих сородичей, от следующей из принципа талиона мести, приводящей к частной (межличностной и межродовой) войне¹⁸⁰. В процессе развития права эта цель расширилась в категорию безопасности и трансформировалась сначала (на этапе «строгого права») в сохранение социального *status quo*, а затем (на этапе «*equity* или естественного права») в «предоставление возможности максимально широкого индивидуального самоутверждения (самовыражения)»¹⁸¹.

Основополагающими идеями следующего периода – «строгого права» – стали определенность и единообразие¹⁸². Тогда уже начали формироваться средства правовой защиты (*legal remedies*), в дальнейшем ставшие исторической (не логической!) основой возникновения категории «*right*». Ведущим признаком права стал формализм, а форма начала служить праву не просто способом выражения вовне его содержания или придания ему юридической силы или определенности, она стала самим правом¹⁸³. В это время даже индивидуальные договоры понимались как формы: форма, утверждал Паунд, – это «больше чем доказательство, это сам договор»¹⁸⁴. Все споры рассматривались не по существу, а формально. Судебный процесс понимался как некая торжественная церемония,

---

¹⁷⁸ См.: Pound R. End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines // Harvard Law Review. Vol. XXVII. 1914. № 3. PP. 195-234.

¹⁷⁹ См.: *Ibid.* P. 196, 199, 204.

¹⁸⁰ См.: *Ibid.* P. 199-200.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 204.

¹⁸² См.: *Ibid.* P. 210, 211, 213.

¹⁸³ См.: *Ibid.* P. 204.

¹⁸⁴ *Ibid.* P. 208.

ритуал. Одним словом, все право «строгого» периода – это форма. Дело в том, что гегемония формы предотвращала проблемы, которые могли бы возникнуть при разрешении спора по существу. Формализмом была обусловлена и интерпретация правовых текстов¹⁸⁵. «Если право является законодательным по форме, – писал Паунд, – ... толкование – это максимум, который допускается; ибо идея формальной замены одного права другим, если и не немислимая в такой период, то поразительная, поскольку в таком случае подразумевает произвольность права, возможность его принятия или отторжения по желанию»¹⁸⁶. При всех своих недостатках формализм периода «строгого права» имел очень важное достоинство – создавал гарантии против произвола властных субъектов, немного внося объективность в процесс исследования материалов дела спорящих сторон, за что в юридическом сообществе и ценится по сей день. С другой стороны, умеренно понимаемый формализм побуждает к рациональному анализу рассматриваемого дела и защищает от импульсивных действий правоприменителя и от его зависимости от «мнения толпы» (*mob-mind*)¹⁸⁷. Вспоминая Иеринга с его знаменитым высказыванием: «форма – заклятый враг каприза, сестра-близнец свободы... Фиксированные формы – это школа дисциплины и порядка, и тем самым самой свободы ... там, где народ по-настоящему понял служение свободе, он также инстинктивно открыл ценность формы...»¹⁸⁸, Паунд полагал, что именно на этом этапе развития, во многом благодаря формализму, право возобладало как социальный регулятор, а государство как соответствующий ему институт социального контроля¹⁸⁹.

Последовавший за стадией «строгого права» этап *equity* или естественного права характеризовался либерализацией права. Лозунгом этого периода, утверждал Паунд, стала «мораль или какая-либо фраза этического значения, такая как добрая совесть, *aequum et bonum* или естественное право»¹⁹⁰. Право стало отождествляться

---

¹⁸⁵ См.: *Ibid.* P. 205-209.

¹⁸⁶ *Ibid.* P. 211.

¹⁸⁷ См.: *Pound R. Justice According to Law (Part II)* // *Columbia Law Review*. Vol. XIV. 1914. № 1. P. 24.

¹⁸⁸ *Jhering R. Geist des römischen Rechts*. 5 Ausgabe. Leipzig, 1891. S. 471-472.

¹⁸⁹ См.: *Pound R. End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines*. P. 204.

¹⁹⁰ *Ibid.* P. 213.

с моралью, отчего последовала попытка превращения моральных обязанностей (категории долга) при помощи разума как источника естественного права в юридические. Это привело к тому, что к субъектам права стали применяться чрезмерно высокие этические стандарты¹⁹¹. Этика стала тем, что целиком охватывало содержание права. Этически начало пониматься и правосудие. Акцент сместился на исполнение долга (моральной обязанности) и на разумность вынесенного решения в противовес произвольно установленному правилу, что стало концептуальной основой расширения пределов судейского усмотрения, поскольку, «в то время как правовые нормы имели общее и абсолютное применение, моральные принципы должны были применяться с учетом обстоятельств и отдельных лиц. Следовательно, правосудие на этом этапе носило слишком личный (персонифицированный) характер и, следовательно, слишком неопределенный»¹⁹². Очевидно, что при таких обстоятельствах формализм и форма как причина возникновения юридических последствий, а также идеи определенности и единообразия отошли на второй план. Их место заняла воля, видоизменив изначально присущую праву идею безопасности, которая стала толковаться в двух смыслах: во-первых, как «идея о том, что каждый должен быть защищен в своих интересах от агрессии со стороны других»; во-вторых, как «идея о том, что другим должно быть разрешено приобретать у него или требовать от него только по его воле, чтобы они это делали через нарушение им своих прав, правила, разработанные для защиты других лиц в аналогичных интересах»¹⁹³.

Стадии справедливости или естественного права юриспруденция обязана ввиду того, утверждал Паунд, что в этот период в право и науку о праве пришли четыре идеи первостепенной важности. Во-первых, идея о том, что все люди должны обладать правосубъектностью, что «единицей права должна быть моральная единица (*the legal unit should be the moral unit*), то есть человек, а не группа или произвольно определенное «юридическое лицо»¹⁹⁴.

---

¹⁹¹ См.: *Ibid.* 217.

¹⁹² *Ibid.* P. 218.

¹⁹³ *Ibid.* P. 221.

¹⁹⁴ *Ibid.* P. 214-215.

Во-вторых, идея о том, что внимание необходимо обращать на содержание, а не на форму права, «на его дух, а не на букву, на результат измерения вещей разумом, а не произвольным правилом»¹⁹⁵. В-третьих, идея добросовестности, требующая от человека честности, внушения субъектам права обоснованности ими же созданных ожиданий. В этом смысле определенность права преобразовалась в определенность поведения субъектов. По мнению мыслителя, эта идея «отчасти следовала из настойчивого требования к разуму и сущности вещей, но главным образом из отождествления права с моралью. Ибо стабильность – главная характеристика нравственного поведения»¹⁹⁶. Наконец, в-четвертых, идея о том, что «не следует извлекать выгоду из формы, если содержание терпит неудачу»¹⁹⁷. Эта идея, по сути, резюмировавшая предыдущие идеи, выдвигала требование рассматривать дела не формально, а по существу, предполагая равенство субъектов перед общеобязательными правилами. Все моральные по своей природе идеи, которые были привнесены в юридическую науку, добавили к целям права, сформировавшимся на предыдущих этапах развития, «достигаемые при помощи разума концепции добросовестности и нравственного поведения»¹⁹⁸.

Именно таким образом моральные категории стали частью позитивного права. Однако не всем моральным нормам удавалось это сделать: общество всегда развивается, мораль изменяется вместе с ним; и те моральные предписания, которые не интегрировались в право, «вытесняют или доминируют над значительной частью правовой системы» и «со временем становятся полностью легализованными»¹⁹⁹. В англо-американской правовой семье в этот период стала формироваться система *equity*. И если внешне наличие в позитивном праве моральных категорий в целом не создавало каких-либо непреодолимых препятствий для юридической науки, то внутренне моральные принципы, становясь правовыми, либо «терялись в массе вытекающих из них правил», либо становились простыми абстракциями и «лишались своего чисто морального

---

¹⁹⁵ *Ibid.* P. 215.

¹⁹⁶ *Ibid.* P. 215-216.

¹⁹⁷ *Ibid.* P. 217.

¹⁹⁸ *Ibid.* P. 213-214, 220.

¹⁹⁹ См.: *Ibid.* P. 219.

характера»²⁰⁰, тем самым формируя почву для перехода к следующему этапу – зрелости права (*the maturity of law*).

Этап зрелости права снова возвратил к установкам, связанным с определенностью права. Вновь юридическая наука стала предполагать стремление права к закону. В конечном итоге возникли своды правил, вобравших в себя и определенность, присущую стадии строгого права, и либерализм, присущий стадии *equity* или естественного права²⁰¹. Под влиянием этой тенденции снова трансформировалась цель права: «правовая система стала стремиться обеспечить индивидам преимущества, данные им природой или их положением в мире, и дать им возможность использовать эти преимущества настолько свободно, насколько это совместимо с таким же свободным проявлением их способностей и использованием их преимуществ другими»²⁰². Это проявилось и в части понимания собственности и договора как основополагающих институтов права. Идея безопасности вместе с идеей равенства (равенства возможностей) образовали идею безопасности приобретений (*acquisitions*). В юридической науке началась тщательная разработка доктрины индивидуальных прав (из-за чего изменилось понимание юридических обязанностей, ставших соотносимыми с индивидуальными правами), а также средств правовой защиты, функции которых сводились лишь к подтверждению и поддержанию этих прав (*maintenance of rights*)²⁰³.

Возвышение институтов собственности и договора на этапе зрелости права породило пренебрежение моральной стороной социальной жизни, которая дала о себе знать к концу XIX века. Тогда юриспруденция, попав под влияние достижений социальных наук, начала преобразовываться, стремясь «удовлетворить как можно большее число человеческих потребностей, жертвуя наименьшим количеством других требований»²⁰⁴. Утилитарная по своему содержанию установка, по сути, была облечена в философско- и социолого-

---

²⁰⁰ См.: *Ibid.* P. 218.

²⁰¹ См.: *Ibid.* P. 219-220.

²⁰² *Ibid.* P. 225.

²⁰³ См.: *Ibid.* P. 221-224.

²⁰⁴ См.: *Ibid.* P. 225-226.

позитивистскую форму. В самом начале периода социализации права наблюдалась некая схожесть с предыдущими этапами, что проявлялось, в первую очередь, в запрете злоупотребления правом. Но если изначально такой запрет и ему подобные правила носили моральный оттенок, характеризую поведение субъектов через моральные категории (например, через добросовестность), то с течением времени право, стремясь лучше разграничить индивидуальные интересы по отношению к социальным интересам и ограничить *legal rights* рамками интересов, начало налагать социальные ограничения²⁰⁵. Если на этапе *equity* или естественного права в первооснову права была возведена идея воли, то на этапе социализации права она была заменена идеей интереса. Этот момент, по мысли Паунда, с юридической точки зрения послужил отправным пунктом начавшихся изменений. Признание интереса конечной идеей (*ultimate idea*) права тоже имело две фазы: если на первой акцент был поставлен на феномене индивидуальных интересов, то во второй – на феномене социальных интересов. Период социализации права заложил новую традицию посредством призыва к обеспечению только таких интересов, которые нуждаются в этом, совпадают с аналогичными потребностями других субъектов и в этом смысле в целом с интересами общества.

Приведенный краткий очерк исторического развития проблемы цели права предназначен для того, чтобы продемонстрировать (вслед за Паундом) концептуальное, логическое и методологическое значение учения о цели права в становлении дальнейших взглядов мыслителя (например, теория интересов полностью вырастает из этого). В работе «Цель права в развитии юридической мысли»²⁰⁶, опубликованной в виде серии из двух статей в журнале «*Harvard Law Review*» в 1914 (начало) и в 1917 году (окончание), Паунд продолжил свое исследование категории цели права, переходя от истории права, его норм и институтов, к философии права, «цели права, развитому в юридическом

---

²⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 226-229.

²⁰⁶ См.: *Pound R. End of Law as Developed in Juristic Thought (Part I)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXVII. 1914. № 7. PP. 605-628; *Pound R. End of Law as Developed in Juristic Thought (Part II)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXX. 1917. № 3. PP. 201-225.

мышлении (*juristic thinking*)»²⁰⁷. На примере конкретных политико-правовых доктрин, взятых в их исторической последовательности, правовед подкрепил хронологическую схему развития права и правовой системы умозрительными суждениями мыслителей в качестве аргументов, подтверждающих его правоту в выделении этапов развития целей права и знаний о праве. Он преследовал задачу продемонстрировать замкнутость юридической мысли на самой себе, призывая признать «расхождение между юридической мыслью, как она развивалась вплоть до нынешнего десятилетия (прим. – 1914 г.) и как она развивается сейчас по большей части в Америке, с одной стороны, и экономической и социологической мыслью, с другой стороны»²⁰⁸.

Общий ракурс, в котором Паунд ставил проблему целей права, едва ли можно отличить от известной в русскоязычной теоретико-правовой литературе проблемы социального назначения права (его так называемой «исторической миссии»²⁰⁹), что определенно позволяет проследить связь со слабо разграничиваемой с ней категорией сущности права. И хотя в оценках российских интерпретаторов принято полагать, что Паунд не стремился в своем учении постичь сущность права, тем не менее то, что считается сущностью для русскоязычного читателя (то есть совокупность наиболее устойчивых свойств права, позволяющих отличить и идентифицировать право), все-таки нашло отражение в мысли ученого. В действительности же Паунд не был склонен рассуждать лишь о природе права, что для него как для представителя системы *common law*, развившейся под влиянием аналитической (юридико-позитивистской) и исторической школ права, очевидно, было не более чем пустословием. Но природа права и сущность права скорее тождественные понятия только для континентальных юристов; природа права в понимании американского правоведа – проблема из классических естественно-правовых учений²¹⁰, утратившая свою актуальность с возникновением

²⁰⁷ См.: *Pound R. End of Law as Developed in Juristic Thought (Part I)*. P. 605.

²⁰⁸ *Pound R. End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines*. P. 198.

²⁰⁹ См.: *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. С. 247.

²¹⁰ См., например, *Pound R. Introduction to the Philosophy of Law*. New Haven: Yale University Press, 1922. P. 59.

и распространением идей социальных утилитаристов²¹¹, что, вероятно, на современном языке отечественной науки теории государства и права корректнее звучало бы как проблема источника права в предельно широком (конечном) генетическом смысле, когда речь идет о поиске ответа на вопрос об авторе или первоисточке права (природа, Бог, разум, государство, общество, сообщества и так далее)²¹².

Относясь к праву как к инструменту, применяя который общество и государство приходят к неким желательным результатам, идеальные образы которых и служат целями права, Паунд предложил оригинальную интерпретацию истории права, прибегнув к инженерной аналогии. Обращаясь к истории, в социально-историческом контексте правообразования и действия права можно проследить основные тенденции развития права и общие направления развития правовой мысли. Однако интерпретации истории права – это уже часть истории мысли; обращение к ней позволяет обнаружить господствующие во времени и пространстве, когда и где были предложены соответствующие интерпретации, способы юридического мышления. По убеждению ученого все интерпретации так или иначе основаны на аналогиях; каждая эпоха должна обладать своей аналогией, позволяющей наиболее полно и эффективно раскрывать смысл правового развития²¹³.

Наличие аналогии, рассматривающей все феномены «в терминах доминирующей деятельности» – условие, способное дать практические результаты, соответствующие реальной жизни в конкретно-исторический момент времени на определенной территории. В век инженерных триумфов инженерная аналогия была наиболее подходящей, поскольку инженерия – это не свод императивных знаний, «с помощью которых математические формулы и механические законы реализуются вечно назначенным способом»;

---

²¹¹ См., например, *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1911. № 11. P. 140.

²¹² «Во всех теориях о природе права, – писал Паунд, – мы найдем картину (*picture*) детерминированного или механически абсолютизированного способа, как исходить из фиксированной и абсолютной начальной точки» (*Pound R. Introduction to the Philosophy of Law*. P. 70-71).

²¹³ См.: *Pound R. Interpretations of Legal History*. New York: The Macmillan Company, 1923. P. 151.

это деятельность, процесс, движение с прагматическим с философской точки зрения лозунгом – эффективности²¹⁴. В этом свете работу юриста мыслитель подобрал работе инженера, а правовые нормы и доктрины – формулам, с которыми инженер работает: «Об инженере судят по тому, что он делает. О его работе судят по ее адекватности целям, ради которых она делается, а не по ее соответствию какой-то идеальной форме традиционного плана»²¹⁵; «Правовые нормы и юридические доктрины можно сравнить с формулами инженера. Они выражают опыт прошлого в отправлении правосудия и делают его доступным для судьи и законодателя ... точно так же, как формулы инженера воплощают опыт прошлого и избавляют от необходимости производить длительные расчеты и заниматься сложными предварительными математическими исследованиями»²¹⁶. Правовые формулы, считал Паунд, представляют собой специализированную разновидность «формул социального контроля» и, подобно инженерным формулам, являются воплощением опыта, но с той лишь разницей, что первые стремятся к ограничению поведению и к реализации потенциальной возможности действия, в связи с чем «подвергаются испытанию» и нередко «имеют туманные и неопределенные границы (пределы)», а вторые – нет²¹⁷.

Предложенная Паундом инженерная интерпретация представляет собой развитие идей Колера об универсальной идее человеческой цивилизации – то есть «социального развития человеческих способностей в направлении их максимально возможного раскрытия» (этот концепт станет основой авторского понимания социального контроля). Право, считал Колер, двуедино: оно представляет собой как продукт цивилизации, так и средство достижения цивилизации (путем «насильственного упорядочивания вещей»); соответственно, право необходимо рассматривать с трех различных точек зрения: с точки зрения прошлого как продукт цивилизации, с точки зрения настоящего как средство поддержания цивилизации, с точки зрения будущего как средство повышения (*furthering*)

---

²¹⁴ См.: *Ibid.* P. 152; *Pound R. Juristic Problems of National Progress* // *American Journal of Sociology*. Vol. XXII. 1917. № 6. P. 725.

²¹⁵ См.: *Pound R. Interpretations of Legal History*. P. 152.

²¹⁶ *Pound R. Juristic Problems of National Progress*. P. 724.

²¹⁷ См.: *Pound R. Call for a Realistic Jurisprudence* // *Harvard Law Review*. Vol. 44. 1931. № 5. P. 703-704.

цивилизации²¹⁸. Вместо жестких рамок логических исследований позитивного права инженерная интерпретация предлагала учитывать, как минимум, три влияющих на упорядочение общественной жизни фактора: действующих правоведов (человеческий фактор, речь идет о «людях, которые занимаются поиском и адаптацией юридических материалов»), «обстоятельства, при которых они действуют», и «цели, ради которых они действуют», и тем самым она лишь напоминала об обусловленности всей юридической деятельности различного рода факторами, что, в свою очередь, позволяло преодолеть понимание права и в целом правового как неких вещей в себе²¹⁹. Инженерная интерпретация стала реакцией Паунда на превращение права в самоцель. Эта аналогия уместно низвергла понимание права до его истинного положения средства, состоящего на службе личности, обществу и государству; и чем яснее, считал мыслитель, осознание данного начала, тем эффективнее юриспруденция²²⁰.

«Давайте, – призывал Паунд, – на мгновение представим себе юриспруденцию как науку о социальной инженерии, имеющую отношение к той части всего мира, которая может быть достигнута упорядочением человеческих отношений посредством действий политически организованного общества»²²¹. Тогда право как система знаний, опыта, правил, принципов, концепций, стандартов, позиций, а также способов профессионального мышления и ремесла, посвященных поведению и принятию решений (разрешению споров) – это инструмент, при помощи которого и осуществляется этот «социальный инжиниринг»²²², то есть используется для достижения определенных целей при сознательном конструировании будущей реальности²²³. И хотя недостатки такого понимания юриспруденции очевидны, направление мысли правовед задал верно. Ему удалось вполне реалистично охарактеризовать, как государство (власть)

---

²¹⁸ См.: *Pound R. Interpretations of Legal History*. P. 143.

²¹⁹ См.: *Ibid.* P. 141, 151.

²²⁰ См.: *Ibid.* P. 157.

²²¹ *Ibid.* P. 152.

²²² См.: *Ibid.* P. 156.

²²³ См.: *Pound R. Juristic Problems of National Progress*. P. 724.

использует право²²⁴; принимая это, он закономерно погрузился в релятивизм, но осознав все возникающие в связи с этим угрозы, он попытался их снять, отодвинув их стремлением права к вечному и идеальному, ориентированному на человека. Такая цель, в отличие от самого права, – «растущая», а значит вечная, заключающаяся в постоянном развитии человеческих способностей. Она требовала от правоведов творческого подхода в вопросах разрешения споров и, соответственно, отказа от господствовавших на тот момент привычек, поскольку «судьи работали в условиях, которые все меньше и меньше позволяли им быть живыми оракулами закона, за исключением случаев, когда они придавали авторитет тому, что было сформулировано писателями и учителями»²²⁵.

Однако любая масштабная цель достигается опосредованно, то есть путем непосредственного осуществления определенных задач. В случае с правом и юриспруденцией речь идет о разрешении конкретных споров – отправлении правосудия. Паунд как юрист системы *common law* свято чтит исторически сложившуюся традицию централизации юридической науки вокруг суда и судебного процесса как некой платформы для цивилизованного разрешения споров. Если в континентальной системе юридическая наука одинаково занимается всеми ветвями власти, как бы монополизируя сферу государства и права, то англо-американская система относится к юриспруденции как к науке о праве, ядром которой является судебная система (оставляя политологам и управленцам большую часть вопросов в деятельности органов законодательной и исполнительной власти). Эта специфика отражается и на понимании позитивного права как свода правил и принципов, в соответствии с которым государственная власть отправляет правосудие²²⁶.

Но поскольку цель права как смыслообразующее явление выступает интенцией юридической деятельности, она имеет свойство определять сам

---

²²⁴ См. об этом: Степаненко Р.Ф. Человек – центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юридические аспекты) // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национ. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). Казань, 09 февр. 2024 г. Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. С. 305-312.

²²⁵ См.: Pound R. Interpretations of Legal History. P. 165.

²²⁶ См.: Pound R. End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines. P. 195.

результат (практика) и тем самым обуславливать путь его достижения (отправление правосудия) – в этом кроется политическая природа феномена целей. Именно на ней, рассуждая понятиями триады «цель – средство – результат», Паунд построил инженерную интерпретацию юриспруденции. Концептуально суждения Паунда о цели права как средства отправления правосудия идентичны соображениям континентальных правоведов о так называемом правовом (общественном) идеале; но прагматическая методологическая основа учения и концептуальная специфика, обусловленная англо-американским стилем юридического мышления, проявились в том, что Паунд говорил о цели права как о правовом идеале именно в отпадении правосудия. Отстаивая идею эффективности, прагматизм заостряет внимание на соотношении поставленных целей и практических результатов (юридической практики).

Для системы прецедентного права сама постановка проблемы правосудия, пожалуй, имеет такое же значение, как в континентальной системе вопрос справедливости. Это проявляется даже на терминологическом уровне: то, что в русском языке обозначается двумя разными словами – справедливостью и правосудием, в английском – лишь одним – *«justice»*. Для человека, мыслящего на английском языке, и справедливость, и правосудие – это две стороны одного единого явления *«justice»*. И в этом, очевидно, прослеживается логика, поскольку справедливость никогда не абстрактна, но всегда конкретна; она должна находить отражение в отдельно взятом случае – в правильно (справедливо) разрешенном споре. На эту двойственную природу *«justice»* обратил внимание и Паунд, рассмотрев *«justice»* с этической и юридической точек зрения. Если с этической точки зрения *«justice»* – это добродетель (справедливость), то с юридической – это определенный механизм (правосудие и сам процесс его отправления). Идеи о справедливости, полагал ученый, зиждутся на кантовских представлениях о праве (в частности, на второй формулировке категорического императива) и предоставляют личности возможность «формировать ей свою жизнь

как самоцель»²²⁷. Путем создания определенного механизма, не допускающего ситуаций, в которых будут попираются интересы субъекта, они претворяются в правосудии, которое в этом смысле является дальнейшей детализацией «этической формулы *justice*», требующей «уважать и защищать право»²²⁸.

В связи с тем, что правосудие изначально – деятельность властного характера, в него имманентно заложена возможность его отправления не только в соответствии с правом как некими стандартами («*justice according to law*»), основанными на принципе формального равенства, но также и в соответствии с волей правящего лица (правосудие без права, «*justice without law*»). Отечественные исследователи (например, В.Г. Графский) упрекали Паунда в том, что он был автором такой концепции (переведа ее как «юстиция без права»²²⁹), хотя он лишь констатировал это на теоретическом уровне и продемонстрировал на примере истории. Правосудие в соответствии с волей правящего лица, утверждал мыслитель, было нормой для восточных деспотий и остается нормой в ситуациях чрезвычайного (например, военного) положения. Именно поэтому правосудие «необязательно требует права»²³⁰. Но ход развития общества и права свидетельствует о движении от правосудия без права, основанного на широких дискреционных полномочиях правоприменителя, к правосудию в соответствии с правом – развитым, полным, научным сводом правил отправления правосудия²³¹. В действительности, когда право достигает пика своего развития и способы осуществления дискреционных полномочий становятся фиксированными и единообразными, само право превращается в самоцель, а правоприменение начинает носить механический характер; одна крайность таким образом заменяет другую. Тогда юридическая наука и практика снова начинают испытывать нужду в пограничной между правом и моралью дискреции (в «правосудии без права»), –

²²⁷ Pound R. Introduction to the Study of Law / reprinted from the Library of American Law and Practice. [Chicago], 1912. P. 5.

²²⁸ Ibid. P. 5.

²²⁹ См.: Графский В.Г. Социологическая юриспруденция // История политических и правовых учений / учебник для вузов; изд. 2-е, стереотип.; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999. С. 683.

²³⁰ Pound R. Introduction to the Study of Law. P. 1-2.

²³¹ См.: Ibid. P. 3; Pound R. Justice According to Law (Part I) // Columbia Law Review. Vol. XIII. 1913. № 8. P. 699.

«чтобы привести отправление правосудия в соответствие с новыми моральными идеями или изменившимися социальными и политическими условиями»²³², что в конечном итоге влечет реформирование старого или принятие нового позитивного права.

В вопросах судейского усмотрения Паунд придерживался умеренной позиции, признавая ее необходимость, но подчеркивая ее строгую ограниченность рамками позитивного права. Это, с одной стороны, позволяет избежать различного рода злоупотреблений; с другой стороны, «не парализует» саму судебную систему архаичными правоположениями. Одна крайность – предельная широта дискреционных полномочий – превращает судью в «восточного кади»; другая – предельно детализированное позитивное право – уничтожает *nervus vivendi* юридической деятельности – интеллектуальное (интеллектуально-творческое) начало. «Естественной целью, – писал ученый, – является судья, руки и ноги которого связаны кодексом и максимой о том, что тот закон наилучший, который меньше всего оставляет на судейское усмотрение, а не восточный кади, у городских ворот при свете дня вершащий правосудие, смягченное состоянием его пищеварения»²³³. Правосудие без права лишает участников судебного процесса гарантий формального равенства, порождает множество рисков, связанных с неустойчивостью представлений о справедливости отправляющего правосудие лица, и затрат трудового, финансового и временного характера. Эти проблемы усиливаются с усложнением общественной жизни: «Цивилизация увеличивает эту сложность и поэтому требует права, то есть господства закона и порядка (*rule and order*) в отправлении правосудия, чтобы люди могли действовать уверенно, ориентируясь на будущее»²³⁴. Правосудие в соответствии с правом делает акцент не на том, что нужно угодить судье, предугадав его настроение, как того полагали реалисты, а на гарантиях формального равенства, и тем самым

---

²³² Pound R. Justice According to Law (Part I). P. 699.

²³³ В оригинале: «The judge, bound hand and foot by a code and the maxim that that law is best which leaves least to the discretion of the judge, is our natural goal, not the oriental *cadi* administering justice at the city gate by the light of nature tempered by the state of his digestion for the time being» (Pound R. Decadence of Equity // Columbia Law Review. 1905. Vol 5. № 1. P. 21).

²³⁴ Pound R. Introduction to the Study of Law. P. 2.

на рациональности рассмотрения дела. Но правосудие без права «более склонно соответствовать моральному чувству общества, когда его отправляет сильный человек, чем правосудие, основанное на технических правилах», и правила в этом смысле «необходимы для того, чтобы направлять слабого судью и спасти от безволия и неосмотрительности»²³⁵; в связи с чем «обыватели очень стремятся к правосудию без права»²³⁶. И это не только вполне мыслимо, но и находит отражение «в наиболее развитых правовых системах» даже Новейшего времени²³⁷ – речь, главным образом, идет об отправлении правосудия с участием присяжных заседателей: «Во многих юрисдикциях, – свидетельствовал Паунд, – присяжным предоставляются экстравагантные полномочия, поскольку применение грубых стандартов правосудия и обращение к эмоциям, связанным с этими полномочиями, находит одобрение у общественности»²³⁸. Тем не менее всякая воля, за исключением заложенной в право как в систему стандартов отправления правосудия, искажает отправление правосудия, направляя его в другое (неправосудное) русло, поскольку «право (закон, *law*) и каприз несовместимы»: «Если предоставить возможность в отдельных случаях действовать свободно, без правил и стандартов, то никакая воля – ни короля, ни народа – не будет достаточно определенной и постоянной, чтобы обеспечить единообразное отправление правосудия»²³⁹.

Отправление правосудия в соответствии с правом также преследует такое регулирование (*adjustment*) общественных отношений, которое соответствует моральному чувству общества²⁴⁰. Но это не несет в себе опасностей такого рода, как отправление «правосудия без права». Достоинств у нее больше, чем недостатков: например, «право позволяет предсказать, каким образом будет осуществляться отправление правосудия»; оно защищает от «ошибок индивидуального суждения», от «неправомерных действий со стороны тех, кто

---

²³⁵ *Pound R. Justice According to Law (Part I). P. 702.*

²³⁶ *См.: Ibid. P. 700.*

²³⁷ *См.: Ibid. P. 697.*

²³⁸ *Ibid. P. 701.*

²³⁹ *Pound R. Introduction to the Study of Law. P. 3.*

²⁴⁰ *См.: Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence // The Green Bag. Vol. XIX. 1907. № 10. P. 612.*

отправляет правосудие»; в праве предусматриваются «этические стандарты общества (*community*)»; вбирая в себя опыт прошлого, право предоставляет возможность использовать его; наконец, «право предотвращает принесение в жертву конечных интересов (*ultimate interests*), социальных и индивидуальных, более очевидным и насущным, но менее весовым, сиюминутным интересам»²⁴¹. В свою очередь, отправление правосудия в соответствии с правом – это не только отправление правосудия судами; его особенность заключается в соблюдении принципа профессионализма. Поэтому Паунд не остановился на этом; он пошел дальше, предложив рассмотреть деятельность по отправлению правосудия не как специфическую судебную деятельность, а как вообще разрешение властью конфликтов. Он был убежден, что между ветвями власти «нельзя нарисовать даже тонкие аналитические линии», поскольку само разделение властей противоречит единству суверенитета, значит не совсем верно говорить о разделении властей, так как на самом деле речь идет о «трех общих типах проявления одной власти»²⁴². Эти три общих типа основаны на разделении функций, осуществляемых законодательной, исполнительной и судебной властью по принципу специализации. Судебная деятельность изначально не была обособлена, в этом не было необходимости. Потребность была лишь в том, чтобы разделить компетенции законодательных (совещательных) органов от исполнительных (административных), а судебные функции осуществлялись как одними – в форме отправления правосудия законодательными органами (*legislative justice*), так и другими – в форме отправления правосудия исполнительными органами (*executive justice*). Со временем из них выросла новая форма – судебное правосудие (*judicial justice*), – которая впоследствии постепенно стало заменять их²⁴³. Даже если глубоко не погружаться в нюансы этого исторического факта, достаточно вспомнить два примера – один из истории права, другой – из истории мысли: в Великобритании вплоть до относительно недавнего времени Парламент (в лице Палаты Лордов) осуществлял судебные полномочия (отправление правосудия

---

²⁴¹ См.: *Pound R. Justice According to Law (Part I)*. P. 709.

²⁴² См.: *Pound R. Justice According to Law (Part II)*. P. 5.

²⁴³ См.: *Ibid.* P. 6-7.

законодательными органами), а Дж. Локк, автор первой теории разделения властей, относил судебные функции к исполнительной власти (отправление правосудия исполнительными органами).

И хотя правосудие, отправляемое на профессиональной основе, подразумевает, по крайней мере, что оно осуществляется юристами как носителями специального знания и стиля мышления, тем не менее именно в форме судебного отправления правосудия принцип профессионализма обеспечивается и реализуется лучше всего: как минимум, судьи не только учатся, как и все юристы, делать логические умозаключения, системно постигать и излагать позиции; они еще и независимы, «приучены придерживаться принципов и руководствоваться юридическим разумом, а не интересами или внешним давлением»; более того, за ними «пристально наблюдают ученые-правоведы, воспитанные в той же традиции, имеющие под рукой все материалы для тщательной критики каждого решения»²⁴⁴. Но кризис в правовой системе США в начале XX века, когда законодательные органы издавали такой массив актов, затрагивающих насущные интересы общества, что их соблюдение просто не могли обеспечить суды, привел к неспособности судебной власти отвечать на стоящие перед ней вызовы²⁴⁵. Для отправления правосудия в судах возникали огромные препятствия, в связи с чем вновь возродилась тенденция отправления правосудия органами исполнительной власти: суды стали охотно передавать свои полномочия различного рода «советам (*boards*) и комиссиям»; свели свои надзорные полномочия за действиями органов исполнительной власти к минимуму, оставив только те, которые напрямую устанавливались Конституцией; в это же время получили распространение административные действия в упрощенном порядке и так далее. Все это, считал Паунд, свидетельствовало о возвращении к правосудию без права – политическому абсолютизму, безусловному (даже если и

---

²⁴⁴ См.: *Pound R. Justice According to Law (Part III)* // *Columbia Law Review*. Vol. XIV. 1914. № 2. P. 103-104, 108, 119 et seq.

²⁴⁵ См.: *Pound R. Justice According to Law (Part II)*. P. 21-22 et seq.; *Pound R. Justice According to Law (Part III)*. P. 113.

необходимому) злу, которое могло быть не более чем временным явлением²⁴⁶. Выход из сложившейся ситуации мыслитель видел в улучшении эффективности отправления правосудия в судебной форме, в приведении регулирования социальных отношений «в соответствие с моральным чувством общества»: «если мы хотим, – провозгласил Паунд, – избежать эпохи восточного правосудия, если мы хотим сохранить доктрину *common law* о верховенстве права (*supremacy of law*), юридическая профессия и суды должны энергично и бесстрашно взяться за решение проблемы сегодняшнего дня – определиться с тем, как применять (*administer*) позитивное право (*the law*, закон), чтобы удовлетворять потребности современного мира»²⁴⁷. А для этого необходимо изучение фундаментальных проблем, которые привели к кризису; что ему казалось дорогой, непременно ведущей к социализации права – нового, еще только наступающего этапа в развитии права и юридической науки²⁴⁸.

Юриспруденция, представляя собой многосложный синоним слова «право» (*polysyllabic synonym for law*), считал Паунд, «является наукой о праве, а так как право – средство отправления правосудия, не будет ошибочным утверждать, что юриспруденция – наука о правосудии (*justice*)»²⁴⁹. Свой объект – право, – и, соответственно, объект права – отправление правосудия, юридическая наука исследует при помощи различных методов. На некоторых из них, самых распространенных, а потому и основных, выстраиваются целые направления в юриспруденции, называемые школами права, правоведов или юристов (Паунд использует формулировку «*school of jurists*»). Это обусловлено тем, что последовательное, системное и систематическое применение того или иного метода формировало особый тип юридического мышления.

С отдельными оговорками можно считать, что Паунд к числу таких основных подходов относил философский, исторический, аналитический и социологический. Оговорки эти касаются социологического метода, а также неуказанных выше

²⁴⁶ См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. Calcutta, 1958. P. 98; *Pound R. Recrudescence of Absolutism // The Sewanee Review*. Vol. 47. 1939. № 1. PP. 18-28; *Pound R. Justice According to Law (Part II)*. P. 24, 25.

²⁴⁷ *Pound R. Justice According to Law (Part II)*. P. 21-22.

²⁴⁸ См.: *Pound R. Justice According to Law (Part III)*. P. 131.

²⁴⁹ *Pound R. Introduction to the Study of Law*. P. 1, 3-4.

догматического и критического методов, которые ученый выделял в некоторых работах²⁵⁰. Догматический метод, утверждал мыслитель, позволяет разьяснять содержание принципов и основанных на них правил, составляющих содержание права; его Паунд вовсе не считал за сколько-нибудь научный метод²⁵¹. Правда, не совсем понятно, как он соотносил догматический метод и аналитический метод, хотя в других работах, вероятно, именно по этой причине данный метод не упоминался автором. Критический метод также фигурирует в некоторых работах Паунда; он его рассматривал как подход, позволяющий рассмотреть, какими должны быть нормы, устанавливающие правила должного поведения, в их общей связи с историческими, аналитическими и философскими основами и практическими потребностями общества, но не выделял отдельной науки, построенной на критическом методе (по аналогии с другими научными методами – «критической юриспруденции»)²⁵².

Оговорка, касающаяся социологического метода, заключается в наличии в начале XX века такого количества разных вариантов, что о социологическом методе как о едином было если и не невозможно, то, по крайней мере, сложно говорить. Каждый автор, так или иначе реагирующий на возрастающий интерес к социологии, старался рассмотреть интересующие его объекты в связи с социологическим знанием: «В последние годы, – указывал мыслитель в 1912 году, – возник новый метод юриспруденции и, как следствие, новая школа правоведов, которую можно назвать социологической школой. Правоведы, относящиеся к ней, изучают право как социальный механизм и исследуют конкретные институты и доктрины применительно к тем социальным целям, ради которых они существуют и которым служат»²⁵³. Паунд, также находясь под влиянием от новой тенденции, разработал свой проект, который назвал социологической юриспруденцией²⁵⁴. Применительно к своей версии социологического метода Паунд впоследствии сформулирует, что социологический метод призван «исследовать систему права

---

²⁵⁰ См., например, *Ibid.*, P. 3-4; *Pound R. End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines*. P.195.

²⁵¹ См.: *Pound R. Introduction to the Study of Law*. P. 3.

²⁵² См.: *Ibid.* P. 4.

²⁵³ *Pound R. Introduction to the Study of Law*. P. 4

²⁵⁴ Об этом см. § 2.2 настоящего исследования.

функционально как части или фазы социального контроля, а также ее институтов и доктрин в соответствии с социальными целями, которым необходимо служить»²⁵⁵.

Философский метод и, соответственно, философская юриспруденция, распространенные преимущественно в Континентальной Европе, позволяют оценивать правовые феномены с позиций этических и философских основ права, составляющих его структурных элементов и доктрин²⁵⁶. Философия служит средством осуществления попыток в достижении фундаментальных принципов права, а также поиска и систематизации идеального элемента в «авторитетных материалах», в связи с чем вопросы санкций представителей философской юриспруденции не интересуют²⁵⁷. Они стремятся как упорядочить и подвергнуть критике так называемый «идеальный элемент в праве», так и найти идеальные стандарты, ориентируясь на которые можно критиковать действующее позитивное право и направлять в нужное русло процесс правотворчества, тем самым определяя будущее позитивное право. В этом смысле философская юриспруденция характеризуется не только верой в идеалы, но и своей «настойчивостью в их достижении»²⁵⁸. Однако в реальности философский метод оказался двуличным: при всей нацеленности на высокое он фактически «использовался для выработки благовидных обоснований», способствующих закреплению тех или иных норм в позитивном праве; хотя если бы данный метод использовался для объективного исследования этических основ, то эти результаты пошатнули бы их авторитет: «таков нередко результат, когда философ, знакомый с правом поверхностно, пытается разобраться с конкретными правовыми институтами и отношениями. Он быстро осознает, что критика таит в себе опасность, и прибегает к остроумному обоснованию»²⁵⁹.

Исторический метод и историческая юриспруденция демонстрируют возникновение и происхождение элементов системы права и правовых доктрин, с особым пристрастием относясь к истории как к некому пространству, на котором

---

²⁵⁵ *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence. 5th ed. Cambridge: Harvard University Press, 1943. P. 4.*

²⁵⁶ *См.: Pound R. Introduction to the Study of Law. P. 4.*

²⁵⁷ *См.: Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence. 5th ed. P. 4, 31.*

²⁵⁸ *См.: Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II). P. 160.*

²⁵⁹ *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I). P. 610.*

раскрывается их истинная ценность. В лучшем случае представители данной школы рассматривают настоящее через прошлое, но в основном только прошлое. В отличие от философии (философской юриспруденции), очерчивающей меру правильного (идеального) и способствующей определению степени соответствия ему, история (историческая юриспруденция) позволяет понять, что именно имеется на самом деле и что можно с этим сделать²⁶⁰. Исторический метод делает возможным исследование происхождения и развития всех элементов правовой системы общества с целью выявления общих принципов, лежащих в основе правовой системы; практическая составляющая заключается в том, что на основе этих принципов проводятся различные систематизации, организующие порядок в правовой материи²⁶¹. Но историческая юриспруденция, убежден мыслитель, не разграничивает различные социальные регуляторы и рассматривает в качестве права весь социальный контроль, причем осуществляемый не на сознательном уровне²⁶². Историческая школа права всегда относилась к праву как к опыту (опыту прошлого), а опыт (равно как и «народный дух») лучше всего проявляется в обычаях, служащих главным источником (формой) права. Паунд подчеркивал, что уже «неоднократно признавалось, что право (как правила) представляет собой не обычные способы действия населения, а обычные способы судебного решения или юридического мышления, уходящие корнями в любом случае в чисто юридическую традицию»²⁶³. Но историческая юриспруденция все равно оставалась замкнутой на обычаях, опыте, привычках, другими словами, на всем том, что в XX веке стало известным как бессознательное. Доводы представителей других школ, утверждающих, что право создается сознательно и путем волеизъявления субъекта правотворчества, представители исторической юриспруденции считали не отличающимися своей глубиной и значимостью. Вместо государственного принуждения они обращали внимание на социальное давление, которым обеспечивались нормы, а также на привычки повиновения,

---

²⁶⁰ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II)*. P. 161-162.

²⁶¹ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. P. 3-4.

²⁶² См.: *Ibid.* P. 31.

²⁶³ *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)*. P. 604.

общественные настроения или представления о справедливости²⁶⁴. Чрезмерная увлеченность историей для юристов тоже не представлялась ученому правильной. Юристы ему казались традиционно слабыми историками, склонными к пренебрежению историческими фактами. Паунд неоднократно в своих трудах напоминал поучительный рассказ английского профессора истории Эдварда Фримена (*Edward A. Freeman*, 1823-1892)²⁶⁵. В книге «Методы исторического исследования»²⁶⁶ (*Methods of Historical Study*), 1886), состоящей из восьми лекций, читанных в Оксфордском университете, он поделился историей о своем коллеге – авторитетном юристе, который требовал, чтобы экзаменуемые отвечали, что «Вильгельм Завоеватель “ввел феодальную систему” на Солберийском великом гемоте (собрании) в 1086 году»²⁶⁷. Фримен всячески пытался доказать обратное, но его «небольшая лекция прошла впустую», поскольку «его коллега считал себя обязанным не иметь ничего общего с историческими фактами»; таковы были последствия привычки следовать за авторитетом: «как стадо овец, – утверждал Фримен, – один автор юридических книг следует за другим»²⁶⁸.

Аналитическое правоведение для англоязычного исследователя – это школа юридического позитивизма для русскоязычного. Представители аналитической юриспруденции ставят задачу обнаружить общие основополагающие принципы права и его доктринального анализа (правовой аргументации, *legal reasoning*), проверить отдельные правила и учения путем анализа и сравнения с принципами, на которых основаны иные системы права²⁶⁹, потому и аналитический метод имеет непосредственную связь со сравнительно-правовым методом. Объект, который исследует аналитическая юриспруденция – это лишь развитые правовые системы, доктрины и институты в их зрелых формах, поскольку использование

²⁶⁴ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. P. 31.

²⁶⁵ См.: *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 611; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1912. № 6. P. 511.

²⁶⁶ *Freeman E.A. Methods of Historical Study*. Eight Lectures Read in the University of Oxford in Michaelmas Term, 1884 / with the Inaugural Lecture on the Office of the Historical Professor. London: Macmillan and Co, 1886.

²⁶⁷ В оригинале: «He requires the candidates for degree to say that William the Conqueror “introduced the feudal system” at the great Gemót of Salisbury in 1086» (*Ibid.* P. 74).

²⁶⁸ *Ibid.* P. 75.

²⁶⁹ См.: *Pound R. Introduction to the Study of Law*. P. 4; *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. P. 3; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)*. P. 594.

аналитического метода в иных формах не представляется возможным. Право, с точки зрения сторонников данной школы, – это всегда продукт сознательно-волевой деятельности, нуждающийся в обеспечении мерами принуждения, применяемыми судебными органами государства; в ситуации, когда правило не обеспечено хотя бы фактом наличия соответствующего правоприменителя, речи о праве быть не может²⁷⁰. Какое-либо развитие как юридической науки, так и практики возможно тогда, когда правотворец издаст новый закон (статут), а «поскольку точка роста в зрелой системе все больше и больше находится в законодательстве, аналитическая теория права является императивной или позитивной (*positive*)»²⁷¹.

Но когда юридическая наука, полагал мыслитель, оказывается на вершине своего развития, через некоторое время она обязательно вступает в фазу кризиса – наступает период механического (механизированного) действия права и осуществления юридической деятельности. Хотя аналитическая юриспруденция в таких условиях продолжает существовать, право и юридическая наука погружаются в технические детали, превращая правоведение в «механическую юриспруденцию». Именно так правовед обозначил свою речь на съезде ассоциации юристов (*the Bar Association*) штата Северной Дакоты 25 сентября 1908 года в городе Вэлли-Сити, выступая с жесткой критикой господствующего на тот момент «механико-позитивистского» (*mechanical positivist*) подхода²⁷² к праву и юридической деятельности. Основные идеи своего доклада он изложил в статье «Механическая юриспруденция»²⁷³ («*Mechanical Jurisprudence*», 1908). Резкость избранного им названия была обусловлена его неприятием отношения юристов (главным образом, судей) к осуществляемой ими деятельности как к бездумному следованию исключаящей всякий интеллектуальный компонент в повседневной работе инструкции; юриспруденция, ставшая механической, гипертрофирована на почве понимания науки как замкнутого, самодостаточного и ориентированного

---

²⁷⁰ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. P. 31.

²⁷¹ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)*. P. 599.

²⁷² См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. P. 26.

²⁷³ *Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review*. Vol 8. 1908. № 8. PP. 605-623.

на себя явления, оторванного от человеческой жизни, от факторов, влияющих на ход ее развития, от людей и их отношений; она губительна для науки, подрывает изобретательность и оригинальность юристов.

Вводя термин «механическая юриспруденция» Паунд, в сущности, имел в виду радикализованную версию юридического позитивизма, в котором формализм усилен настолько, что нормы понимаются как раз и навсегда данные истины, не подлежащие пересмотру в новых или актуализированных условиях ее предполагаемого действия. Преобладание такого подхода мыслителю представлялось очевидным следствием распада юридического знания как такового на казуистические элементы, облеченные в юридические формы. Механическая юриспруденция – это некогда система, нынче «распавшаяся на формальности»²⁷⁴. Привело к такому распаду извращенное понимание юриспруденции как науки: принципы права как творческие начала и «отправные точки юридических рассуждений»²⁷⁵ уступили свое основополагающее место механическим поискам нужного положения в действующем позитивном праве. По мнению Паунда, в самой природе человека заложена склонность к механизированному поведению, к своего рода техничности. Человек видит в стремлении к технической четкости проявление своей сообразительности. Для обывателя право – это феномен, основанный на «балласте таинственной техничности», юриспруденция – промысел (ремесло), а юрист – мастер, способный находить необходимые положения в массиве различных источников права. В этом, утверждал Паунд, кроется одна, но далеко не единственная причина перехода научной юриспруденции в механическую.

Во многом такое неверное представление о сущности юридической деятельности Паунд обосновывал низкой культурой правотворческой техники и «императивной теорией, сопутствующей законодательной деятельности»²⁷⁶. Правовые акты как результат правотворчества (в том числе судебного) нередко

---

²⁷⁴ *Ibid.* P. 607.

²⁷⁵ См.: *Pound R. Social Control Through Law*. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942. P. 45.

²⁷⁶ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 612.

составляются с точки зрения юридической техники слабо, оказываются дискриминационными, основанными на ошибочной теории (*a false theory*), не принимаемыми практикой, что приводит к утрате авторитета права, его архаичности, неспособности к регулированию общественных отношений и разрешению споров²⁷⁷. В процессе развития точка роста права и юридической науки смещается с деятельности на законодательство: «Когда право развивалось благодаря юридической деятельности, – писал Паунд, – возникла философская теория права как декларация философски обоснованных принципов. Когда и где кульминацией права становилось законодательство, преобладала политическая теория права как повеления суверена»²⁷⁸. Уходя корнями в учение Дж. Остина, понимание правотворчества было обусловлено пониманием права как команды суверена (в широком смысле). Оно «было настолько полным, что даже неписаному праву следовало придать такой характер, поскольку все, что суверен разрешает, он повелевает»; и в момент повеления осуществляется правотворчество²⁷⁹. По Паунду, истинная причина того, что огромное количество законов терпят неудачу в реализации, кроется в том, что «они основаны на предположении, что государству достаточно командовать»²⁸⁰. История права демонстрирует, что смысл правотворчества сводится либо к «введению новых правил или новых предпосылок», имея в виду порождение новым позитивным правом предпосылок, влекущих необходимость в принятии других новых правил, либо к «подведению итогов юридических достижений прошлого в улучшенной форме»; другими словами, все попытки осуществления правотворчества содержательно представляли собой либо новые и еще неактуальные (поскольку законодательство редко выступало «результатом предварительного изучения условий, к которым оно должно было применяться»; в нем практически никогда не отражались социальные стандарты и не учитывались социальные потребности), либо старые, подводящие итоги юридических достижений прошлого, и уже неактуальные правила²⁸¹.

---

²⁷⁷ См.: *Ibid.* P. 614.

²⁷⁸ *Pound R.* Introduction to the Philosophy of Law. P. 68-69.

²⁷⁹ См.: *Pound R.* Mechanical Jurisprudence. P. 612.

²⁸⁰ См.: *Ibid.* P. 613.

²⁸¹ См.: *Pound R.* Mechanical Jurisprudence. P. 612-614.

Но фундаментальная идея, на которой основана вся система *common law*, заключается в том, что правотворчество осуществляется не только законодателем, но и судами, поскольку это необходимо для решения «практических проблем разработки новых теорий» для конкретных целей правоприменения²⁸². Ввиду того, что статутное (законодательное) регулирование всегда существенно отставало от обстоятельств реальной жизни, от постоянно растущих человеческих потребностей, суды вынуждены были при правотворчестве стремиться к общим, абстрактным формулировкам, в чем также проявилась тенденция к механизации: «Чрезмерное рвение к формулированию универсальных положений, – утверждал ученый, – происходит из-за того, что в прошлом им приходилось выполнять так много правовой работы законодательных органов»²⁸³. Подобные общие формулировки мыслитель соотносил с «юриспруденции понятий» (*a jurisprudence of conceptions, die Begriffsjurisprudenz*), позволяющей использовать дедукцию как основной логический метод. В американской науке царила позиция, что «при помощи диалектики и дедукции» из понятий «можно истолковать все содержание знания»²⁸⁴. Однако многообразие понятий и неадекватность логических выводов из них, их несоответствие здравому смыслу приводили к тому, что судебные решения часто пересматривались. В конечном счете это приводило к отсрочке отправления правосудия. Паунд был убежден, что многие авторы забывали о назначении, или конечной цели судебного процесса; они превращали научность судебного процесса (то есть его концептуализированность и строгую логичность) в самоцель и, таким образом, «превращали ... право в средство для устранения или отсрочки материального права и правосудия вместо того, чтобы обеспечивать их соблюдение и ускорять их»²⁸⁵. По мысли ученого, отсрочка в отправлении правосудия – суть тоже самое, что и категорически недопустимый отказ в правосудии²⁸⁶. Применение дедуктивного метода исказило даже сущность

---

²⁸² См.: *Ibid.* P. 622.

²⁸³ В оригинале: «Doubtless courts have been led into excess of zeal to lay down universal propositions by having to do in the past so much of the rightful work of legislatures» (*Ibidem*).

²⁸⁴ *Ibid.* P. 608.

²⁸⁵ *Ibidem*.

²⁸⁶ См.: *Ibid.* P. 619.

феномена рассмотрения дел с участием присяжных заседателей: несмотря на то, что Паунд в целом не был ярким противником рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, поскольку это ограничивает жестокость профессионального суда с его деформированным правосознанием²⁸⁷, он в то же время был недоволен законодательными положениями ряда государств (в том числе и США), согласно которым «присяжным заседателям не разрешалось непосредственно узнавать мнения стандартных текстов по научным и техническим вопросам, но они должны были учитывать противоречивые мнения экспертов без помощи беспристрастных источников информации, к которым любой здравомыслящий человек прибегнул бы на практике»²⁸⁸. Это, по мысли автора, выступает одним из примеров влияния «юриспруденции понятий», а именно, понятия допустимых доказательств (*a conception of the competency of evidence*) в судебном процессе с участием присяжных заседателей в ущерб реализации цели права, смысла доказывания и доказательств.

Проблема механизации юриспруденции характерна только в периоды роста науки, ее зрелости и стабильности, «когда возможность конструктивной работы в значительной степени исключается», стремление к цели права подавляется и когда о правилах и доктринах судят не по практическим результатам, а по их соответствию предполагаемой науке²⁸⁹. Если система права только формируется, ей не страшна эта угроза; поэтому с обозначенной проблемой можно столкнуться только в период «зрелости права» и, соответственно, знания о нем. Известный американский юрист Шелдон Амос (*Sheldon Amos*, 1835-1886) в книге «Наука права» (*The Science of Law*), 1874) утверждал: «как только система права сводится к завершенности внешней формы, ей становится характерна естественная тенденция кристаллизации в негибкость (*a natural tendency to crystallize into a rigidity*), непригодную для свободного применения, которого требуют реальные обстоятельства

---

²⁸⁷ См.: *Ibid.* P. 606.

²⁸⁸ В оригинале: «The decisions by which in a majority of jurisdictions jurors are not permitted to learn directly the views of standard texts upon scientific and technical subjects, but must pass upon the conflicting opinions of experts without the aid of the impartial sources of information to which any common-sense man would resort ill practice» (*Ibid.* P. 620).

²⁸⁹ См.: *Ibid.* P. 608.

человеческой жизни»²⁹⁰. А так как человеческая жизнь всегда изменчива, если своевременно не адаптировать под нее право, оно «перестает отвечать требованиям этой непрерывной эволюции»²⁹¹. Такая участь преследовала наиболее развитые правовые системы. В качестве примера, актуального во все времена, Паунд приводит римское право в «законодательный период»²⁹², известный в истории римской государственности как период домината²⁹³, а в истории римского права как постклассический период²⁹⁴. Законом о цитировании 426 года император Валентиниан III трудам Папиниана, Павла, Гая, Ульпиана и Модестина (а также сочинениям авторов, на которых они ссылаются, в том числе Сцеволы, Сабина, Юлиана, Марцелла и других), придавал юридическую силу. Этим актом император, по существу, «отобрал юристов (*jurisconsults*) прошлого и разрешил цитировать только их труды»²⁹⁵; причем отобранные императором юристы, за исключением Папиниана, были признаны равными по своему авторитету: «Там же, где высказываются различные мнения, преимущество имеет суждение большего количества законоведов, или, – утверждалось в документе, – если стороны равны в числе, превосходит авторитет той части, к которой относится мнение величайшего таланта Папиниана, который как побеждает одного, так и уступает двум»²⁹⁶. Паунд считал, что такая реформа ограничивала правоприменителя в разрешении споров, особенно в части решения вопросов права. В интерпретации мыслителя деятельность судьи тогда олицетворялась

²⁹⁰ Amos S. The Science of Law. 2-nd ed. London: Henry S. King & Co., 1874. P. 58.

²⁹¹ Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 22.

²⁹² «Римское право в его законодательный период может предоставить более одного примера такого рода законотворчества, на которое мы жалуемся сегодня», – указывал мыслитель (*Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 608).

²⁹³ О периоде домината см.: Всеобщая история государства и права. Учебник в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / под редакцией В.А. Томсинова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2019. С. 219-222; *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: учебник. 3-е изд., доп. М.: Норма: Инфра-М, 2022. С. 215-217; История государства и права зарубежных стран : учебник: в 2 т. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 229-233; и др.

²⁹⁴ О постклассическом периоде римского права см.: Всеобщая история государства и права. Учебник в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / под редакцией В.А. Томсинова. С. 226-232; *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства. С. 219-221; История государства и права зарубежных стран : учебник: в 2 т. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 240; и др.

²⁹⁵ Pound R. Mechanical Jurisprudence. P. 607.

²⁹⁶ Кодекс Феодосия. I. 4, 3 // Цит по: Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 357.

«чисто механической задачей подсчета голосов и определения численного преобладания авторитета (*preponderance of authority*)»²⁹⁷. Трагедия валентиниановского закона заключалась в том, что им были сведены к нулю принципы права; после его принятия к ним больше не обращались для разрешения споров: «Правила были под рукой в фиксированной и окончательной форме, – подчеркивает Паунд, – и дела должны были быть приведены в соответствие с правилами»; таким путем римская правовая традиция перешла в фазу упадка²⁹⁸, «превратилась в юриспруденцию правил», «а правилам, – резюмировал Паунд, – свойственно действовать механически»²⁹⁹.

Для начала XX века механизированность юриспруденции как прямое следствие диктата юридико-позитивистских представлений была всеобщей тенденцией. Исключением из нее Паунд считал немецкий опыт. В Германии, по мысли ученого, удалось сломить ход бесконечной механизации права Гражданским Уложением (далее – ГГУ), вступившим в силу 1 января 1900 года. Ввиду своей особой системы, ГГУ оценивался Паундом в качестве примера возрождения настоящего юридического (и в этом смысле созидательного) подхода, основанного на творческих и изобретательских умственных способностях, проявляющихся у юристов в ходе работы с принципами права, закрепленными в тексте данного закона³⁰⁰. Этот факт во многом играет ключевую роль в понимании правового учения Паунда: становится очевидным его симпатия к континентальной правовой традиции в целом и к немецкой в особенности.

Правовая система США, считал Паунд, «непростительно отстала от остального англоязычного мира»; она, как и вся система *common law*, в период своего расцвета приобрела «стерильность полностью развитой системы»,

---

²⁹⁷ *Pound R. Mechanical Jurisprudence. P. 607.*

²⁹⁸ Об этом периоде, например, И.С. Перетерский писал, что «римское государство превращается в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных», а «воля императора считается единственным источником права». Это привело к утрате юриспруденцией ее значения, к очевидному упадку римской правовой культуры, признаком которой выступил закон о цитировании: в это время «взамен творческой работы юристов», – писал ученый, определяющее значение стали иметь «голоса покойников» (*Перетерский И.Б. Источники права // Всеобщая история государства и права. Учебник в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / под редакцией В.А. Томсинова. С. 230*).

²⁹⁹ *Pound R. Mechanical Jurisprudence. P. 607.*

³⁰⁰ См.: *Ibid.* P. 611-612.

стала «неспособна отвечать жизненно важным потребностям жизни», просто «окаменела»³⁰¹. Это было прямым следствием полноценно развитой, сложившейся науки. Но любая наука стремится к постоянному внутреннему совершенствованию; в этом смысле процесс механизации юриспруденции становится неизбежен. Другой вопрос, что вовремя нужно прилагать усилия и прерывать этот неизбежный процесс, менять русло развития науки и правоприменения посредством своевременного реагирования на вызовы современности. В такие моменты, считал Паунд, нельзя скептически относиться к законотворчеству и далее отстаивать главную особенность системы прецедентного права – судебное правотворчество, поскольку, если законотворчество может сломить ход механизации, то судебное правотворчество по общему правилу не в силах этого сделать до тех пор, пока «не будет дана новая отправная точка извне», которой может служить в том числе новый законодательный статут³⁰². «Юристы системы *common law*, – выражал надежду мыслитель, – когда-нибудь откажутся от своего традиционного отношения к законодательству, будут приветствовать его и сделают его таким, каким оно должно быть»³⁰³. Этот тезис наиболее подробно и последовательно Паунд раскрыл в своей статье «*Common law and legislation*» («*Common Law and Legislation*», 1908)³⁰⁴, в которой выразил свои предпочтения законодательному регулированию по сравнению с судебным правотворчеством. Законодательство, с его точки зрения, – это «подлинно демократическая форма правотворчества», поскольку именно в нем «отражается прямое и точное выражение общей воли»³⁰⁵.

Вопреки тому, что «интенсивная жизнь» (*vigorous life*) все же иногда и пробуждалась в рамках «отдаленных уголков» прецедентного права – в судебной практике (*in remote corners of case law*), в целом, по мысли ученого, прецедентное право теряет свою жизнеспособность, и это происходит закономерно. Место протеста, предвещал автор, займет «услужливая любезность» (*officious*

---

³⁰¹ См.: *Ibid.* P. 606, 611-614, 617.

³⁰² См.: *Ibid.* P. 614.

³⁰³ *Ibid.* P. 622.

³⁰⁴ См.: *Pound R. Common Law and Legislation // Harvard Law Review. Vol. XXI. 1908. № 6. PP. 383-407.*

³⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 406.

kindness) и вялое в своей беспристрастности, справедливости, равноправности правоприменение (*flabby equitable application of law*)³⁰⁶. Представляется, что такая позиция мыслителя обусловлена его воззрениями и всецелой поддержкой юрисдикции *equity*. Этому посвящена одна из наиболее ранних статей Паунда на юридическую тематику – «Упадок *equity*» («*The Decadence of Equity*», 1905)³⁰⁷. В ней мыслитель доказывал, что упадок *equity*, в конечном счете приведший к объединению двух юрисдикционных систем – *equity* и *common law* повлек за собой упадок правовой системы в целом, и продемонстрировал это в свойственной ему манере с помощью множества практических примеров. Вслед за У. Блэкстоном и Г. Гроцием он определял *equity* как «исправление того, в чем закон (по причине его универсальности) не совершенен»³⁰⁸.

Рассматривая проблемы объединения данных систем, Паунд выделял четыре тенденции, которые были порождены данным событием. Во-первых, правовые нормы в определенных случаях заменили правила *equity* (*equitable rules*). Во-вторых, правила *equity* (*equitable rules*) или их части стали исчезать. В-третьих, принципы *equity* (*equitable principles*) становились жесткими, быстрыми и легализованными (позитивированными, то есть позитивно-правовыми) в их применении. В-четвертых, правила *equity* (*equitable rules*) стали приниматься таким образом, чтобы запутать, а не дополнить правовую норму³⁰⁹. Более того, по причине формализации механизмов *equity*, его принципов, их использованию в равной мере ко всем, в позитивном праве закономерно стали появляться «жесткие и оперативные правила, которые в своих неизбежно механических действиях

³⁰⁶ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 615.

³⁰⁷ См.: *Pound R. The Decadence of Equity* // *Columbia Law Review*. Vol 5. 1905. PP. 20-35.

³⁰⁸ *Grotii H. De æquitate, indulgentia et facilitate. Liber singularis. Caput 1. P. 37 (§ 3)* // *Grotii H. De jure belli ac pacis. Libri tres. In quibus jus naturæ et gentium, item juris publici præcipua explicantur. Cum annotatis auctoris eiusdemque dissertatione de Marii Libero; ac libero singulari De æquitate, indulgentia et facilitate: nec non Jo. Fr. Gronovii v.c. botic in totum opus de jure belli ac pacis. Ex altera recensione Joannis Barbeyracii, JC. Publ. privatiq. iuris antecess. Groning. Cum notulis ejusdem nunc auctoribus, plurimq. Locor. Ex Auctorib. Quib. Laudat. Adcuratori indication. Tomus Primus. Lipsiae: Impensis Ioannis Pauli Krausii; Bibliop. Vien. MDCCLVIII (1758).*

В оригинале: «*Proprie vero & singulariter æquitas est virtus voluntatis, correctrix ejus, in quo lex propter univervalitatem deficit*». Дословный перевод данного выражения непосредственно с латинского на русский язык будет звучать следующим образом: «Истинная и фиктивная справедливость (*equity*) – это добродетель воли, корректор, благодаря которому восполняются недостатки универсального закона».

См. об этом также: *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England*. Vol. 1. San Francisco: Bancroft-Whitney Company, 1916. P. 103 (§ 73); *Pound R. The Decadence of Equity*. P. 23.

³⁰⁹ См.: *Pound R. The Decadence of Equity*. P. 29.

обрушивались как на справедливых, так и на несправедливых» (*a hard and fast rule which in its necessarily mechanical operations will fall upon the just and the unjust*)³¹⁰. В то же время, несмотря на провозглашенный ряд отрицательных тенденций объединения *equity* и *common law*, Паунд не считал целесообразным выступать против указанной реформы. В духе Р. Иеринга ученый утверждал, что необходимо бороться не только за наше право (*law*), но и за нашу справедливость (*equity*), поскольку «закон (право, *law*) должен быть уравновешен справедливостью, так же как правосудие – милосердием»³¹¹.

Исходя из этого, в работе «Механическая юриспруденция» Паунд пришел к выводу, что судебный процесс должен как носить «деловой характер», так и быть основанным на здравом смысле³¹². Подобно Ульпиану, утверждавшему вслед за Цельсом, что право – это искусство добра и справедливости, а юристы (ввиду своих заслуг) – жрецы, так как «заботятся о правосудии, возвещают понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной философии, а не к мнимой» (D.1.I.1.1)³¹³, Паунд не считал совместимыми истинные цели права с механицизмом; он выступал категорическим противником абсолютизации формализма и понимания юридической деятельности исключительно как технической.

Возобладавшая тенденция механицизма стала показателем ненаучности (псевдонаучности) юриспруденции. Паунд исходил из того, что не может что-либо быть научным «только потому, что оно демонстрирует жесткую схему выводов из априорных понятий»³¹⁴. Научность, по мнению мыслителя, – это своего рода качественная характеристика юриспруденции; при этом Паунд не отрицал

³¹⁰ *Ibid.* P. 34.

³¹¹ *Ibid.* P. 35.

³¹² См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 620.

³¹³ В оригинале: «Ius est ars boni et aequi. Cuius merito quis nos sacerdotes appellet: iustitiam namque colimus et boni et aequi notitiam profitemur, aequum ab iniquo separantes, licitum ab illicito discernentes, bonos non solum metu poenarum, verum etiam praemiorum quoque exhortatione efficere cupientes, veram nisi fallor, philosophiam, non simulatam affectantes» (Цит. по: Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 1. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 82-83).

³¹⁴ *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 608.

возможность существования и (или) построения научной юриспруденции. Он старался понять, в чем сущность научной юриспруденции, научно разработанного права, научных стандартов в отправлении правосудия. Оставаясь, в любом случае, системой, придуманной человеком, утверждал Британский юрист Фредерик Поллок (*Frederick Pollock*, 1783-1870), право «не может избежать своего научного и искусственного характера, навязанного ему требованием современных обществ к полному, равному и справедливому правосудию»³¹⁵. Вслед за Поллоком Паунд провозгласил три требования (принципа), которые вынуждают право приобретать научный характер: разумность, единообразие, определенность (*conformity to reason, uniformity, and certainty*). Требование разумности проявляется в необходимости глубокого, полноценного, всестороннего и в этом смысле совершенного отправления правосудия, в ходе которого действительно определяются коренные причины правового конфликта и достигается справедливость (*the demand for full justice*). Требование единообразия означает формально-равный подход к правовому регулированию однородных общественных отношений в схожих условиях. По Паунду, такие отношения должны регулироваться однотипно. Это подтверждается известной максимой о том, что одинаковые дела должны решаться одинаково, а разные – по-разному. Требование определенности (справедливости, *the demand for exact justice*) – не что иное, как требование к отправлению правосудия, в рамках которого в разумных пределах могут быть заранее предсказаны последствия. Тем самым общие очертания должны быть уточнены в ходе судебного процесса³¹⁶.

Если научность понимается как абсолютный показатель знания о праве, то юриспруденция погружается в механизм. Соответственно, научность необходимо понимать умеренно (как относительный показатель), поскольку любое радикализованное отношение к научности юриспруденции дает основания вообще отрицать научный статус юриспруденции. Эта мысль обосновывалась

---

³¹⁵ В оригинале: «There is no way by which modern law can escape from the scientific and artificial character imposed on it by the demand of modern societies for full, equal, and exact justice» (*Pollock F. First Book of Jurisprudence for Students of the Common Law*. 3-rd. ed. London: Macmillan and Co., Limited St. Martin's Street. 1911. P. 56). См. об этом: *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 605.

³¹⁶ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 605.

мыслителем тем, что чрезмерная научность права не только отталкивает людей, не связанных профессиональными узами с юриспруденцией, но и дает специалистам в сфере права широкие возможности для злоупотребления: в частности, юристы нередко злоупотребляют сложившимся их образом ремесленников, преподнося свои искусственные юридические конструкции как самоцель и «считая науку чем-то, чем следует заниматься ради нее самой», воспринимая все правовые концепции и понятия не как предпосылки для рассуждений, а как готовые решения³¹⁷. Именно тогда знание и преступает порог ненаучности. Приводя знаменитые в англоговорящем юридическом мире слова Уильяма Бретта (*William Brett*, 1815-1899), известного как лорд Эшер³¹⁸ (*Lord Esher*) о том, что английское право – вовсе не наука (*the law of England is not a science*), а «практическое применение правил правильного и неправильного к конкретному делу, рассматриваемому судом; канон права заключается в том, что это правило должно быть принято и применено к делу так, как бы стороны – люди чести, искренности и справедливости – сами бы применили в отношении своего дела»³¹⁹, Паунд отметил, что истинный смысл этих слов кроется в протесте против псевдонаучной юриспруденции, которая на самом деле состоит из ряда правил технического характера – они «существуют ради них самих и служат предполагаемым целям науки, одновременно нанося ущерб правосудию»³²⁰.

Первопричиной механизированности юриспруденции выступает чрезмерная научность права, и именно с ней необходимо бороться. Эта «борьба» обусловлена тем, что научный характер права создает угрозы, связанные, главным образом, со способностью права воздействовать на человеческое сознание вообще и профессиональное правосознание в особенности. Право как соционормативная система имеет своей практической целью отправление правосудия, то есть

---

³¹⁷ См.: *Ibid.* P. 607, 620-621.

³¹⁸ О нем см.: *Manson E. Builders of Our Law During the Reign of Queen Victoria*. 2-nd ed. London: Horace Cox. 1904. PP. 392-404.

³¹⁹ В оригинале: «The law of England is not a science. It is a practical application of the rule of right and wrong to the particular case before the court, and the canon of law is that that rule should be adopted and applied to the case which people of honour, candour, and fairness in the position of the parties would apply in respect of the matter in hand» (*Ibid.* P. 398-399).

³²⁰ *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 606.

выступает инструментом регулирования повседневной человеческой жизни; оно должно соответствовать «современным идеям честной игры» (*current ideas of fair play*). «Право, – писал Паунд, – не должно становиться слишком научным, чтобы люди могли оценить его действие... Оно не должно становиться настолько полностью искусственным, чтобы общественность воспринимала его как совершенно произвольное»³²¹. Свое мнение мыслитель аргументировал со ссылкой на слова лорд-канцлера Великобритании в 1886, 1892-1895 гг. Фаррера Хершелла (*Farrer Herschell*, 1837-1899), изреченные в адрес английского судьи Джорджа Джессела (*George Jessel*, 1824-1883): «Как бы ни было важно, чтобы люди добились правосудия, справедливости (*justice*), но еще важнее заставить их почувствовать и увидеть, что они ее получают»³²². Речь идет о доверии к правовой системе и об эффективности права как соционормативного регулятора. Эти обстоятельства позволили Паунду прийти к выводу о том, что научный характер права – не центральное его качество, а лишь инструментальное, способствующее достижению цели права.

Право вынуждено стать научным, чтобы отразить три указанных принципа (полнота или разумность, одинаковость и единообразие, справедливость или предсказуемость). «Право является научным для того, – указывал мыслитель, – чтобы устранить, насколько это возможно, индивидуальное уравнивание (*personal equation*) в отправлении правосудия, исключить коррупцию и ограничить опасные возможности авторитетного невежества (*magisterial ignorance*)»³²³. Как и всякий прагматик, Паунд отрицает научность права во имя науки, ставя во главу угла критерий практичности. Это следует из аналогичного понимания науки как инструмента, позволяющего достичь некие цели, а значит о степени научности следует судить по достигаемым результатам, «а не по тонкостям внутренней структуры науки», «по красоте ее логических операций» или «строгости, с которой нормы исходят из ее догм»³²⁴.

---

³²¹ *Ibidem*.

³²² *Atlay J.B.* The Victorian Chancellors. In Two Volumes. Vol. II. London: Smith, Elder & Co., 1908. P. 460. См. об этом также: *Pound R.* Mechanical Jurisprudence. P. 606. Note 4.

³²³ *Pound R.* Mechanical Jurisprudence. P. 605.

³²⁴ См.: *Ibidem*.

Мыслитель, восхищенный немецкой практикой, предлагал воплотить в жизнь их опыт и за пределами Германии. Необходимо, чтобы новое законодательство излагало принципы, «из которых следует делать выводы, не правила, а решения; и решения будут указывать на правило только до тех пор, пока условия, к которым они применяются, заставляют их выражать принцип»³²⁵. Научность права – качество, которое отражает антипод судейского произвола: «антитезой научного права, – писал Паунд, – является система принуждения к исполнению каприза судьи, каким бы честным он ни был и как бы сильно ни маскировался именем справедливости, равноправия или естественного права (*under the name of justice or equity or natural law*)»³²⁶.

Окаменелость правовой системы, выбивающая всяческую индивидуальную творческую инициативу юриста, усугубляется силой преемственности известных, проверенных временем, а потому и авторитетных способов разрешения споров. Они «подавляют независимое рассмотрение новых проблем и новых этапов решения старых проблем и навязывает идеи одного поколения другому»; со студенческой скамьи начинается деформация профессионального сознания юристов: «Одним из препятствий для продвижения в любой науке является господство призраков ушедших мастеров. Их разумные методы забыты, в то время как их необоснованные выводы принимаются за Евангелие»³²⁷. Эти факторы вынудили мыслителя констатировать, что юристам необходимо помнить о связанности права своим назначением, «повседневными отношениями и потребностями обычных людей», что будет обеспечивать научность юриспруденции при реальном правоприменении, а не безоговорочное следование идее науки как «системы дедукций»³²⁸. Юридическая наука вырастает из конкретных проблем, из принципов, которые лежат в основе их разрешения. В случае сведения научности права исключительно к соответствующим логическим операциям с фиксированными понятиями и концепции, эти принципы

---

³²⁵ *Ibid.* P. 612-613.

³²⁶ *См.: Ibid.* P. 605.

³²⁷ *Ibid.* P. 606-607.

³²⁸ *См.: Ibid.* P. 608.

утрачивают свое значение³²⁹. Так и произошло с прецедентным правом: принципы права и обстоятельства жизни оказались разорваны «вставленным облаком мельчайших умозаключений»; это привело к тому, что «прецедентное право стало ультрамеханическим», применяемым «с технической точностью» и неспособным служить «эффективным инструментом правосудия»³³⁰.

Отстаивая фундаментальное значение принципов права, Паунд выступает противником феномена нормативизма и предлагает вернуться к исконным началам права и правовой науки – к их целям и принципам. Если правовые отношения развиваются гармонично, то сам феномен научной юриспруденции не имеет значения с точки зрения своего воздействия на их фактический ход (Паунд это особенно подчеркивал в контексте коммерческой деятельности). Но когда возникают конфликтные ситуации и стороны вынужденно обращаются в суд, неверное понимание научной юриспруденции (юридической теории) может привести к неожиданным в своей нежелательности последствиям. Чтобы избежать этого, мыслитель предлагал основывать судебную практику на целях, то есть следовать здравому смыслу при регулировании общественных отношений и разрешении правовых конфликтов³³¹. Даже в период развития системы права, считал Паунд, «мы фактически имеем юриспруденцию целей, даже если по форме она представляет собой юриспруденцию понятий», ведь понятия (концепции) представляют собой «поздние обобщения результатов юриспруденции целей»³³². Принципы и цели позволяют юриспруденции сохранить свой творческий потенциал высокоинтеллектуальной науки, способной эффективно воплощать свои идеи в жизнь, не делая из них вечных общих правил. Судья в таком случае должен

³²⁹ См.: *Ibid.* P. 612.

³³⁰ См.: *Pound R. Law in Books and Law in Action.* P. 34.

³³¹ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 612.

Ср. с позицией судьи Уильяма Эрле (*William Erle*, 1793-1880), который в беседе с известным английским политическим экономистом Нассау Уильямом Сеньором (*Nassau William Senior*, 1790-1864), по словам которого текст разговора был скорректирован У. Эрле, 31 августа – 1 сентября 1861 года отметил, что судьи – представители научной юриспруденции нередко стремятся вынести «сильное решение» (См.: *Senior N.W. Conversations with Distinguished Persons During the Second Empire from 1860 to 1863 / ed. By M.C.M. Simpson. In Two Volumes. Vol I. London: Hurst and Blackett, Publishers, 1880. P. 313*). «Сильное решение, – писал У. Эрле, – это решение, противное здравому смыслу и общему удобству (общей пользе, готовности к использованию)». В оригинале: «a strong decision is a decision opposed to common-sense and to common convenience» (*Ibid.* P. 321).

³³² См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 612.

выполнять «менее амбициозную, но более полезную работу – давать свежую иллюстрацию разумного применения принципа к конкретной причине, приводящей к работоспособному и справедливому результату» – в этом, а не в вечности, заключается настоящая гениальность системы *common law*³³³.

Но чтобы осуществлять юридическую деятельность по такому сценарию, нужен систематизированный свод принципов. Только он может стать «отправной точкой» обновления юриспруденции. В праве, которое стало сводом норм, принципы просто затеряны: «Сегодня принципы скрыты массой норм, выведенных из них, и, поскольку эти правила установлены как универсальные и считаются ими, а не просто выражениями принципов на данный момент, мы имеем отправление правосудия скорее по правилам, чем по принципам»³³⁴. А правила, чем более они абстрактны, тем сложнее их реализация и при этом выше вероятность допущения ошибок³³⁵. Право – это именно принципы, лежащие в основе разрешения споров. В связи с этим мыслитель предлагал вернуться к «юриспруденции принципов», которая, в сущности, и есть воплощение научности в праве. Но судебная власть также должна иметь полномочия, связанные с признанием принципов. Это создает своего рода гарантии, поскольку не все принципы может предусмотреть и выявить законодатель: «Позвольте принципам быть сформулированными кем угодно или почерпнутыми откуда угодно, – призывал мыслитель. *Common law* будет обращаться к судам за их разработкой и разъяснением, *civil law* – к доктринальным трактатам. Это только на словах относится к нашему *common law*, которое обречено на бесплодие механической юриспруденции из-за недоверия к законодательству»³³⁶.

Основной принцип, который должен лежать в основе юриспруденции, – это практическая полезность³³⁷. Однако такое обоснование отнюдь не совпадает с правовой концепцией И. Бентама. На это обратил внимание сам Паунд: он подчеркивал, что в англо-американской юридической мысли такая оценка

---

³³³ См.: *Ibid.* P. 622.

³³⁴ *Ibid.* P. 622.

³³⁵ См.: *Pound R. The Decadence of Equity.* P. 21.

³³⁶ *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 623.

³³⁷ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence.* P. 609.

не была новой. К аналогичному выводу приходил британский компаративист и историк права Джеймс Мейн (*James Maine*, 1822-1888) в 1875 году³³⁸. Соотнося учения Бентама и Остина, Мейн отметил: «Важное различие между Бентамом и Остином признается не так часто, как следовало бы. Бентам в основном пишет о законодательстве. Остин – о юриспруденции. Бентама главным образом интересует право такое, каким оно могло бы быть и каким оно должно быть. Остин в основном интересуется правом как таковым»³³⁹. В этом же духе рассуждал Паунд: утилитарная теория Бентама – это теория законодательства, в то время как его авторский подход – это не что иное как теория юридической науки³⁴⁰, своего рода проект «юриспруденции принципов». Паунд верил в то, что порочный круг движения из развития в упадок (механицизм) способен разорвать новый подход – социологический, который уже в это время он начал разрабатывать; новая юридическая наука, способная отвечать на стоящие перед ней вызовы, по его мнению, должна быть выстроена на основе «социологической, прагматической теории»³⁴¹. Во всяком случае, заинтересованность в разрешении этой проблемы пронизала и обусловила весь дальнейший творческий путь мыслителя; без «механической юриспруденции» не было бы ни «Права в книгах и права в действии», ни «Социального контроля посредством права», ни проекта социологической юриспруденции – той самой концептуально проработанной теории юридической науки, подводящей не дела под нормы, а нормы под дела³⁴². Само осознание необходимости в такой юридической науке и практике,

---

³³⁸ См.: *Maine H.S. Lectures on the Early History of Institutions*. New York: Henry Holt and Company, 1875. P. 49, 252, 343 et seq.

³³⁹ См.: *Ibid.* P. 343-344.

³⁴⁰ См.: *Pound R. Mechanical Jurisprudence*. P. 613.

³⁴¹ См.: *Ibid.* P. 621.

³⁴² В оригинале: «This ... is the true way to make rules fit cases instead of making cases fit rules», что дословно означает истинность способа «приведения норм в соответствие с делами вместо того, чтобы приводить дела в соответствие с нормами» (*Ibid.* P. 613). В этом месте Паунд оставил сноску на британского лорда-канцлера в 1861-1865 гг. Ричарда Бетелла (*Richard Bethell*, 1800-1873), известного в качестве лорда Уестбери (*Lord Westbury*) с примечанием о том, что у него встречается эта идея (*Ibid.* P. 613. Note 35). В то же время в труде «*The Victorian Chancellors*» его автор утверждает, что для лорда Уестбери было обыкновением безответственное отношение к массивам накопившихся судебных дел. Он принимал решения, «руководствуясь несколькими элементарными нормами», чем «авторитет его решений был значительно ослаблен» (*Atlay J.B. Victorian Chancellors*. In Two Volumes. Vol. II. P. 259). По Паунду, как статуты, так и прецеденты, «требующие приведения дел в соответствие с нормами, пытаются совершить “подвиг”» и обречены на провал (См.: *Pound R. Law in Books and Law in Action*. P. 34).

выстроенных на основе правовых принципов – революционная веха в юридическом мышлении начала XX века.

§ 2.2. Социологическая юриспруденция

Социологическая юриспруденция – первый и наиболее серьезный проект еще недавно бывшего ботаником и только вставшего на путь юриспруденции Роско Паунда. Зачатки его идей стали зарождаться еще в Небраске, где мыслитель начал свою академическую карьеру. Отправной точкой растянутого на десятилетия процесса формирования авторской концепции, пожалуй, можно считать скандальное выступление правоведа в 1906 году на ежегодном съезде Ассоциации юристов США (*American Bar Association*) о причинах распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия. Тезисы его речи были в том же году опубликованы³⁴³ и впоследствии даже неоднократно обнародованы на русском языке³⁴⁴. С этой речью связывают многие вехи в истории. Так, представители науки гражданского процессуального права полагают, что в ней нужно искать предысторию теории альтернативного разрешения споров, впервые предложенной Фрэнком Сандером в 1976 году³⁴⁵. И хотя данный юрист спустя семьдесят лет в докладе «О различных способах рассмотрения споров»³⁴⁶ даже не ссылается на Паунда и на его знаменитую речь и их объединяет разве что факт выступления Сандера на конференции, носящей имя Паунда, тем не менее Паунд ставится в один ряд с Сандером в вопросах разрешения споров. Все потому, что Паунд, возможно, впервые в американской истории дерзнул в неподвластной и даже в какой-то степени грубой манере сказать, что правопорядок устарел и просто не в состоянии справиться с возложенными на него прямыми задачами – отправлением правосудия. Именно в этом и крылся общий пафос его выступления

---

³⁴³ См.: *Pound R. Causes of Popular Dissatisfaction with the Administration of Justice // American Bar Association Reports. 1906. № 29. Part I. PP. 395-417.*

³⁴⁴ См.: *Паунд Р. Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2016 № 1 (39). С. 12-29; Паунд Р. Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Суд. АРС. Медиация: Сборник статей / составитель Ц.А. Шамликашвили. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 10-39.*

³⁴⁵ *Шамликашвили Ц.А. Предисловие составителя // Суд. АРС. Медиация. С. 5-6.*

³⁴⁶ *Сандер Ф.Э.А. О различных способах рассмотрения споров // Суд. АРС. Медиация. С. 40-76.*

и отстаиваемых в дальнейшем идей: позитивное право стало не средством, необходимым для разрешения споров и непосредственно предназначенным для этого, а целью (самоцелью)³⁴⁷, равно как и вся организация судебной системы и собственно судебного процесса, что обесценило как юридическую профессию, так и науку. Паунд обозначил более пятнадцати факторов, обусловивших сложившуюся в юридической науке и правоприменительной практике ситуацию, выход из которой, по его мнению, надлежит искать в незамедлительном осуществлении реформ: «Наше отправление правосудия, – утверждает Паунд, – вовсе не находится в упадке. Оно просто отстало от времени»³⁴⁸.

Так, мыслитель выделяет четыре группы причин: «(1) причины неудовлетворенности любой правовой системой, (2) причины, заключающиеся в особенностях нашей англо-американской правовой системы, (3) причины, заключающиеся в нашей судебной организации и процедуре, (4) причины, заключающиеся в обстоятельствах, в которых существует наше отправление правосудия». В числе причин первой группы, например, выделяет «неизбежно механическое действие правил и, следовательно, законов», «общее для всех людей предположение, что отправление правосудия является простой задачей, для решения которой каждый человек обладает достаточной компетентностью»; второй – «индивидуалистический дух нашего общего права», доктрина *common law* о состязательности, что превращает судебный процесс в игру», «отсутствие общих идей или философии права, столь характерное для англо-американского права, порождающее мелкую возню там, где необходима комплексная реформа»; третьей – «наша система судов является архаичной, а наши процедуры устаревшими»; четвертой – «втягивание судов в политику», «превращение юридической профессии в торговлю, заменившее отношение адвоката и клиента отношением работника и работодателя» и так далее³⁴⁹.

---

³⁴⁷ Этот тезис звучит и во многих последующих работах автора. См., например, *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence // The Green Bag. Vol. XIX. 1907. № 10. P. 612.*

³⁴⁸ *Паунд Р. Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Суд. АРС. Медиация. С. 38.*

³⁴⁹ *Там же. С. 13, 14, 21, 29.*

Через год, в 1907 году, в ежемесячном иллюстрированном журнале, освещающем высшую и легкую юридическую литературу (*a monthly illustrated magazine covering the higher and lighter literature of the law*), «*The Green Bag*» Паунд публикует статью «Необходимость социологической юриспруденции»³⁵⁰ («*The Need of a Sociological Jurisprudence*»), в которой, продолжая начатую линию, предлагает научные способы разрешения поставленных в своей речи фундаментальных проблем. Свои суждения он обосновывает конкретной практикой, обсуждая вопросы, начиная от деликтов, страхования и собственности и заканчивая трудовым правом, трастами и спросом на научные лаборатории и фонды (в отличие от работы 1906 года, в которой основная аргументация основана на цивилистическом материале). На фоне всего этого массива правоприменительных проблем, столь нуждающихся в глубинном умозрительном начале – соответствующей духу времени концепции, – Паунд показывал действительную потребность общества и государства в новом научном направлении, которое он назвал социологической юриспруденцией.

Американское право, полагал он, утратило весь свой авторитет, всю свою власть над народом, не удовлетворяя его ожиданий от права и, соответственно, правосудия. Будучи убежденным в том, что право и правосудие стали архаичны и вызывают недовольства у населения и, с другой стороны, наметив некоторые контуры причин, приведших к этому, мыслитель начал попытку самостоятельного поиска путей преодоления разрыва между правом, правосудием и народом. Если разрыв права и правосудия – проблема, преимущественно вставшая перед практико-ориентированным теоретическим правоведением в Соединенных Штатах (через некоторое время она приведет Паунда к формулировке знаменитых противоположностей – «права в книгах» и «права в действии»³⁵¹), то разрыв права и народа (правосудия и народа) был известен и на континенте, в частности, в России, где рассматривался как кризис правосознания³⁵².

---

³⁵⁰ Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence // *The Green Bag*. Vol. XIX. 1907. № 10. PP. 607-615.

³⁵¹ Об этом см. § 3.2 настоящего исследования

³⁵² См., например, труды П.И. Новгородцева: *Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии*. М., 1906-1908. Кн. IV (84). С. 406-451; Кн. I (91). С. 80-117; Кн. III (93) С. 251-

Хотя Паунд и не использовал понятия «правосознание» и «кризис правосознания», по существу, он это и имеет в виду. Вместо правосознания он говорит о чувствах³⁵³ (концепт, позаимствованный им у ведущего на тот момент социолога Л. Уорда, рассматривавшего чувства в близком Паунду телеологическом содержании³⁵⁴), а вместо кризиса правосознания – о расхождении права и народа (общественное правосознание), права и индивидуальных чувств гражданина (индивидуального правосознания), наконец, о том, что можно было бы назвать расхождением индивидуального и общественного правосознания, а также бытового и профессионального правосознания.

Кризис правосознания был хорошо виден на примере присяжных заседателей – людей, от которых зависел исход дела: исследуя опубликованную в «*The National Reporter System*» судебную практику за 1906 год, Паунд обнаружил, что «значительная часть присяжных заседателей, вызванных на все недавние судебные процессы по обвинению в убийстве, дали показания под присягой о том, что им нельзя доверять расследование и установление фактов ..., поскольку их взгляды на наказания отличались от взглядов закона (*the law*)»³⁵⁵. Такое противопоставление личного мнения и официальной законодательной

---

286. Кн. IV (94) С. 337-440. Кн. V (95) С. 513-597; а также итоговое издание: *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания / [соч.] П. Новгородцева. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909.

Об учении П.И. Новгородцева см.: *Жуков В.Н.* Философия права П.И. Новгородцева. М.: Юридический ин-т МИИТа, 2004; *Фролова Е.А.* П.И. Новгородцев о праве и государстве: монография. М.: МАКС-Пресс, 2001; *Фролова Е.А.* Моральная философия права П.И. Новгородцева: монография. М.: Проспект, 2023.

³⁵³ Можно возразить, что индивидуальные чувства, о которых говорит Паунд, – нечто, лишь отдаленно напоминающее индивидуальное правосознание, поскольку, кажется, в вопросах различного рода чувств превалирует, скорее, бессознательное. Тем не менее отрицать связь правосознания и правового бессознательного невозможно. Об этом см.: *Меликовский А.А.* Право и правосознание в их соотношении // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицына): Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Сост. А.И. Клименко. М.: Московский университет МВД России, 2023. С. 305-308; *Фролова Е.А.* Правосознание: из истории философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 86-97.

³⁵⁴ См. об этом: *Ward L.F.* Applied Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. Boston – New York – Chicago – London: Ginn & Company, 1906. P. 29-36.

³⁵⁵ *Pound R.* Need of a Sociological Jurisprudence. P. 607.

«На одном из таких процессов, – продолжает Паунд, – кандидат в присяжные заседатели (*veniremen*) заявил суду, что в тех случаях, когда деяние, приведшее к убийству, было направлено против общества в целом, должна применяться смертная казнь, но там, где объектом нападения был только убитый гражданин, такое наказание не может быть оправдано; и эта теория серьезно обсуждалась прессой без какого-либо сомнения в том, что, возможно, что-то было неправильно в отказе гражданина выполнять свои законные обязанности при отправлении правосудия от имени государства из-за того, что он разработал новую теорию наказания, которую государство не признавало» (*Ibidem*). Проблема, поставленная автором в этом пассаже, как будет показано далее, кроется в расхождении индивидуального и общественного правосознания, с одной стороны, позитивного права и практики его применения, с другой.

позиции, проявляющееся в соответствующем отношении к исполнению гражданского долга – прямое следствие *a priori* индивидуалистически настроенного англо-американского права, допускающего на проиллюстрированном примере попираение одного из основополагающих принципов юриспруденции – *neminem oportet esse sapientiore legibus* («никто не должен быть умнее (мудрее) закона»), – который может оставить впечатление позитивистского аргумента, но тем не менее показывает неправомерный характер стремления отдельных личностей самоутвердиться за счет права, ставить себя, свое мнение и правосознание выше права, даже в случаях, когда речь идет об убийствах. С другой стороны, расхождение права и господствующих идей о нем неизбежно: право не стремится угодить всем, найти истину или возвести какое-либо положение в истину, оно изначально предполагает авторитет, власть и силу (Т. Гоббс), а значит и неотвратимое расхождение между бытовыми представлениями и самим правом не должны быть основанием неприменения права³⁵⁶. Если сегодня то, что в профессиональном юридическом словоупотреблении общепризнанно называется индивидуальным правосознанием, то тогда воспринималось как так называемое «неписаное» (часто имея в виду, главным образом, естественное) право. Под ссылками на него, говорил Паунд, на самом деле понимаются индивидуальные чувства гражданина (*the individual feeling of the citizen*) – продукт доминирующей идеологии индивидуализма, которая обретает не умеренные, а, скорее, радикальные интерпретации, поскольку мысль о том, чтобы подчинить свою волю и свои чувства общим контурам, очерченным законодательством, кандидатами в присяжные заседатели даже не могла быть допущена³⁵⁷.

Первопричину расхождения права с народом и правосудием Паунд видел в человеческом факторе, а точнее – в консервативности юристов. Этим же была обусловлена и отсталость права от жизни: вместо того, чтобы право и политика опережали ее, создавая юридические и политические условия для всего иного

---

³⁵⁶ См.: *Pound R. Introduction to the Study of Law* (reprinted from the Library of American Law and Practice). [Chicago], 1912. P. 5.

³⁵⁷ См.: *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 607-608.

развития (промышленного, социального и так далее), они, напротив, создавали этому препятствия, что усиливало и без того возрастающее в обществе неуважение к праву и, более того, спровоцировало «раздражение (*irritation*) по отношению к праву», из-за чего юридическая наука отошла на второй план, уступив свое место естественным наукам³⁵⁸.

Истоки кризиса общественного правосознания кроются в профессиональном правосознании, осторожности и привычках тех, кого целая плеяда выдающихся ученых-правоведов, начиная, вероятно, с Г. Канторовича, называли «ортодоксальными юристами»³⁵⁹. Неспособные влиять на формирование общественной мысли, насквозь пропитанные (*thoroughly imbued*) устоявшимися подходами и предрассудками, «проводящие свою жизнь, подобно монахам, в атмосфере чистого права (*pure law*), из которого исключены все мирские и человеческие элементы», они привели к тому, что юриспруденция из науки превратилась в лженауку (псевдонауку, *pseudo-science*), исключительно нацеленную на подготовку практикующих юристов, способных лишь зарабатывать деньги своим ремеслом, то есть – снова вспоминая Канторовича – поиском решения, предопределенного законодателем (в случае с системой *common law* – правотворцем)³⁶⁰. Изменить ход истории можно только тогда, когда, с одной стороны, будет научное (подлинно научное, а не основанное на авторитете конкретных ученых) понимание отношения права к обществу, к потребностям, интересам и мнениям современного общества, и с другой стороны, когда право окажется «в руках прогрессивной и просвещенной касты, чьи концепции (*conceptions*) опережают общество (*to be in advance of the public*) и чье руководство (*leadership*) выводит общественную мысль на более высокий уровень»³⁶¹.

Социологическая юриспруденция, по задумке Паунда, была необходима как научное направление, позволяющее осознать кризис правосознания и обусловленных им явлений. Ее призвание заключалось в том, чтобы подготовить

³⁵⁸ См.: *Ibid.* P. 612, 614 et seq.

³⁵⁹ Об учении Г. Канторовича см.: Куликова М.С. Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права»: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. СПб., 2023.

³⁶⁰ См.: *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence.* P. 610, 611, 612, 614.

³⁶¹ См.: *Ibid.* P. 610-611, 612.

почву для примирения теории и практики, то есть стать посредницей в объединении разрозненных частей науки между собой и основать на этом организацию справедливого правоприменения – отправления правосудия в соответствии с нормами права как «общим руководством», предусматривающими пределы, в которых гарантируется свобода судейского усмотрения как фактор, призванный удовлетворять общественным ожиданиям от справедливости, сформированным в «общем разуме обычных людей» (*the general reason of ordinary men*)³⁶². А поскольку наука тесно связана с образованием, в фокусе Паунда находятся, в первую очередь, система подготовки специалистов, проблема преподавания юридических наук, его методического обеспечения, а вместе с тем и мировоззренческих и профессиональных требований, предъявляемых к юристам – как действующим (практикам и преподавателям), так и будущим (студентам).

Свои идеи Паунд продолжает развивать в серии из трех статей «Сфера (масштаб, рамки, пределы, *scope*) и назначение (цель, замысел, *purpose*) социологической юриспруденции»³⁶³ («*The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence*»), опубликованных в 1911-1912 гг. в престижном академическом журнале «*Harvard Law Review*». Концептуально она построена так, чтобы показать полноправное место авторского учения в системе основных школ права (Паунд их выделяет три – философскую, историческую и аналитическую). Главная логическая посылка состоит в том, что рассматриваемые мыслителем подходы к правопониманию формировались со стремлением к исследованию права под своим уникальным углом зрения – при помощи определенного метода. Однако исторические реалии фактически не позволяли этого сделать, поскольку желание познать объект по-новому (за исключением школы естественного права и в целом, если брать шире, философской юриспруденции)

³⁶² См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1912. № 6. P. 515; *Pound R. Enforcement of Law* // *The Green Bag*. Vol. XX. 1908. P. 401 et seq.

³⁶³ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXIV. 1911. № 8. PP. 591-619; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1911. № 11. PP. 140-168; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1912. № 6. PP. 140-516.

сталкивалось с не способствующей этому обстановкой – господством в науке другого метода, определяющего основные направления развития права и науки о нем – сравнительной, философской, аналитической и исторической тенденций (лишь последние две чередовались в развитии национальных юридических наук необязательно в указанной последовательности – если, например, во Франции историческая тенденция заменила аналитическую, то в Германии произошло наоборот). Новый взгляд боролся за свое право на существование и в этой борьбе с другими методами невольно шел на уступки. Например, во Франции это проявилось в том, что представители философской юриспруденции «были вынуждены признать относительность юридических идеалов», а исторической школы права – что идеалы, на которые равняется право, «всегда были движущей силой в периоды развития и необходимы для поддержания жизни в рамках закона (*to preserve life in the law*)»³⁶⁴.

Реальность получаемых знаний отличалась от их ожидаемого образа, поскольку новыми методами достигалась не «чистота» мысли, а функциональная установка всякого познания, заключающаяся в расширении его границ через обеспечение путей прироста знания, полученного всеми доступными способами (и механический прирост всецело отвечал этой потребности). Так, исторический метод в немецкой исторической школе переплелся с философским методом, а в английской исторической школе – со сравнительным; в аналитической школе старого типа – со сравнительным, а нового типа – с аналитическим и так далее. Эти факты Паунд интерпретировал как объективную историческую закономерность, демонстрирующую невозможность изолированного применения метода: сами методы нуждаются в их сопоставлении и взаимодополнении, поскольку любой метод исследования имеет ограничения в его использовании в научном познании. Этими ограничениями, полагал правовед, были обусловлены недостатки основных типов правопонимания³⁶⁵. На основе естественного для науки

---

³⁶⁴ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II)*. P. 161.

³⁶⁵ Так, например, аналитический метод позволяет исследовать только развитые правовые системы и не позволяет отграничить право от «произвола, который не сможет обрести силу закона на практике» (*Ibid.* P. 597).

процесса сопоставления и взаимодополнения методов исследования он призывает «объединить эти ранее расходившиеся школы во что-то вроде аккорда»³⁶⁶.

Мыслителю была очевидна и критика, представленная противниками сопоставления и взаимодополнения методов исследования. Ответ Паунда на их несогласие семантически сводится к тому, что возвести что-либо одно в императив и наукой считать только полученное при помощи него непременно проще, чем обеспечивать всесторонность исследования и под наукой понимать такое знание, которое стремится всецело познать свой объект и системно объяснить все его проявления. К тому же противники нового (что обретает особую актуальность с учетом консервативности юридической академической среды) на этапе становления любых альтернативных или инновационных подходов всегда были и будут. Паунд обоснованно напоминает, что все методы, используемые юриспруденцией, становились жертвами подобного рода нападков, приводящих, в конечном счете, к упадку основных школ права, а в след за ними и к упадку юридической науки как таковой³⁶⁷.

На обломках старых, в некотором смысле изживших свой потенциал, подходов к праву, восходит социологическая школа права, на которую были возложены великие надежды в плане «продвижения юридической мысли»: Паунд полагал, что возникновение новой школы – повод «собраться юристам вместе с самых разных отправных точек», сконструировать новое, отвечающее потребностям жизни и общества знание, сформировать новое *credo* права и юриспруденции³⁶⁸. Эта новая школа и вместе с тем тенденция – реакция юридической науки на возникновение и развитие новых отраслей знания – политической, экономической и социологической науки, без оглядки на которые стало просто бессмысленно преподавать право³⁶⁹: «Обязанность преподавателей права, – указывал Паунд, – сводится к тому, чтобы преподавать право в духе и с точки зрения современных политических, экономических и социологических

---

³⁶⁶ *Ibid.* P. 592.

³⁶⁷ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 490.

³⁶⁸ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)*. P. 594.

³⁶⁹ См.: *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 609; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)*. P. 614.

знаний. Их задача – создать в этой стране настоящую социологическую юриспруденцию, развить глубокое понимание между народом и правом, обеспечить, чтобы *common law* оставалось всегда тем, на чем всегда настаивали его представители – обычаем народа, выражением его образа мыслей и действий, касающихся отношений людей друг с другом»³⁷⁰.

Из-за того, что учебные курсы были выстроены на авторитете юристов прошлого и преподавались так, как делали это еще они, относясь к юриспруденции как к самодостаточной, изолированной от всех, науки, догм которой достаточно, чтобы обеспечить все потребности, общий уровень профессионализма оставлял желать лучшего³⁷¹. И пока право не освободится от такой «Блэкстоновской мудрости своих предков», ситуация будет ухудшаться. Но ведь жизнь движется вперед, меняется окружающая обстановка, и нужно идти в ногу со временем: «Юридические факультеты создают не только жесткое право (*tough law*), – констатировал Паунд, показывая следствие ставшего афоризмом знаменитого высказывания Ф.У. Мейтленда о том, что преподаваемое право (*taught law*) – жесткое право (*tough law*)³⁷², – они создают жесткую юридическую науку (*tough legal science*)»³⁷³. Оттого и перспектива выхода из кризиса мыслителю виделась в реформировании системы юридического образования: право, убежден был он, не применяется само по себе, его применяют люди и причем в конкретных внешних условиях, поэтому и его объяснение должно происходить при помощи всего того, что находится вне него³⁷⁴. Притом Паунд не считал целесообразным изменять учебные программы и внедрять новые дисциплины; он полагал необходимым изменить стиль преподавания и дополнить слепое следование учебникам обсуждением конкретных проблем и доктрин, реальных обстоятельств и условий, в которых применяется право³⁷⁵. «Юридические факультеты, – считал мыслитель,

³⁷⁰ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 615.

³⁷¹ См.: *Vander Eycken P. Méthode positive de l'interprétation juridique*. Bruxelles: Librairie falk, fils, 1906. P. 112.

³⁷² *Maitland F.W. English Law and the Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1901. P. 18.

³⁷³ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 611.

³⁷⁴ *Vander Eycken P. Méthode positive de l'interprétation juridique*. P. 112; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 514.

³⁷⁵ См.: *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 611-612.

– должны сочетать в себе профессиональную подготовку (*professional training*), чистую науку и исследования»³⁷⁶.

Речь идет о том, чтобы преподавать право в его междисциплинарном измерении³⁷⁷. Социология, ставшая мейнстримом в начале XX века, была образцовой в этом плане. Построенная на началах диалога представителей различных научных направлений и синтезе разработанных ими знаний, она формировалась по принципу «с миру по нитке», где «миром» выступали отдельно взятые дисциплины, а «нитками» – их предметы (знания об объектах) и методы. Правда, взаимоинтеграция (диффузия) знаний происходит, несмотря ни на какие хронологические рамки и исторические условия, с огромной сложностью. Чего стоит только погружение в материалы, подготовленные для другого круга читателей. Заинтересованный исследователь пускается в погоню за знакомыми ему словами, забывая, что у каждой науки есть свой понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого и познается тот или иной объект. Одни и те же термины в разных науках имеют собственный, порой противоположный другим, смысл. В следствие чего нередко происходит механический перенос понятий из одних наук в другие, но без сохранения того профессионального и контекстуального значения, в котором они использовались³⁷⁸. Паунд все это прекрасно понимал (оттуда и произрастают все его попытки юридизировать имеющиеся в его распоряжении данные, полученные социологами). Тем не менее замкнутость правоведения на самом себе в обстановке стремительного общественного развития необходимо было каким-либо образом преодолеть: без

³⁷⁶ POUND R. Juristic Problems of National Progress // American Journal of Sociology. Vol. XXII. 1917. № 6. P. 732.

³⁷⁷ См. об этом мои работы, посвященные проблеме междисциплинарности: Меликовский А.А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. 2022. № 9. С. 7-10; Меликовский А.А. Междисциплинарность и методологический плюрализм правоведения // Аграрное и земельное право. 2022. № 11. С. 54-57; Меликовский А.А. Юриспруденция и проблема междисциплинарности // Образование и право. 2023. № 11. С. 224-229; Меликовский А.А. Междисциплинарный подход в теории права // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2023. С. 329-343.

³⁷⁸ Предельно точно характеризует подобные явления профессор Л.Ю. Василевская: «происходит недопустимая для любой науки ... механистическая подмена понятий... Каждая наука имеет свой инструментарий, с помощью которого исследуется то или иное явление или процесс. Смещение понятийного аппарата различных наук, в том числе подмена правовых терминов терминами экономическими, оборачивается вольной, субъективной, искажающей суть исследуемого правового феномена интерпретацией» (Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 10-11).

этого невозможно было эффективно регулировать отношения. Юридическая наука действительно испытывала нужду в так называемой «командной работе»³⁷⁹ с другими социальными науками, о чем писали все выдающиеся интеллектуалы того времени³⁸⁰.

Социологическая юриспруденция, по мнению Паунда, не должна быть чисто описательной наукой; она призвана объяснять юридическую сторону реально существующих общественных отношений³⁸¹. Если говорить об истории права (что для ученого принципиально, так как по исследовательской манере он, скорее, историк права и правовой мысли), то она имеет дело не с абстрактными догмами прошлого, а все так же с когда-либо существовавшими реальными общественными отношениями; она должна показать, «как закон прошлого вырос из социальных, экономических и психологических условий, как он соответствовал им или приспособлялся к ним, и как далеко можно зайти, опираясь на этот закон как на основу или вовсе игнорируя его»³⁸².

Вопреки тому, что в начале XX века в англо-американской юриспруденции, как и во всей системе прецедентного права, в общем доминировал аналитический подход (с оговоркой, касающейся слабой развитости, в связи с чем и малораспространенности закона (статута) как источника права в формально-юридическом смысле; в этом вопросе в американской юриспруденции доминировала позиция исторической школы права), отразившийся, главным образом, в виде реформаторского движения, философскую (идейно-политическую) основу которого заложил еще И. Бентам, тем не менее в вопросах объяснения и обоснования правовых предписаний все еще доминировали приемы, унаследованные от философского подхода. Это проявлялось в характере аргументов, объясняющих право: они сводились к предположениям, порой противоречащим здравому смыслу, и приводили к убеждению, что «право –

³⁷⁹ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 510.

³⁸⁰ *Vander Eycken P. Méthode positive de l'interprétation juridique*; *Ross E.A. Social Psychology: an Outline and Source Book*. New York: The Macmillan Company, 1913; *Roguin E. La règle de droit: précédé d'une introduction sur la classification des disciplines*. Lausanne: F. Rouge, Libraire-éditeur, 1889; *Bosanquet B. Philosophical Theory of the State*. London: Macmillan and Co, LTD, 1920; и многие другие.

³⁸¹ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 501 et seq.

³⁸² *Ibid.* P. 515.

это произвольная масса технических деталей, не имеющих никакого отношения к разуму или справедливости (*reason or justice*)»³⁸³. Такого рода предположения, то есть причины, обосновывающие правила, так или иначе ограничивающие человеческую свободу, уже были неактуальны и не воспринимались образованной частью общества, соответственно, утверждал Паунд, за правом, «как и за всем, что навязывается в современности людям (*the people of the present*)»³⁸⁴, должны стоять настоящие (реальные) причины, а не вымыслы, основанные на авторитете Блэкстона.

Изменение курса развития американского правоведения было непростой задачей. Все три начала (философское, аналитическое, историческое) были гармонично переплетены, правда, не в лучших их проявлениях. Философский подход мог бы отстаивать правовые идеалы, но вместо этого оправдывал произвол. А аналитический и исторический подходы, каждый по-своему, вели к «юриспруденции понятий» («в которой новые ситуации должны всегда решаться путем дедукции из старых принципов»), оставляя без должного внимания «предпосылки в отношении целей, которые должны быть достигнуты» и забывая, что «право – это практический вопрос» и что в процессе отправления правосудия необходимо добиться торжества справедливости в конкретном споре³⁸⁵.

В отличие от школ-предшественниц социологическая юриспруденция отстаивала приверженность к высоким идеалам и их реализации на практике. В сущности, она о новом, предложенном социологами, стандарте – социальном стандарте – справедливости и правосудия, через которое справедливость воплощается в реальной жизни (Паунд использует двусмысленный термин «*justice*»). Под влиянием идей Л. Уорда Паунд противопоставил юридическую справедливость (*legal justice*) или правовой (юридический) стандарт правосудия социальной (*social justice*) справедливости (социальному стандарту)³⁸⁶. Если правовой (юридический) стандарт предполагал такое регулирование, которое

³⁸³ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence. P. 610.*

³⁸⁴ *Ibidem. P. 610.*

³⁸⁵ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I). P. 596.*

³⁸⁶ С этой проблематикой Паунд в 1912 году выступил на заседании Ассоциации юристов округа Аллегейни в Пенсильвании.

соответствовало «общему моральному чувству» – продукту индивидуализма, предполагающего максимально возможную «свободу каждого, ограниченной только подобными свободами всех»³⁸⁷, то новый, предложенный Л. Уордом стандарт предусматривал искусственное уравнивание в условиях естественного социального неравенства: «Истинное определение справедливости (*justice*), – утверждал Уорд, – заключается в том, что это применение обществом искусственного равенства в социальных условиях, которые по природе своей неравны»³⁸⁸.

Однако идея Уорда о социальной справедливости была неразрывно связана с его концепцией социальной свободы, на что Паунд вовсе не обратил внимания. Уорд считал, что вся история общества была направлена на обретение свободы. Он выделял три этапа (три свободы), которые привели бы к тому, чтобы мир приблизился к вступлению «в целое тысячелетие всеобщего процветания, благополучия и счастья»: этап национальной свободы, политической свободы и социальной свободы³⁸⁹. Первых двух этапов для освобождения оказалось недостаточно, так как не были сформированы все необходимые для него условия. В ситуации, когда существует колоссальное социальное неравенство и когда все еще распространено угнетение слабых сильными, «индивидуальная свобода сведена к минимуму»³⁹⁰. Социальная свобода – то, чего необходимо добиться для достижения истинной свободы: «Сегодня, – пишет Уорд в 1906 году, – мир находится в муках этой третьей борьбы. Военный и королевский гнет свергнуты. Рабство, крепостничество, феодализм исчезли. Власть знати и духовенства была сломлена. Цивилизованный мир демократичен... И все же никогда в мировой истории не проявлялось большего волнения или большей неудовлетворенности положением дел. Национальная свобода и политическая свобода были достигнуты. Социальной свободы еще предстоит достичь»³⁹¹.

³⁸⁷ Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence. P. 612.

³⁸⁸ Ward L.F. Applied Sociology. P. 23. В оригинале: «the true definition of justice is that it is the enforcement by society and artificial equality in social conditions which are naturally unequal» (*Ibidem*).

³⁸⁹ См.: *Ibid.* P. 27.

³⁹⁰ См.: *Ibid.* P. 26.

³⁹¹ *Ibid.* P. 27.

Восприятие Уордом социальной свободы как эталона, для достижения которой необходима социальная справедливость, позволяет социальную свободу назвать ядром аргументации социологом его позиции. Социальная свобода – это интеллектуальная причина, приведшая к двум последствиям – социальной справедливости и новой этике³⁹².

Отстаивая тезис, что справедливость – это искусственное уравнивание в условиях естественного социального неравенства, Паунд уточнил, что происходит это посредством «удовлетворения потребностей каждого до тех пор, пока они не будут перевешаны потребностями других»³⁹³. Право, по мнению мыслителя, бессознательно двигалось именно в этом направлении. В этом сюжете видно, как равенство в свободе Паунд заменяет равенством в потребностях (в удовлетворении потребностей). Если интерпретировать свободу как осознанную (познанную) необходимость (Б. Спиноза), можно обнаружить, что формула социальной справедливости и правосудия лишь повторяет так называемую «юридическую теорию» справедливости и правосудия. Новый стандарт есть ни что иное, как замена свободы необходимостью (потребностью). Причем Спинозой и вслед за ним и иными философами под необходимостью понималось, главным образом, нечто внутреннее, а моральное чувство, о котором говорил Паунд, непосредственно относится к внутренней необходимости. Это неудивительно, поскольку Паунд высоко ценил идеи Гегеля, известного своим одобрительным отношением к спинозизму, и видел программную перспективу в его философии³⁹⁴. Но свобода в первом («юридическом») подходе понимается как автономия действий, характеризуемая, скорее, негативно – как вседозволенность или же произвол, ограниченный рамками произвола других – тезис, на котором построена вся моральная философия Канта.

³⁹² Об этом см.: *Ibid.* P. 28-29 et seq.

³⁹³ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence.* P. 612. В оригинале: «The enforcement by society of an artificial equality in social conditions which are naturally unequal... They are defending justice as the satisfaction of everyone's wants so far as they are not outweighed by others' wants» (*Ibidem*).

³⁹⁴ См. об этом: *Меликовский А.А.* Концептуальные основы политико-правового учения Б. Спинозы // *Образование и право.* 2022. № 10. С. 352-358.

«Когда стандартом является равенство [в] свободе действий, – свидетельствует Паунд, – все классы, кроме этих немногих и простых, основанных на так называемых естественных недостатках, таких как младенчество и безумие, противны (*repugnant*) идее справедливости (*justice*)»³⁹⁵. В социальном же стандарте речь идет о равенстве в потребностях и в их удовлетворении. В таком случае социальная справедливость заключается в том, чтобы создать все необходимые условия, позволяющие согласовать произвол одного лица с произволом другого, а социальное правосудие – в недопущении создания неправомерных препятствий осуществления в пределах, допустимых правом, своей свободы (произвола). Замена одного понятия другим привела к замене одной концепции другой, к отходу от Канта и приближению к Гегелю и впоследствии к неогегельянской концепции цивилизации. В новой доктрине, подчеркивал мыслитель, «определяющими элементами» должны стать «более высокое уважение к личности и уважение к равенству в удовлетворении потребностей»³⁹⁶.

Паунд предложил этот социальный стандарт справедливости и правосудия лишь постольку, поскольку этого требовало общественное мнение. И хотя он сам считал, что «юристы должны быть сознательным фактором (*conscious factors*), а не бессознательными последователями общественной мысли [или] несознательными препятствиями ходу развития права»³⁹⁷, он сам последовал за общественной мыслью, но сделав все, чтобы как-то смягчить и юридизировать социальную проблематику, демонстрируя обществу, что правовая наука все еще в состоянии отвечать на стоящие перед ним вызовы своего времени. Паунд это делал, потому что был убежден в том, что «во всех случаях расхождения (*divergence*) стандартов *common law* и стандартов общества (*standarts of the public*) само собой разумеется, что в итоге возобладает последнее. Рано или поздно то, чего требует общественное мнение, будет признано и применено судами», а сопротивление этому «может лишь замедлить, но никак не предотвратить

---

³⁹⁵ *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence. P. 615.*

³⁹⁶ *См.: Ibid. P. 614.*

³⁹⁷ *Ibid. P. 615.*

движение (*progress*) к более новому стандарту, обнаруженному (*recognised*) социологом»³⁹⁸.

Но поскольку Паунд был уверен, что в расхождении общественного правосознания и юридической науки виноваты сами юристы, что возобладавшее в обществе неуважение к праву – явление ненамеренное³⁹⁹, нельзя допустить «создания постоянной пропасти (*permanent gulf*) между правовой и общественной мыслью (*legal thought and popular thought*)»⁴⁰⁰. Наука, думал Паунд, должна реализовать движение, начатое Иерингом, – то есть развиваться в направлении приведения права в соответствие с жизнью⁴⁰¹, а для этого необходимо, чтобы преподаватели права знали «состояние общественной мысли и чувств», формирующих среду, в которой действует право⁴⁰². Науке о праве нужно последовать примеру других наук, ведущих активную просветительскую работу, к которой постоянно проявляется интерес со стороны общества; простым людям нужно разьяснять, что такое право, для чего оно нужно, что делает и почему⁴⁰³. Возможно, именно тогда юриспруденция снова сможет отвоевать свои законные позиции в пантеоне знаний.

Формирование и становление социологической юриспруденции интерпретируется Паундом в ключе истории возникновения и развития социологии, которая хотя и «возникла в состоянии враждебности к праву» (Н.С. Тимашев), но спустя время проникла и в правоведение. Если позже Паунд окончательно осознает и сформулирует ключевые отличия своего подхода от социологии права, возникшей под влиянием зарождения и распространения общей социологии, то в работе 1912 года он все еще, находясь под впечатлением от континентальной социологии права, не проводит таких четких различий, хотя в его оценках ранних вариаций социологической юриспруденции слышен справедливый упрек за безразличное или критическое отношение к правовым

---

³⁹⁸ *Ibidem*.

³⁹⁹ См.: См.: *Ibid*. P. 608.

⁴⁰⁰ *Ibid*. P. 611.

⁴⁰¹ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II)*. P. 159.

⁴⁰² *Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence*. P. 612.

⁴⁰³ См.: *Ibid*. P. 608.

идеалам. Согласно мыслителю, социологическая юриспруденция прошла три последовательных этапа на своем пути, и только вступила в четвертый. Он условно выделил механическую стадию (*the mechanical stage*), биологическую стадию (*the biological stage*), психологическую стадию (*the psychological stage*) и стадию унификации (*the stage of unification*)⁴⁰⁴.

Первую стадию Паунд назвал механической из-за ее методологической особенности – математичности, воспринятой из позитивистской философии основателя социологии О. Конта⁴⁰⁵. У нее было больше недостатков, чем достоинств: ее представители, писал Паунд, «смогли расчистить территорию, но ничего не построили»⁴⁰⁶. Механическая стадия, подобно исторической школе права, была заиклена на соотношении эволюции права с изменениями, претерпеваемыми самим обществом: «Юрист-историк обнаружил за [этими изменениями] метафизические законы. Позитивист заменил их физическими законами. Результат был тот же. Каждый из них устранил старую идею права, а вместе с ней и весь идеализм в юриспруденции или в законодательстве»⁴⁰⁷. Уже рассматривая этот этап, Паунд подчеркнул значимость идеалов (стремления к ним, главным образом, к идеалу «хорошо или плохо продуманной, но абсолютной, вечной справедливости (*justice*)»; к тому, чтобы «приблизить [к ним] правила, применяемые в судах, насколько это возможно») и в целом идеализма; они, наряду с правовыми традициями («традиционные принципы права и следующие из них способы юридического мышления»), с точки зрения правоведа, представляют собой фундамент всякого учения, сколько-нибудь претендующего на практическую ценность: «Теория, которая не учитывает ... [их], ... игнорирует основные факторы, влияющие на определение основной массы норм, фактически действующих в любой правовой системе в любой момент времени»⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁴ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 491. О механической стадии см.: *Ibid.* С. 491-495; о биологической – *Ibid.* С. 495-503; о психологической – *Ibid.* С. 503-509; о стадии унификации – *Ibid.* С. 509-512.

⁴⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 493.

⁴⁰⁶ См.: *Ibid.* P. 494.

⁴⁰⁷ *Ibid.* P. 492.

⁴⁰⁸ *Ibid.* P. 494-495.

Вторая стадия, выделяемая Паундом, – биологическая. Она была порождена доминирующей эволюционистской тенденцией, корни которой уходят в учение Ч. Дарвина. В противовес механической стадии, представившей юриспруденцию в своеобразных «формулах» физико-математических наук, биологическая стадия, основываясь на идее естественной борьбы, предложила юриспруденции новый фундамент – принцип борьбы за существование. Крайности, которые следовали из него, усмирялись представлением о правосудии как «своего рода направлении (*a sort of directing*) и дебрутализации (гуманизация, *debrutalizing*) процесса отбора; способа, требующего, чтобы борьба за существование велась в соответствии с правилом»⁴⁰⁹. Синтез этих начал трансформировал понимание цели права, которая стала заключаться в «предоставлении свободы в установленном порядке устранять непригодных для дальнейшего отбора хорошо организованной социальной борьбой за существование»⁴¹⁰. Таким образом «естественная наука о государстве и естественная наука о праве пришли на смену попыткам разработать физическую науку о государстве»⁴¹¹. В научном дискурсе наступила эпоха «социобиологии», единственным достоинством которой был ее «либерализирующий эффект», проявившийся в освобождении правоведения «от жестких и быстрых механических систем», что уже «ознаменовало собой шаг вперед»⁴¹².

Несмотря на присущие в целом биологической стадии общие черты, Паунд предпринял попытку провести очень относительную типологию социологической юриспруденции в этот период своего развития: механический тип (концептуально ничем не отличающийся от предыдущей механической стадии), этнологический тип, философский тип и органический (*organismic*) тип⁴¹³. Краеугольным камнем этнологического типа социологической юриспруденции (вслед за этнологией как таковой) стала идея расы. Эти воззрения не были близки

---

⁴⁰⁹ См.: *Ibid.* P. 503.

⁴¹⁰ См.: *Ibid.* P. 496. В оригинале: «the end of law is to give free play in an orderly and regulated manner to the elimination of the unfit, to further selection by a well-ordered social struggle for existence» (*Ibidem*).

⁴¹¹ *Ibid.* P. 496.

⁴¹² См.: *Ibid.* P. 503.

⁴¹³ См.: *Ibid.* P. 496.

Паунду. Правовед, отстаивающий равенство, не мог быть расистом: он считал, что раса не оказывает влияния на институты и социальные факты, что отдельные люди, объединенные в группу, не теряются в ней⁴¹⁴. Да и попытку исследовать право в ракурсе расовых теорий мыслитель считал заранее обреченной в ситуациях «смешанных рас»⁴¹⁵. Тем не менее этнологический тип имел свои плоды в деле развития юриспруденции, предложив ей «основываться на обобщении дескриптивной социологии»⁴¹⁶.

Философский тип, оставивший идею отбора в качестве точки опоры, исходил из того, что борьба невозможна без конфликта (или, по крайней мере, конкуренции). Это отразилось на философской биосоциологической интерпретации развития права как результата такой конфронтации институтов права или правовых доктрин, приводящей к возникновению новых позиций, «наиболее приспособленных для дальнейшего прогресса человечества», и самого права как «совокупности средств, с помощью которых каждая группа защищает себя от препятствий для ее существования и развития (*progress*), обнаруживаемых в действиях определенных ее членов или враждебности других групп»⁴¹⁷. В сущности, о том же был и органический тип, но, как заметил мыслитель, «сформулированный в биосоциологической терминологии»⁴¹⁸.

Если недостатки биологической стадии очевидны – нельзя настолько быть сконцентрированными на биологических факторах; они, подчеркивал Паунд, «не являются непосредственными причинами, которые должен исследовать юрист», и относятся к праву лишь «косвенно и отдаленно»⁴¹⁹, – то достоинства нуждаются в некоторых комментариях. Мыслитель признавал, что эти идеи вошли в социологическую юриспруденцию. Его авторская концепция, конечно, не о борьбе за существование. На первый взгляд далекая от юриспруденции проблематика, так или иначе посвященная происхождению живых организмов,

---

⁴¹⁴ См.: *Ibid.* P. 498.

⁴¹⁵ См.: *Ibidem.*

⁴¹⁶ См.: *Ibid.* P. 497.

⁴¹⁷ См.: *Ibid.* P. 498-499.

⁴¹⁸ См.: *Ibid.* P. 502.

⁴¹⁹ См.: *Ibid.* P. 503.

все же оставила в ней след своим господством как научной тенденцией. Это можно обнаружить в направлении тогдашнего и дальнейшего развития правовых учений – в конкретных практиках юридического мировоззрения и мышления. Представляется, что сам эволюционизм не так сильно, как ее следствия, нашли отражение в правовой науке, главным образом, в теории интересов – основополагающем начале социологической школы права: интересы нуждаются в обеспечении (Р. Иеринг), а их столкновения (идея конфликта) побуждают их разграничивать (Н.М. Коркунов) и «взвешивать», чтобы достичь баланса (Р. Паунд).

Третья стадия – психологическая, сумевшая «порвать» с метафизикой исторической школы права, доказать, что индивидуальность присуща не только отдельному человеку, но и социальной группе, которая в том числе обладает своей волей (О. Гирке); подчеркнуть психическую природу социальных сил (Л. Уорд); возвести в универсалию принцип подражания (Г. Тард), согласно которому направления правотворчества (*law-making*) и «правонахождения» (*law-finding*) в основном определяются подсознательно⁴²⁰. Эти идеи привели к психологическим версиям социологии права и к психологии права как таковой⁴²¹.

Новая стадия, на которую только вступила социологическая юриспруденция, – стадия унификации (объединения, *unification*). Как видно из предыдущих стадий, социологическое знание о праве было сформировано в совершенно различных направлениях. Паунд вслед за ведущими социологами предложил начать прилагать усилия по их объединению, поскольку «ни один из разработанных ... методов не являлся целостной социологией и ... ни одна из выдвинутых ключевых идей не соответствовала задаче раскрытия всех социальных наук»⁴²². Это означало продолжение междисциплинарной парадигмы: необходимо было объединять методы, которые использовались социологией, и социологическую науку

⁴²⁰ См.: *Ibid.* P. 504-508.

⁴²¹ См.: Жуков В.Н. Позитивизм, социология, психология: история возникновения психолого-социологической школы права в России // Государство и право. 2014. № 11. С. 53-63; Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). 2-е изд., доп. М.: Юрлитинформ, 2017; Жуков В.Н. Бессознательное и власть: классический психоанализ. М.: Юнити-Дана, 2024.

⁴²² *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III).* P. 509.

(результаты, полученные с применением данных методов), с одной стороны, и в целом объединять социальные науки, с другой⁴²³. Исторический экскурс, который затеял Паунд, был предназначен для демонстрации рычагов воздействия социологии на право и юридическую науку. Тенденции унификации были, в первую очередь, отчетливо видны в социологии⁴²⁴. Паунд считал, что они должны найти отражение и в правоведении, так как существование в рамках социологического подхода порой диаметрально противоположных точек зрения, не должно было умолять факт наличия социологической школы.

Исходя из этих соображений, Паунд формулирует программу из шести задач, стоящих перед социологической юриспруденцией (причем если в историческом экскурсе термин «социологическая юриспруденция» используется в отношении разработанного в рамках социологии знания о праве (то есть как социологические и социолого-правовые предпосылки возникновения социологической юриспруденции), то в части задач речь уже идет об авторской концепции).

Во-первых, социологическая юриспруденция должна «исследовать реальные социальные последствия правовых институтов и доктрин»⁴²⁵. В этой задаче очевидно прослеживается связь с концепцией, на которой Паунд будет отдельно настаивать. Речь идет об учении о цели права. Последствия – это реальность воплощенной цели. Соотнести фактически имеющиеся результаты и их идеальные образы (цели) – одно из методологических начал, воспринятых мыслителем из философии прагматизма.

Во-вторых, социологическая юриспруденция при подготовке законодательства должна проводить социологическое исследования в связи с юридическим исследованием⁴²⁶. Автор имеет в виду междисциплинарные социолого-юридические исследования, направленные на изучение процесса и результата функционирования отдельных правил в конкретном обществе.

---

⁴²³ См.: *Ibid.* P. 510.

⁴²⁴ См.: *Ibid.* P. 509.

⁴²⁵ См.: *Ibid.* P. 513.

⁴²⁶ См.: *Ibid.* P. 514.

В-третьих, необходимо «исследовать средства обеспечения эффективности правовых норм»⁴²⁷. Эффективность – идея, на которую также обращали пристальное внимание представители прагматизма. Социально-исторический контекст, свидетельствующий о недейственности, а значит и неэффективности правил, стал причиной формирования данной задачи.

В-четвертых, Паунд призывал изучать «социологическую историю права», то есть сосредоточиться на том, как правовые позиции (*doctrines*) прошлого порождали последствия и какие именно последствия⁴²⁸.

В-пятых, социологическая юриспруденция подчеркивает важность «разумных (*reasonable*) и справедливых (*just*) решений индивидуальных проблем, которые в ближайшем прошлом слишком часто приносились в жертву попытке добиться невозможной степени определенности (*certainty*)»⁴²⁹.

В-шестых, при реализации всех предыдущих задач необходимо приложить все возможные усилия для того, чтобы достичь целей права⁴³⁰.

Позже Паунд дополнил этот перечень еще двумя задачами: с одной стороны, исследованием юридического метода, предполагающего психологическое изучение судебных (*judicial*), законодательных (*legislative*) и научных (*juristic*) процессов, а также философское познание идеалов; с другой стороны, актуальной для англоязычных стран идеей «министерства юстиции» (*a ministry of justice*)⁴³¹ – речь идет о своеобразном «юридическом генеральном штабе» (*juristic general staff*), на который были бы возложены обязанности по приложению «активных и постоянных усилий по обеспечению эффективности права (*law*)», приведению права в соответствие с его назначением; «взвешиванию» и поиску баланса в правовых позициях; созданию упорядоченной и непротиворечивой системы

---

⁴²⁷ См.: *Ibidem*.

⁴²⁸ См.: *Ibidem*. В оригинале: «A means towards the end last considered is a sociological legal history; that is, starting not merely of how doctrines have evolved and developed, considered solely as a jural materials, but of what social effects the doctrines of the law have produced in the past and how they have produced them» (*Ibidem*).

⁴²⁹ См.: *Ibid*. P. 515.

⁴³⁰ См.: *Ibidem*.

⁴³¹ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1943. P. 33-34.

позитивного права, постоянной работе над совершенствованием законодательства⁴³².

По задачам, стоящим перед социологической юриспруденцией, можно судить, что это очень похоже на то, что в континентальной юридической науке называется социологией права. Но нетрудно заметить, что большая часть из обозначенных задач носит прикладной характер⁴³³, в отличие от континентальной социологии права – полностью «теоретической науки, исключаяющей оценки практического и полезного характера»⁴³⁴. «Американские юристы – представители социологического направления в праве, – отмечал Паунд, – это прежде всего юристы, глубоко озабоченные практической задачей регулирования отношений и упорядочения поведения путем применения силы политически организованного общества, а также стремлением сделать это с минимумом разногласий и затрат (*a minimum of friction and waste*), чтобы социальный порядок не распался из-за неспособности достичь цели – сделать [право] эффективным средством поддержания и развития цивилизации»⁴³⁵. Мыслитель, таким образом, ориентировал собственную концепцию на философию прагматизма, известную своей одержимостью полезным результатом, эффективностью и действенностью, из-за чего стал объектом критических замечаний со стороны профессора Ж. Гурвича, на которые он кратко ответил в 1942

⁴³² См.: *Pound R. Juristic Problems of National Progress*. P. 729, 731.

⁴³³ Ж. Гурвич, например, считал «теоретическими суждениями» лишь первую и четвертую задачи. См.: *Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. С. 676.*

⁴³⁴ *Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal*. Vol. V. 1943. № 1. P. 5; *Radbruch G. Anglo-American Jurisprudence through Continental Eyes // Law Quarterly Review*. Vol. 52. 1936. P. 530 et seq.

⁴³⁵ *Pound R. Philosophy of Law and Comparative Law // University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 100. 1951. № 1. P. 17.

году в предисловии к книге Гурвича «Социология права»⁴³⁶, а через год полноценно в статье «Социология права и социологическая юриспруденция»⁴³⁷.

Полемика, завязавшаяся между носителями двух абсолютно непохожих правовых традиций, заключалась в том, что каждый по-своему понимал смысл термина «право» и сущность знания, называемого социологией: если для Паунда как для американского юриста право – это только один из возможных социальных регуляторов, то для Гурвича как континентального философа и социолога права – это все, что привносит в общество порядок; если для Паунда, как и для иных англофонов, социология – это наука, изучающая социальные условия и проблемы, которые необходимо решать⁴³⁸, то для Гурвича – это независимая от оценок наука о сущем, а социология права – это «социология человеческого духа», то есть нечто, по своей безальтернативности очень близкое к философии (что становится очевидным в контексте желания автора объединить философию права и социологию права). Смысловое многообразие различных профессиональных терминов привело к столкновению двух стилей мышления – континентального и англо-американского, – отсутствию между двумя авторитетными мыслителями взаимопонимания, к «ссорам из-за слов»: «Максимум, о чем мы можем просить, – говорил от имени американских авторов Паунд, – это терпеливых усилий со стороны каждого понять другого»⁴³⁹. Но Гурвич не понимал Паунда, методологической и концептуальной основы его учения; у него «не складывалось впечатления, что Паунд (разделяя судьбу Ориу) приходит к совершенно точному определению целей и методов социологии права», напротив, он полагал, что Паунд практическими целями идеологизировал социологию⁴⁴⁰.

---

⁴³⁶ См.: *Gurvitch G. Sociology of Law / with a Preface by Roscoe Pound. New York: Philosophical Library and Alliance Book Corporation, 1942; Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 565-780; Паунд Р. Предисловие к книге «Социология права» (пер. с англ. М.В. Антонова) // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения. С. 829-835.*

Ссылки на англоязычный текст далее приводятся по изданию: *Gurvitch G. Sociology of Law / with a Preface by Roscoe Pound. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD., 1947.*

⁴³⁷ *Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. Vol. V. 1943. № 1. PP. 1-20.*

⁴³⁸ См.: *Ibid.* P. 9.

⁴³⁹ См.: *Ibid.* P. 5.

⁴⁴⁰ См.: *Гурвич Г.Д. Социология права. С. 678, 679.*

С точки зрения Паунда, Гурвич разделял социологию права и социологическую юриспруденцию, что не совсем так, поскольку Гурвич противопоставлял социологию права и в целом юридическую науку. Для Паунда социологическая юриспруденция – это и есть юридическая наука, ее новая редакция. В первой главе «Социологии права» Гурвич, рассуждая о тенденциях, в частности, о «тенденциях в юриспруденции и их отношении к социологии», утверждал, что юриспруденция (в том числе социологическая юриспруденция) – это искусство, «социальная инженерия», «юридическая техника», тогда как социология права и философия права – «по-настоящему теоретические дисциплины»⁴⁴¹. Но далее, исследуя учения «основателей социологии права», обсуждал в том числе и идеи Паунда, хотя делал это в такой стилистической манере, что его истинную оценку можно проследить только между строк: Паунд сам не понимает, что разрабатывает социологию права, причем делает он это неправильно⁴⁴².

Гурвич считал социологическую юриспруденцию недоразвитой социологией права и упрекал Паунда в догматичности, техничности его подхода. Он, как и иные континентальные мыслители, строил «автономную социологию права, отличную от науки о праве и имеющую особый метод»⁴⁴³. Паунд давал обратную реакцию, утверждая, что континентальная социология права (в том числе проект, предложенный Гурвичем) погрязла в общей социологии, фактически порвала свои связи с юриспруденцией и не смогла достичь уровня социологической юриспруденции, то есть поставить юриспруденцию на социологическую основу. Социология права как вопрос XX века, писал Паунд, «переходит от социологии к праву»⁴⁴⁴, тогда как социологическая юриспруденция «переходит от исторической и философской юриспруденции к использованию социальных наук, и в частности социологии, для того чтобы сделать науку о праве более широкой (*broader*) и эффективной»⁴⁴⁵.

---

⁴⁴¹ См.: Там же. С. 574.

⁴⁴² См.: Там же. 675-680.

⁴⁴³ См.: *Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence*. P. 10.

⁴⁴⁴ См.: *Ibid.* P. 1, 2.

⁴⁴⁵ См.: *Ibid.* P. 2-3.

В концепции мыслителя право исследуется как специфический социальный регулятор, существующий наряду с иными социальными регуляторами, поскольку «юрист расценит любое “право за рамками права” в качестве философствования, социологии или политической науки»⁴⁴⁶. Право в таком смысле является объектом специальной науки – юриспруденции, которая должна быть поставлена на социологическую почву. В этом тезисе Паунд следует опыту немецкого профессора А.Г. Поста (*Albert Hermann Post*, 1839-1895), который еще в 1884 году опубликовал знаменитый труд «Основы права и основные особенности истории его развития: руководящие принципы развития общей юриспруденции на социологической основе»⁴⁴⁷ – книгу, в которой под влиянием доминирующей в исторической школе права тенденции осуществления компаративистских этно-правовых исследований, заложивших фундамент названной Колером «универсальной юридической историей»⁴⁴⁸ (*die Universalrechtsgeschichte*), предпринял попытку аналогичным образом рассмотреть право. Но подход Паунда имеет свою специфику: почва, которую он называет социологической, фактически является прагматической (что отчетливо видно, когда Паунд не только призывает перейти от слов к делу, но и сам предпринимает практические шаги по реализации стоящих перед социологической юриспруденцией задач). Прагматизм для Паунда – это одна (но самая перспективная⁴⁴⁹) из разновидностей философских воззрений представителей социологической школы права (наряду с различными социально-философскими концепциями и позитивизмом). Неслучайно еще в 1908 году Паунд указывал, что социологическое направление в теории права – это движение за прагматизм⁴⁵⁰: он как ученый со стилем мышления, присущим американским авторам, понимает под социологическим такое исследование общества, в котором основное внимание обращается на групповое поведение, отношения между людьми, а также на факторы, выступающие причинами или следствиями

⁴⁴⁶ Паунд Р. Предисловие к книге «Социология права». С. 831.

⁴⁴⁷ См.: Post A.H. Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte: Leitgedanken für den Aufbau einer allgemeinen Rechtswissenschaft auf sociologischer Basis. Oldenburg: Schulze, 1884.

⁴⁴⁸ См.: Колер И. Философия права и универсальная история права / пер. с нем. Н.К. Спренглера. Киев, 1913.

⁴⁴⁹ См.: POUND R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III). P. 516.

⁴⁵⁰ См.: POUND R. Mechanical Jurisprudence. P. 609.

общественных отношений⁴⁵¹. Все это делается для того, чтобы обнаружить социальные проблемы и предложить пути их решения.

Как и философия права, социология права, с точки зрения Паунда, может служить лишь основой юриспруденции, но «если юриспруденция должна опираться на эти основы, то юристам следует настаивать на том, что эти основы не могут быть превращены в надстройку»⁴⁵². Но социологи права допустили очень большую ошибку, которая в глазах юристов стала большой заслугой (*a great service*) нового научного направления: она заключалась в «выведении на свет божий лучшей основы для понимания позитивного права, чем естественное право, от которого пришлось отказаться, но все же осталось пустое место, требующее заполнения»⁴⁵³. Этим, по сути, Паунд показывал концептуальное различие своего проекта – признание естественного права в качестве основы правопонимания, – и обосновывает необходимость возвращения к естественному праву, но уже в его социологических интерпретациях. В статье «Социология права» (*«Sociology of Law»*, 1945) Паунд резюмировал, что в отличие от социологии права, социологическая юриспруденция использует функциональный подход, исследует право в связи с процессом социального контроля и с пределами эффективного правового регулирования, а также выступает за «командную работу» с другими социальными науками, превентивное правосудие (*preventive justice*) и в целом индивидуализацию⁴⁵⁴.

---

⁴⁵¹ См.: *Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence*. P. 5. В оригинале: «A scientific study of society having to do with group behavior, the relationships between men and the factors entering into and following from those relationships» (*Ibidem*)

⁴⁵² *Pound R. Preface // Gurvitch G. Sociology of Law*. P. XV. В оригинале: «If, however, jurisprudence must build on these foundations, jurists must insist that the foundations cannot be made the superstructure» (*Ibidem*).

См. как данный фрагмент перевел М.В. Антонов: «Если юриспруденция и должна строиться на этих основах, то юристам следует настаивать на том, что эти основы сами не могут созидать надстройку» (*Паунд Р. Предисловие к книге «Социология права»*. С. 834-835).

⁴⁵³ См.: *Pound R. Preface // Gurvitch G. Sociology of Law*. P. XV. В оригинале: «Its great service, from the lawyer's standpoint, is in bringing to light a better foundation for the understanding of lawyer's law than natural law which had to be given up, and yet left an empty space requiring to be filled» (*Ibidem*).

См. как данный фрагмент перевел М.В. Антонов: «Основной задачей социологии права, с точки зрения юриста, является поиск лучшей, чем естественное право (от которого следовало бы отказаться, после чего осталась бы не терпящая пустоты брешь), основы для понимания права» (*Паунд Р. Предисловие к книге «Социология права»*. С. 835).

⁴⁵⁴ См.: *Pound R. Sociology of Law // Twentieth Century Sociology / ed. By G. Gurvitch and W.E. Moore*. New York: The Philosophical Library, 1945. P. 340.

Доподлинно известно, что Паунд собирался издать книгу под названием «Социологическая юриспруденция» и даже имел ее план, о чем свидетельствуют примечания в ряде его работ о том, что содержание статьи будет опубликовано в готовящейся книге под названием «*Sociological Jurisprudence*»⁴⁵⁵. Не тайна, что Паунд не издал такую книгу. Вместо нее в свет вышла его *magnus opus* – пятитомная «Юриспруденция» («*Jurisprudence*», 1959)⁴⁵⁶, в которой автор постарался систематизировать большую часть написанных за весьма продолжительную жизнь трудов. Можно лишь догадываться об истинных причинах, почему он вместо «Социологической юриспруденции» издает просто «Юриспруденцию». Возможно, это произошло вследствие изменения взглядов за почти семидесятилетний срок службы правоведению (что также имело место) и (или) под давлением различного рода обстоятельств, в том числе под натиском критиков, поскольку, как вспоминал мыслитель, социологическая юриспруденция осуждалась и со стороны социологов и социальных философов (за свою практико-ориентированность), и со стороны юристов (за свой идеализм)⁴⁵⁷. Можно и дальше предполагать различные объяснения, почему автор отказался от этого названия. Однако *factum est factum*: Паунд не издал книгу под заглавием «Социологическая юриспруденция», но тем не менее он навсегда остался в истории как создатель оригинального направления в правовой мысли XX века.

§ 2.3. Сравнительное правоведение

Программная часть учения Паунда о социологической юриспруденции, изложенная в качестве заключения к серии из трех статей «*The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence*», завершается кратким обобщением, посвященным тому, чем в целом должно заниматься данное научное направление – сравнительным изучением правовых систем, доктрин и институтов как социальных

⁴⁵⁵ Так, например, текст статьи «Интересы личности» должен был составить главу IX планируемой к публикации книги. См. об этом: *Pound R. Interests of Personality // Harvard Law Review. Vol. XXVIII. 1915. № 4. P. 343. Note.*

⁴⁵⁶ *Pound R. Jurisprudence. Vol. I – V. St. Paul, Minn: West Publishing Co, 1959.*

⁴⁵⁷ См.: *Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence. P. 3.*

явлений в их связи с социальными условиями и социальным прогрессом⁴⁵⁸. Автор полагал, что социологическая юриспруденция должна была включать в себя сравнительный компонент; потому на сравнительном методе и основанном на нем сравнительном правоведении мыслитель был сфокусирован не менее, чем на других методах и направлениях теоретической юридической науки. С психологической точки зрения любое сравнение – это следствие человеческого любопытства; оно обосновано интересом к чужому; интересе, побуждающем погрузиться во что-либо новое, изначально неизвестное. Творческий путь Паунда с присущим ученому природным любопытством это подтверждает. Вопросы сравнительного правоведения интриговали его с самых ранних лет пребывания в юриспруденции. Еще будучи студентом, во время своего обучения на юридическом факультете Гарвардского университета в 1889-1890 учебном году, он обращал пристальное внимание на небольшие извлечения из древнеримских текстов, которые приводились в книгах американских авторов: «Мне было известно, – вспоминал юрист, – что существует такая вещь, как римское право, но я ничего об этом не знал»⁴⁵⁹. Впоследствии Паунд, погрузившись в романистику, сделал римское право одной из основных областей своих академических интересов. Причем римское право он изучал не только как образец древнего правового регулирования, но вслед за немецкими исследователями и как регулирование, осуществляемое в государствах Континентальной Европы (то, что Савиньи называл современным римским правом – «*das heutige Römische Recht*»). Изучая римское право таким образом, Паунд продвинулся от древности к современности, от, по сути, истории права к сравнительному правоведению.

Уже в одной из первых статей – «Изучение римского права» («*The Study of Roman Law*»), – опубликованной в 1896 году в *Nebraska Legal News*, Паунд стал отстаивать сравнительно-правовое значение изучения древнего и современного римского права⁴⁶⁰. История, убежден был он, показала, что только две системы –

⁴⁵⁸ См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 516.

⁴⁵⁹ *Sutherland A.E. One Man in His Time* // *Harvard Law Review*. Vol. 78. 1964. № 1. P. 7-8.

⁴⁶⁰ См.: *Pound R. Study of Roman Law* // *Nebraska Legal News*. 1896. № 36. P. 1 // Цит. по: *Mehren A.T. Roscoe Pound and Comparative Law*. P. 508-509.

английского и римского права – смогли достичь зрелости. Поэтому их сравнение как единственно развитых систем необходимо для того, чтобы понимать, с одной стороны, смысл юриспруденции как науки о праве, а с другой стороны, современное право как таковое – а это делается возможным преимущественно через призму истории его доктрин, норм и институтов посредством поиска параллелей и примеров, позволяющих глубинно понять действующие правовые и тесно связанные с ними явления. К остальным правовым системам, так и не дошедшим до ступени зрелости, необходимо обращаться лишь постольку, поскольку они могут иметь потенциал помочь в понимании развитых правовых систем, и необходимо обращаться к ним лишь в той мере, в какой они могут поспособствовать это сделать и причем на высоком научном уровне⁴⁶¹.

Начав через несколько лет свою преподавательскую деятельность, Паунд стал читать курс римского права. Этот курс, изначально посвященный древнему римскому праву, со временем стал охватывать и современное римское право, тем самым превратившись в своего рода введение в сравнительное правоведение. Подтверждением тому служат два издания, опубликованные Паундом в качестве учебно-методического пособия к своему курсу, – хрестоматии («*readings*»), в которых он собрал фрагменты из основных текстов: первое – издание 1906 года – мыслитель назвал хрестоматией по римскому праву («*Readings in Roman Law*»⁴⁶²); второе – 1914 года – «хрестоматией по римскому праву и гражданскому праву, а также современным кодексам как их развитию» с подзаголовком «Введение в сравнительное правоведение» («*Readings in Roman Law and the Civil Law and Modern Codes as Developments Thereof: An Introduction to Comparative Law*»⁴⁶³). Эти пособия позволяли студентам проследить развитие правовых доктрин, норм и институтов, а также сравнить, как разрешаются конкретные ситуации по континентальному и англо-американскому праву.

---

⁴⁶¹ См.: *Pound R. Comparative Law in Space and Time // American Journal of Comparative Law. Vol. 4. 1955. № 1. P. 70.*

⁴⁶² См.: *Pound R. Readings in Roman Law / compiled by Roscoe Pound. Lincoln: Jacob North & Co., 1906.*

⁴⁶³ См.: *Pound R. Readings in Roman Law and the Civil Law and Modern Codes as Developments Thereof: An Introduction to Comparative Law. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1914.*

Континентальная (романо-германская) и англо-американская (англо-саксонская) правовые семьи, по мнению Паунда, – это две системы, разделившие весь цивилизованный мир на две части⁴⁶⁴. Их основное отличие, считал мыслитель, сводится вовсе не к доминации тех или иных источников права, а к делающей их по-настоящему устойчивыми правовой традиции, передающейся из поколения в поколение в рамках системы юридического образования. В становлении современного римского права академическая традиция Континентальной Европы играла основополагающую роль. Континентальное право – это право, разработанное в стенах университетов: «Оракулы системы гражданского права, – писал Паунд, – это не судьи и не практикующие юристы; это учителя»⁴⁶⁵. Юридическая наука Континентальной Европы с самого начала развивалась в форме трактатов и комментариев различных авторитетных ученых, стремившихся, с одной стороны, в методических и дидактических целях упорядочить все известные правовые нормы, чтобы иметь структурированные материалы для преподавания своих курсов, и, с другой стороны, разработать основания для принятия решений на основе писанных текстов, выступающих логическими посылками для дальнейших умозаключений⁴⁶⁶. Накопленный университетский опыт и обширная научная работа континентальных правоведов привели к тенденции кодификации позитивного права в конце XVIII – начале XIX века. В основу осуществления этой задачи снова легло римское право – оно (в том виде, в каком оно было систематизировано еще во времена Юстиниана) стало основой последовательного изложения континентального права.

В рамках системы *common law*, напротив, как таковой академической традиции не было; право развивалось не в научных работах правоведов, а в судах. Преподавание права осуществлялось не профессиональными университетскими профессорами («учителями») права, а практикующими юристами в их цеховых сообществах⁴⁶⁷. Юридическое образование было построено по методике

---

⁴⁶⁴ См.: *Pound R. Introduction // American Journal of Comparative Law. Vol. 1. 1952. № 1/2. P. 9.*

⁴⁶⁵ *Pound R. Classification of Law // Harvard Law Review. Vol. XXXVII. 1924. № 8. P. 967.*

⁴⁶⁶ См.: *Pound R. Introduction. P. 10; Pound R. Classification of Law. P. 967-968.*

⁴⁶⁷ Об этом см.: *Pound R. Law School and the Professional Tradition // Michigan Law Review. Vol. 24. 1925. № 2. P. 157 et seq.*

ученичества (*apprenticeship*) и представляло собой обучение юридическому ремеслу в координатах «мастер – подмастерье». Очевидно, что в таких условиях не приходится говорить ни об академичности традиции, ни о том, что сколько-нибудь была нужда в книгах, которые составляли бы методическую основу обучения. Но со временем, когда юриспруденция стала самостоятельной специальностью, которую стало возможно получить в университетах, начала ощущаться потребность в общей систематизации права и учебной литературе с логически выстроенным, неповторяющимся и непротиворечивым изложением правовых знаний по принципу от простого к сложному. Паунд по этому поводу заметил: «Не имея ничего своего, кроме алфавитных сокращений, бессвязных комментариев “Институтов” Кока и текстов Блэкстона, изложенных в общей классификации, заимствованной из римских институциональных книг, мы обратились к системным трактатам Континентальной Европы. Большую часть прошлого столетия мы стремились втиснуть доктрины и предписания англо-американского права в современные римские системные категории, которым они слишком часто не соответствовали»⁴⁶⁸.

Две традиции, разделившие континентальную и англо-американскую правовые системы, за период своего существования не только стали неотъемлемыми частями этих систем (Паунд этот компонент правовой системы называл традиционным элементом и считал преподаваемую традицию решающей составляющей правовой системы⁴⁶⁹), но и предпосылкой их взаимодействия, проявившемся в использовании опыта друг друга и обращении к компаративистским практикам. Заимствуя что-либо, континентальное право, восходящее к римским юристам классической эпохи, романизирует (латинизирует, *to romanize*), а английское право, восходящее к преподаванию права королевских судов средневековыми английскими юристами, англизирует (*to anglicize*), поскольку эти системы сохранили свою самобытность, наложившую отпечаток на их сущностные особенности: «Всякий раз, – утверждал Паунд, – когда что-то

---

⁴⁶⁸ *Pound R.* Introduction. P. 4.

⁴⁶⁹ *Pound R.* Philosophy of Law and Comparative Law // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 100. 1951. № 1. P. 1.

переносится из одной системы в другую, оно приспособливается к системе, в которую оно поступает, приобретая новую форму и цвет»⁴⁷⁰. Даже классик английского права, основатель аналитической юриспруденции Дж. Остин использовал сравнительно-правовой метод, необходимый для систематизации английского права: получив предложение читать лекции в Лондонском университете, он направился на стажировку в Германию (где и позаимствовал этот метод у немецкой профессуры); и уже через два года, начав читать лекции (за период с 1828 по 1832 годы), Остин сумел заложить основу аналитического подхода к праву⁴⁷¹. Но если не ограничиваться прошлым системы *common law*, а постараться оценить в масштабах истории мировой юридической науки, то можно обнаружить, что первым направлением ее развития была сравнительная тенденция. Паунд исходил из того, что сравнение – это самый первый шаг в формировании юриспруденции как науки. Эта идея озвучивается автором в целом ряде работ; ее формулировки везде разные, но суть одна: наука начинается с попытки проведения различий и установления общего⁴⁷².

Интерес к сравнительному правоведению в США зародился во времена, когда формировалась независимая правовая система и шла борьба между континентальной (французского образца) и английской правовыми традициями⁴⁷³. И несмотря на то, что тогда господствовала ненависть ко всему английскому и были реальные опасения, что правовая система американского государства примкнет к романо-германской правовой семье, английская правовая традиция

---

⁴⁷⁰ *Ibid.* P. 1-2.

⁴⁷¹ *Pound R.* Introduction. P. 4.

⁴⁷² Так, в работе «Необходимость социологической юриспруденции» Паунд сформулировал это следующим образом: «Юридическая наука, по-видимому, повсюду начинается с попытки провести различие между случаями, внешне аналогичными, и установить «различия» или «разнородность». Из этого сравнения норм внутри правовой системы (*legal system*) следует, что это всего лишь шаг к сравнению с нормами других правовых систем и к сравнению самих систем. Такова была теория *ius gentium* и, несомненно, в какой-то степени практика... За сравнительной тенденцией следует философская тенденция. Недостаточно того, что правило существует в одной системе или что оно имеет свои аналоги в других» (*Pound R. Need of a Sociological Jurisprudence.* P. 608-609); а в работе «*The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence*» немного по-другому: «Можно сказать, что самые истоки юридической науки лежат в контакте римских юристов и греческих философов в поздние годы Римской республики; в том сочетании сравнительного правоведения и рациональных спекуляций, которое называется *ius gentium*, в обращении к разуму против традиций и форм, называемых *ius naturale*» (*Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I).* P. 605); «Наука права, по-видимому, повсюду начинается с попытки различать дела (*cases*), внешне аналогичные друг другу, и установить категории и “различия” (*to establish categories and “differences”*)» (*Ibid.* P. 611-612).

⁴⁷³ См.: *Pound R.* Introduction. P. 2.

одержала победу, хотя к континентальному праву активно обращались там, где «под рукой не было английских материалов» или английские правовые нормы были признаны неприменимыми⁴⁷⁴. По мере того, как предубеждение против английского права, английских юристов и юридических книг сходило на нет, цитирование французских трактатов стремительно уменьшалось и с годами, когда окончательно сложилась национальная правовая система, исчезло вовсе⁴⁷⁵. Но сравнительно-правовой метод все еще использовался, хотя его сфера была ограничена простыми аналитическими сопоставлениями абстрактных правовых предписаний без учета их социального контекста – как истории, так и действия (функционирования)⁴⁷⁶. Это показывает, что сравнительное правоведение, равно как и философия права, актуальны только «в периоды роста и творческой активности» и что возрождение интереса к ним свидетельствует о «новом рождении (*a new birth*) юридической науки на ... юридических факультетах»⁴⁷⁷.

Поскольку в начале XX века американская правовая система находилась в состоянии глубокого кризиса, она практически не испытывала влияния сравнительного правоведения. Ситуация начала меняться лишь на рубеже первой и второй четверти XX века. Новая веха возрождения интереса к сравнительному правоведению побудила Паунда задаться вопросами методологии компаративистики. Он стремился понять, что представляет собой сравнительное правоведение вообще и в чем его назначение; что от него можно ожидать; как сравнительно правовой метод соотносится с другими методами, используемыми юридической наукой; наконец, что необходимо сравнивать и что это значит – сравнивать?

Сравнительный метод – главный прием, при помощи которого осуществляется сравнительно-правовое познание. Это фактор, ключевым образом определяющий предметную специфику сравнительного правоведения

---

⁴⁷⁴ Pound R. Theory of Judicial Decision. II. Nineteenth-Century Theories of Judicial Finding of Law // Harvard Law Review. Vol. 36. 1923. № 7. P. 808.

⁴⁷⁵ См.: Pound R. Introduction. P. 4.

⁴⁷⁶ См.: Pound R. Interpretations of Legal History. P. 142-143.

⁴⁷⁷ См.: Pound R. Some Parallels from Legal History // American Bar Association Journal. Vol. 10. 1924. № 8. P. 548, 549.

как научного направления. Однако его уникальность у Паунда вызывала вопросы. Дело в том, что правовые системы как объект юридического исследования изучаются не только при помощи сравнительного метода, но также и посредством аналитического, исторического и философского методов, называемых мыслителем «точками зрения на развитую правовую систему». Так, в соответствии с «аналитической точкой зрения на развитую правовую систему» непосредственно исследуются предписания (*precepts*), совокупность которых принимается не только как системная, но и как самодостаточная. На их основе, с одной стороны, выводятся универсальные правовые принципы, теории и концепции; с другой стороны, осуществляется систематизация судебных и административных решений. В этом подходе свод предписаний конкретного государства предполагается возможным идеалом или, что для Паунда то же самое, постулатом, в действительности никогда не существовавшим. Процесс анализа, убежден был юрист, всегда сопровождается сравнением абстрактных норм и практики их применения, причем сначала в рамках отдельной системы, а затем в различных системах⁴⁷⁸.

«Историческая точка зрения на развитую правовую систему» предполагает изучение происхождения и развития правовой системы, ее норм, институтов и доктрин. Обращаясь к прошлому права, ученые стремились на основе истории раскрыть принципы современного им права и систематизировать судебные и административные материалы. В том виде, в каком исторический метод занял достойное место среди методологического инструментария ученых-юристов, он развивался в качестве приема научной обработки конкретной национальной правовой системы. Он не был предназначен и никоим образом не стремился к поиску и выведению неких общих, универсальных начал права. Последнее было присуще философскому методу (особенно в период с XVI по XVIII вв.), против которого и было направлено все историческое направление в юриспруденции. Современность в понимании представителей этой школы представляет собой кульминацию непрерывного процесса развития; а право,

---

⁴⁷⁸ См.: Pound R. Comparative Law in Space and Time. P. 70.

начиная со второй половины XIX века, – изображение «прогрессивного раскрытия или реализации идеи права»⁴⁷⁹.

Философский метод и «философская точка зрения на развитую правовую систему», предшествовавшие повсеместному распространению в юридических исследованиях исторического подхода, рассматривают философские основы и предпосылки правовой системы и ее идеального элемента. Представители данного направления при помощи философии стремились познать и упорядочить идеальный элемент права, предлагая те или иные цели права или цели правового порядка (*the end of law or purposes of the legal order*) в качестве идеалов, со ссылкой на которые нормы, институты и доктрины могли подвергаться оценке и критике. Взгляд на правовую систему с философской точки зрения продолжительнее всего доминировал в юридических исследованиях, и хотя во второй половине XIX века метафизический тип философской науки о праве был объединен в историческую школу, уже в XX веке, ознаменовавшем возрождение философии права, было возвращено философскому методу его прежнее место в юридической науке. В это же время распространение получила «социологическая точка зрения», призывавшая изучать правовую систему с позиций ее функционирования как специального инструмента, служащего для достижения определенных социальных целей⁴⁸⁰.

Несмотря на все кажущиеся фундаментальными различия, применяемые в XIX веке аналитический, исторический и философский методы имели значимую общую основу, которую сложно заметить не при детальном рассмотрении. Речь идет об идее естественного права: все эти методы, считал Паунд, предполагают либо естественное право в духе XVIII века как некий идеальный свод подробных юридических предписаний, чьим более или менее несовершенным отражением является позитивное право конкретного времени и места, либо метафизическую, определенным образом познанную, идею права⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁹ *Ibid.* P. 70-71.

⁴⁸⁰ См.: *Ibid.* P. 71.

⁴⁸¹ См.: *Ibidem*. В оригинале: «It should be noted that the three methods, as pursued in the nineteenth century, either presuppose the eighteenth-century law of nature (i.e. an ideal body of detailed legal precepts of which the law of the time and

И хотя представители аналитической и исторической школ права отвергали естественное право, тем не менее «юристы-аналитики ... мыслили в терминах школы естественного права XVIII века», а «юристы-историки ... придерживались жестких рамок гегелевской философии истории», потому и эти три метода направлены на постижение, соответственно, либо естественного права, либо идеи права и ее воплощения⁴⁸².

Сравнительно-правовой метод и сейчас, и тем более тогда некоторые представители юридической науки ставили и ставят в один ряд со всеми иными методами юриспруденции. Более того, даже считалось, что сравнительный метод вытеснит все остальные методы юриспруденции. Но Паунд возражал против подобных суждений. По его убеждению, аналитический, исторический и философский методы юридической науки должны быть сравнительными, поскольку отдельно сравнительный метод бесплоден без анализа, истории и философии. Аргументация мыслителя сводилась к тому, что даже изначально английские юристы, представители аналитического и исторического подходов, вслед за Дж. Остином и Г. Мэном использовали эти методы с обязательным сравнительным компонентом, поскольку исследование объекта исключительно посредством аналитического, исторического или философского метода либо ведет к получению одностороннего знания о праве, либо вовсе не позволяет получить знание, которое бы относилось к предмету теоретической юридической науки (*jurisprudence*)⁴⁸³.

Рассмотренные методологические особенности в известной мере обуславливают позицию Паунда об отсутствии необходимости в сравнительном правоведении как учебной дисциплине. Бессменный декан юридического факультета Гарвардского университета не был сторонником внедрять в учебные планы какие-либо новые курсы; он считал определяющим не количество преподаваемых дисциплин, а их качество, потому он выдвигал высокие

---

place is a more or less imperfect ascertainment) or presuppose a metaphysical idea of law as the realization of an idea» (*Ibidem.*).

⁴⁸² См.: *Ibid.* P. 71, 77.

⁴⁸³ См.: *Ibid.* P. 72; *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III)*. P. 616.

профессиональные требования к преподавателям курсов, ставших классическими, без изучения которых немислимо получение высшего юридического образования. По его убеждению, все эти дисциплины должны были преподаваться в сравнительно-правовом ключе; это прямая обязанность преподавателя показывать и рассказывать, как все устроено не только в рамках системы, в которой потенциальному выпускнику юридического факультета в будущем предстоит практиковать право, а вообще, как бы сказали современные компаративисты и теоретики права, на юридической карте мире⁴⁸⁴. В статье «Место сравнительного правоведения в учебных планах американских юридических факультетов» («*The Place of Comparative Law in the American Law School Curriculum*», 1934) Паунд указал, что сравнительному правоведению «нет места в учебных планах», что «ему там нет места, во всяком случае, как официальному курсу», поскольку учебные планы «и так слишком перегружены»: «То, на что нацелен [курс сравнительного правоведения], может быть выполнено более эффективно с помощью группы преподавателей, которые осознают возможности сравнительного правоведения в своем повседневном преподавании и знают, как реализовать эти возможности»⁴⁸⁵.

Вероятно, в таком случае было бы корректнее говорить о сравнительно-правовом компоненте классических университетских учебных дисциплин и о его значении в подготовке юридических кадров. В работах разных лет при упоминании сравнительного правоведения Паунд прямо или косвенно отстаивает важность именно сравнительного компонента читаемых курсов. Основная посылка мыслителя заключается в том, что невозможно быть специалистом в национальной правовой системе, если не знаешь ничего о других системах. Прагматически эта позиция объясняется очень просто: в ситуации взаимодействия правовых систем изолированное рамками конкретной системы юридическое знание не позволяет эффективно его использовать

---

⁴⁸⁴ См.: Захарова М.В. Учение о юридических картах мира: монография. М.: Аспект Пресс, 2022; Радько Т.Р. Правовая система России на юридической карте мира: монография. М.: Проспект, 2021; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021; Оксамытний В.В. Государственно-правовая карта современного мира: Брянск: РИО БГУ, 2016; Батлер У.Э. Россия и юридическая карта мира // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 73-90; и др.

⁴⁸⁵ Pound R. Place of Comparative Law in the American Law School Curriculum // Tulane Law Review. 1934. № 8. P. 161-162 // Цит. по: Mehren A.T. Roscoe Pound and Comparative Law. P. 510-511.

в практической деятельности. Потому сравнительное правоведение – это источник профессионализма в целом и профессиональной культуры в частности: «юрист, – писал Паунд, – должен обладать не только общей культурой, но и культурой в его собственном призвании, а это сегодня требует обучения вне системы, которую предстоит практиковать»⁴⁸⁶.

С другой стороны, в ходе практической деятельности могут возникнуть ситуации, когда требуются определенные знания о деталях регулирования тех или иных отношений в том или ином правовом порядке. Это требует особой специализации, в связи с чем нужно отличать общую потребность в подготовке квалифицированного юриста так называемой «общей практики» и целый ряд частных случаев, когда речь идет о подготовке узкопрофильных специалистов и, напротив, преподавателей права. Среднестатистический практикующий юрист, считал Паунд, «вполне может усвоить то, что сравнительное правоведение является частью подготовки образованного юриста», но такая подготовка может быть результатом только преподавания предстоящей к практике системы права компетентными преподавателями, которые знают, как использовать свои знания о конкурирующей системе, чтобы более эффективно излагать знания о своей собственной правовой системе⁴⁸⁷.

Однако значение сравнительного метода далеко не ограничивается важностью сравнительно-правового компонента юридических курсов. Он обретает особое значение в юридических исследованиях, позволяя выводить универсальное, общее, свойственное жизни всех или, по меньшей мере, большинства цивилизованных обществ. Это становится очевидным, если учесть, что Паунд был одним из ярчайших представителей унификационной тенденции, возвысившейся в юриспруденции в XX веке. А если к этому добавить еще и те потрясения, с которыми столкнулся в это время весь мир, то делается явным и первостепенность очертания сферы практической реализации сравнительно-правового метода областью международного права. Изначально будучи

---

⁴⁸⁶ *Pound R. Introduction. P. 8-9.*

⁴⁸⁷ *См.: Ibid. P. 9.*

разработанным для единоличных абсолютных правителей, но с учетом демократически организованных народов, международное право, полагал мыслитель, в терминах таких режимов, хотя на словах распределяло в соответствии с конституционно признанным принципом разделения властей полномочия между органами государства, а также гарантировало фундаментальные права человека, на деле оно никак не было связано с отношениями, которые должно регулировать. Система, основанная на идеях Г. Гроция, просуществовала три столетия, но для целей «установления мирового правопорядка» (*world legal order*) требовалась «перестройка международного права» (*reconstruction of an international law*), его адаптация к актуальным реалиям. Изменения, по мнению юриста, должны были начинаться с концептуальных основ, а для этого нужны некие отправные точки. Подобно тому, как Гроций косвенно использовал опыт юристов классической эпохи римского права, предполагая, что их тексты представляют собой декларацию естественного права и воплощение разума (*ratio*), Паунд предлагал частично опираться на трехвековой опыт функционирования не только международного права, но и известного национального права, регулирующего отношения внутри государств, в том числе отношения частных лиц (*individuals*) с государством, что никак невозможно осуществить без применения тщательно разработанного сравнительно-правового метода⁴⁸⁸.

Предметная специфика сравнительного правоведения как научного направления определяется не только особенностью главного познавательного приема – сравнительного метода, – но подходом к правопониманию, то есть тем, что подразумевается под «правом». В русскоязычных версиях теоретико-исторических юридических наук при использовании термина «право» в познавательных целях имеется в виду объект изучения, а отраслевых – помимо этого еще и сама наука. Но так или иначе все науки о праве (в том числе теоретико-исторические и отраслевые) охватываются понятием юриспруденции. В англоязычном мире не так строго и последовательно отстаивается подобное разграничение, поскольку «юриспруденция» в понимании русскоязычного

---

⁴⁸⁸ См.: *Ibid.* P. 9-10.

читателя семантически совпадает с англоязычным пониманием «права» («*law*»). Оттуда и следует уделение англоязычными учеными-правоведами отдельного внимания правопониманию при разрешении вопросов, имеющих методологическое значение при определении и очертании контуров сравнительного правоведения.

Право, в связи с тем, что оно является неотъемлемой частью повседневной жизни всех без исключения людей, вызывает исследовательский интерес у представителей целого ряда социогуманитарных наук. Они, свидетельствовал Паунд, в наиболее общем виде рассматривают право как постоянно совершенствуемый опыт упорядочивания отношений между людьми в цивилизованном обществе. Юристов среди них выделяет то, что они относятся к праву как особому социальному регулятору (средству социального контроля) – далеко не единственному, существующему параллельно с другими средствами, также упорядочивающими общественные отношения. Такой взгляд на право Паунд, не стремясь быть оригинальным, называл юридическим. Между этими подходами к праву – отношением с общих (социологических) позиций как ко всему, что вносит порядок в жизнь общества, и с профессиональных юридических позиций как к уникальному явлению – проходит принципиальная граница, разделяющая их по телеологическим ориентирам юридической и, соответственно, социологической науки во времени и пространстве: «то, что юристам кажется глубоким разрывом, – писал мыслитель, – социологу при более длительной перспективе может показаться простой царапиной»⁴⁸⁹.

Юридический подход, полагал ученый, сводится к интерпретации права как либо узкоспециализированной фазы (*a highly specialized phase*) социального контроля (регулирования), либо совокупности узкоспециализированных инструментов (*a body of highly specialized instruments*), с помощью которых этот контроль осуществляется. В первом случае речь идет о правопорядке как таковом (*the legal order, ordre juridique, Rechtsordnung*); во втором – о том, благодаря чему этот порядок достигается в политически организованном обществе

---

⁴⁸⁹ *Pound R. Comparative Law in Space and Time. P. 73.*

и со стороны него⁴⁹⁰. В этом смысле право состоит из трех элементов (компонентов или сторон, что, возможно, даже лучше передает на русском языке замысел автора) – предписаний, техники и идеалов: право, считал Паунд, – это «совокупность авторитетных предписаний, разработанных и применяемых авторитетной техникой в свете или на фоне авторитетных традиционных идеалов»⁴⁹¹.

Исходя из данного триединого понимания системы права, Паунд предложил рассматривать в качестве объектов сравнительного правоведения, соответственно, и предписания, и технику, и идеалы, которые предстояло исследовать не только в страноведческом ракурсе, но в том числе и в исторической перспективе: «Сравнительное правоведение, – утверждал мыслитель, – должно сравнивать предписания, технику и общепринятые идеалы в том виде, в каком мы находим их в разные эпохи развития права, не в меньшей мере, чем в том виде, в каком мы находим их в разных странах»⁴⁹². Однако в XX веке механическое сопоставление формулировок было настолько распространено, что компаративистика в основном только с таким подходом и ассоциировалась. В это время полагали, что сравнению подлежат прежде всего нормы-правила, которые хотя и представляют собой древнейший вид правовых норм, тем не менее ими не исчерпываются разновидности предписаний, а тем более право как средство регулирования общественных отношений: «Право, – указывал Паунд, – гораздо больше, чем совокупность правил»⁴⁹³, а сравнительное правоведение – гораздо больше, «чем сравнение правовых норм по тому или иному вопросу»⁴⁹⁴. Поэтому обращение внимания только на них в ситуации, когда, как минимум, существуют также принципы, понятия и стандарты⁴⁹⁵, заметно ограничивает потенциал сравнительного правоведения как направления юридической науки⁴⁹⁶.

---

⁴⁹⁰ См.: *Ibid.* P. 72.

⁴⁹¹ *Ibid.* P. 74.

⁴⁹² *Pound R. Comparative Law in Space and Time.* P. 83.

⁴⁹³ *Pound R. What May We Expect from Comparative Law?* // *American Bar Association Journal.* Vol. 22. 1936. № 1. P. 56.

⁴⁹⁴ *Ibid.* P. 57.

⁴⁹⁵ Об этом см. § 3.2 настоящего исследования.

⁴⁹⁶ См.: *Pound R. Comparative Law in Space and Time.* P. 75.

Паунд, используя понятие «*comparative law*», имел в виду именно науку сравнительного правоведения. Свою знаменитой речь, произнесенную 2 августа 1954 года на открытии четвертого конгресса Международной академии сравнительного правоведения в Парижском университете, Паунд начал следующими словами: «Говоря о сравнительном правоведении (*comparative law*), я буду иметь в виду нечто более широкое, чем предполагают английские слова. Возможно, я мог бы лучше всего выразить это, сказав, что я думаю не просто о *droit comparé*, а скорее о *science comparée de droit*»⁴⁹⁷. Наука между тем всегда подразумевает всестороннее исследование объекта, поскольку в противном случае вне поля зрения ученого могут остаться некоторые проблемы и факторы, без рассмотрения которых полученное знание будет не только неполноценным, но и неэффективным при дальнейшей практической реализации.

Понимая всю сложность юридической материи, Паунд признавал, что массив норм (предписаний) – это наиболее быстроустаревающий, а потому и самый шаткий элемент, включаемый в право: «Исследования, посвященные ста пятидесяти годам развития американского права, – аргументируя свою позицию утверждал мыслитель, – показали, что средняя продолжительность активной жизни норм большей части позитивного права, составляет не более одного поколения»⁴⁹⁸. Поэтому основное внимание нужно акцентировать на двух других элементах – техническом (как наиболее стабильном и устойчивом к различным трансформациям) и идеальном (обуславливающим два других элемента, выступающем концептуальной основой профессиональной юридической деятельности и главным источником всех перемен).

Технический элемент представляет собой «искусство юридического ремесла»⁴⁹⁹ (*the art of the lawyer's craft*), систему устоявшихся методик правотворчества, правоприменения и правоинтерпретации, ввиду чего позволяет выйти на исследование «права в действии» – сложившейся конкретной

---

⁴⁹⁷ *Ibid.* P. 70.

⁴⁹⁸ *Pound R. Comparative Law in Space and Time.* P. 83.

⁴⁹⁹ См.: *Pound R. Ideal Element in Law // Denver Law Review (Dicta).* Vol. 10. 1933. № 8. P. 230.

юридической практики в тех или иных правопорядках⁵⁰⁰. Идеальный элемент, в свою очередь, сводится к представлению о том, каким должен быть общественный порядок в конкретно-исторических условиях того или иного времени и места. Он не является чем-то новым, неизвестным до его обнаружения Паундом. Напротив, мыслитель подчеркивал, что идеальный элемент всегда был составной частью системы права. Впрочем, лишь в XIX веке под влиянием господства юридического позитивизма он был отвергнут юристами-аналитиками и вынесен за рамки права, но уже в XX веке, когда юридическую науку охватила тенденция возрождения естественного права, идеальный элемент (особенно после Второй Мировой войны) снова стал рассматриваться как часть авторитетных руководств по принятию решений. В идеальный элемент помимо представления об общественном порядке включается также и правовая традиция, согласно которой определяется сущность общественного порядка, а значит и его назначение, равно как и назначение (конечная цель) в целом социального контроля (регулирования) и права как его средства – та самая концептуальная (идейно-политическая) основа разработки, применения и толкования права, что особенно актуально при рассмотрении так называемых «новых дел» (*new cases*), когда возникает необходимость выбора из числа одинаково авторитетных отправных точек определенной стратегии для юридической аргументации (*legal reasoning*)⁵⁰¹.

Подвергая сравнительному анализу все эти три элемента, из которых состоит право любого общества, можно получить знание, способное служить эффективным инструментом преобразования действительности. Такой подход путем расширения горизонтов юридического познания придает сравнительному правоведению подлинно научный характер, выводит его на качественно новый уровень, позволяя выявлять универсальное и уникальное в различных правовых системах и открывать тем самым новые перспективы для их последующего совершенствования. Однако подобный взгляд на сравнительное правоведение не был общепризнанным.

---

⁵⁰⁰ См.: *Pound R. Comparative Law in Space and Time*. P. 75-76, 82.

⁵⁰¹ См.: *Ibid.* P. 74, 80.

Дифференциация позиций авторов объяснялась различиями в понимании ставящихся перед данным направлением задач. Именно по этой причине Паунд выделял четыре типа сравнительного правоведения, каждый из которых отражал определенный этап развития юридической науки и соответствовал конкретным исследовательским задачам.

Первый, исторически самый древний тип сравнительного правоведения восходит к истокам юридической науки – к изучаемому в итальянских университетах XII века римскому праву. Начиная с этого периода, преподаватели права, исследуя *Corpus Juris Civilis* и относясь к нему как к писаному разуму (*ratio scripta*) – идеалу, юридическому откровению, с которым по авторитету могла сравниться, пожалуй, только Библия – стремились путем комментирования и систематизации имеющихся материалов не только сделать их пригодными для использования в своей профессиональной деятельности, но и прийти к их единообразному пониманию и толкованию (*lectio vulgata*). К XVII веку место этого универсального писаного разума занимают идеи о естественном праве. Если в Средние века считалось, что идеал и так дан, он как бы унаследован еще от римских юристов, то уже в Новое время утверждение и повсеместное распространение естественно-правовых идей побудило начать искать этот идеал с целью создания свода правовых норм, которые надлежало применять ко всем людям, во всех местах и во все времена. На этой почве рационалистических теорий естественного права зарождается сравнительное правоведение. «Под влиянием идеи естественного права, – писал Паунд, – люди на протяжении многих поколений искали продиктованное универсальным разумом и имеющее универсальную силу единственно верное правило по каждому детальному аспекту человеческого поведения и человеческих отношений»⁵⁰². Все позитивное право стало восприниматься как разъяснение естественного права⁵⁰³. Считалось, что разума отдельного юриста в принципе достаточно для его достижения, однако использовался и опыт мыслителей прошлого, в том числе, римских юристов.

---

⁵⁰² Pound R. What May We Expect from Comparative Law? P. 56.

⁵⁰³ См.: Pound R. Introduction. P. 5.

В эпоху формирования и становления национальной правовой системы американские авторы, обратившись к трактатам континентальных правоведов XVII – XVIII вв., восприняли их идеи. Они стали рассматривать сравнительное правоведение как своего рода инструмент, предназначенный для выявления норм естественного права в «воплощающих разум» текстах. Это было необходимо для того, чтобы подвергать проверке, критике или изменению нормы позитивного права. По существу, именно на основе такого подхода американским мыслителям удалось разработать свои оригинальные юридические и политические доктрины, которые так или иначе представляют собой неповторимый синтез английского *common law* и интеллектуальных свершений новоевропейской политико-правовой мысли.

Второй тип сравнительного правоведения сформировался под влиянием Кодекса Наполеона (*Code Napoléon*, 1804 г.) на континентальную юридическую науку. По мере распространения в европейских государствах законодательства, созданного по его образцу, стали появляться расхождения в доктринальном толковании и правоприменении одних и тех же правовых положений. Научный и практический интерес побудили проводить сравнительные исследования, результаты которого привели к разработке новых кодифицированных актов в первой половине XX века, что, в свою очередь, дало очередной импульс развитию сравнительного правоведения⁵⁰⁴. В отличие от первого типа, рассматриваемый тип не преследовал задачу вывести универсальное, единственно верное правило, а носил исключительно познавательно-прикладной характер.

Третий тип – получившее распространение после Первой Мировой войны сравнительное законодательство (*comparative legislation*). По большому счету, оно представляло собой слияние первых двух типов: от первого здесь было заимствовано стремление вывести единственно верное правило, от второго – нормативные правовые акты как объекты непосредственного изучения. Их слияние было обусловлено насущной потребностью в разрешении социально-

---

⁵⁰⁴ См.: Pound R. What May We Expect from Comparative Law? P. 56.

экономических проблем послевоенного мира, в том числе связанных с адаптацией права к новому миропорядку и с формированием юридической основы экономической взаимозависимости (*interdependence*) различных государств. Представлялось, что для каждой конкретной проблемы существовало лишь одно правильное решение. Задача правотворцев сводилась к тому, чтобы посредством сопоставления попыток, известных из законотворческой практики прошлого и настоящего, обнаружить его и сформулировать в качестве общеобязательного правила. Аналогичная стратегия реализовывалась при становлении новых юрисдикций (например, в Японии, Латинской Америке и др.), что обеспечило относительно оперативное создание правовой базы для всей последующей деятельности и тем самым оказало направляющее, созидательное и стабилизирующее влияние на основные аспекты общественной жизни⁵⁰⁵.

И хотя методологически этот тип был воплощением эклектики в чистом виде, тем не менее его роль в истории права нельзя недооценивать, поскольку он стал «эффективным противоядием» против «интенсивного политического национализма», дав второе дыхание универсальному идеалу права. По этому поводу Паунд отметил: «Этот идеал, господствовавший в Средние века благодаря авторитету Вселенской церкви и юридическому признанию академического постулата о всемирной империи, был продолжен в XVII и XVIII веках школой естественного права с ее верой в универсальный свод идеальных правил. Но универсальный идеал был подорван Реформацией, и возникший на ее волне правовой национализм, наряду с развитием современных государств и преобладанием политически организованного общества, достиг своего полного расцвета в XIX веке»⁵⁰⁶. В связи с этим, считал мыслитель, сравнительное правоведение – далеко не «последняя сила», помогающая вернуть универсальный идеал для удовлетворения потребностей экономически объединенного мира.

Наконец, четвертый – функциональный – тип сравнительного правоведения, последовательно отстаиваемый Паундом, предполагает сравнение правовых

---

⁵⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 57.

⁵⁰⁶ *Ibid.* P. 58.

систем с учетом того, как и в какой степени те или иные абстрактные предписания достигают стоящих перед ними целей и стоящих в целом перед правом как особым средством соционормативного регулирования целей в определенных времени и пространством конкретно-исторических условиях. Такое сравнение предназначено для того, чтобы показать многообразие вариантов решения актуальных проблем, поскольку одна и та же цель может быть достигнута как одними предписаниями, институтами или доктринами, так и совершенно другими. Речь идет о формировании сокровищницы мировой юридической мудрости, к которой можно обратиться в трудные для практики минуты. «Сравнение, – утверждал Паунд, – учит нас не торопиться с тем, что существует только одна необходимая и неизбежная норма права, возможная для конкретной [ситуации]»⁵⁰⁷. При этом, осуществляя функциональное сравнение, важно понимать, что любой правопорядок – явление чрезвычайно сложное, находящее в себе отражение едва ли не всего, что связано с правом. В правопорядке отражаются и традиции, и разум, и признанные, защищенные и логически организованные в систему интересы, и творческая мысль, лежащая в основе правотворческой деятельности, и интуиция, и дискреция, и так далее. «Мы должны стремиться узнать, – писал Паунд, – как, когда и где их использовать, и, возможно, найти, как дополнить их ... новыми инструментами...»⁵⁰⁸. Поэтому компаративистика не должна ограничиваться только сопоставлением элемента предписания. Правовед подчеркивал, что сравнительному анализу необходимо подвергать именно системы, в каждой из которых обязательно обнаруживаются все три элемента.

Особую надежду Паунд выражал в отношении сравнительно-правового исследования идеального элемента. Еще в работе 1936 года под захватывающим заголовком «Что можно ожидать от сравнительного правоведения?» («*What May We Expect from Comparative Law?*») Паунд откровенно признался: «я с нетерпением ожидаю появления сравнительной философской юриспруденции, которая сможет

---

⁵⁰⁷ *Ibid.* P. 59.

⁵⁰⁸ *Ibidem.*

лучше выполнять необходимую работу над идеальным элементом»⁵⁰⁹. Через много лет, в 1951 году, он опубликовал статью «Философия права и сравнительное правоведение» («*Philosophy of Law and Comparative Law*»), в которой наметил основные точки соприкосновения этих направлений. По его убеждению, только благодаря совместным усилиям философии права и сравнительного правоведения можно ответить на новые вызовы, с которыми сталкиваются юридическая наука и практика, потому что отдельные ответы, подготовленные в философском ключе (с исключительной опорой на представления об идеальных отношениях между людьми – некий «гуманитарный идеал», определяющий «гуманитарный путь правового развития»), размывают назначение юридического знания, «приводя к мышлению в терминах достигнутого идеала, а не средства его достижения»⁵¹⁰.

Один из вопросов, вокруг которого эта статья концептуально построена, – проблема юридической ответственности в контексте общих тенденций развития права и государства в середине XX века. В первую очередь, речь идет о распространении идей социальной государственности, возникновении называемого Паундом «обслуживающего» государства (*service state*) – «недобровольного доброго Самаритянина» (*the involuntary Good Samaritan*), «берущего в свои руки всю сферу человеческого благополучия, за исключением благополучия наших душ в загробном мире, и стремящегося излечить все экономические и социальные недуги посредством своей административной деятельности»⁵¹¹. Эта политико-правовая идея требовала пересмотра не только основополагающих начал конституционного права, но и институтов, непосредственно создающих гарантии для полноценной социально-экономической жизни. На примере поиска решений встающим в связи с данной идеей проблемам Паунд, словно демонстрируя мастерство в параллельном использовании философии права и сравнительного правоведения, в одно и то же время применяет как философский метод, пытаясь обнаружить тенденции в трансформации философских оснований юридической ответственности, так и сравнительный

---

⁵⁰⁹ *Ibid.* P. 60.

⁵¹⁰ *Pound R.* Introduction. P. 6-7.

⁵¹¹ См.: *Pound R.* *Philosophy of Law and Comparative Law.* P. 4, 14.

метод, синхронно и диахронно сопоставляя идеи, концепции, а также способы разрешения споров в этой и смежных областях.

В духе следования заветам прагматизма и настрою рассуждать в категориях триады «цель – средство – результат», Паунд воспринимал сравнительное правоведение как средство, позволяющее наиболее эффективно достигать поставленных целей. Искренняя вера в эффективность порядка в политически организованном цивилизованном обществе и нерушимая верность праву как важнейшему инструменту его установления и поддержания – движущая сила мысли ученого. Паунд был убежден, что сравнительное правоведение создает все необходимые условия для организации социальной жизни так, чтобы системно удовлетворялись все «разумные ожидания» с минимумом разногласий и затрат (*a minimum of friction and waste*)⁵¹², о чем свидетельствует все его обширное правовое наследие.

Серьезность отношения Паунда к сравнительному правоведению не ограничивается его академическими изысканиями. Она нашла отпечаток и в его административной и практической работе. Будучи деканом юридического факультета Гарвардского университета, в 1925 году в рамках кампании по сбору пожертвований для обеспечения нужд факультета Паунд инициировал учреждение пяти новых профессорских должностей (кафедр, *chair*) в различных областях юридической науки, включая сравнительное правоведение (четыре других направления – уголовное право, законотворчество (*legislation*), судоустройство и судебное администрирование (*judicial organization and administration*), история права). «Если мы хотим мудро подходить к творческой юридической деятельности в сложном современном обществе, – подчеркивал он, – мы должны научно изучать правовые материалы всего мира»⁵¹³. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Как отмечал Артур Тейлор фон Мерен, вероятно, потому что это предложение просто опередило свое время⁵¹⁴.

---

⁵¹² См.: *Pound R. Comparative Law in Space and Time*. P. 84.

⁵¹³ *Pound R. Harvard Law School: Its History, Its Development, Its Needs* (undated). P. 23 // Цит. по: *Mehren A.T. Roscoe Pound and Comparative Law*. P. 517.

⁵¹⁴ См.: *Mehren A.T. Roscoe Pound and Comparative Law*. P. 516-517.

Эта неудача не остановила Паунда в его стремлении подтвердить фундаментальную ценность сравнительного правоведения. В 1946 году, несмотря на почтенный возраст (ему было почти 76 лет), он, получив приглашение от Гоминьдановского правительства, отправился в Китай, где скрупулезно пытался реализовать на практике комплекс своих теоретических воззрений. Этот период его жизни стал олицетворением миссионерского служения юридической науке в целом и сравнительному правоведению в частности. Столкнувшись с совершенно другой, непривычной американскому мыслителю, реальностью, на протяжении почти двух с половиной лет Паунд проводил встречи с высокопоставленными лицами, читал лекции, готовил аналитические доклады и методические рекомендации как по вопросам совершенствования китайского законодательства и практики его применения, так и по вопросам формирования национальной системы юридического образования.

Абсолютно иная социально-историческая и культурная среда, отражающая величие китайской цивилизации, по-особому повлияла на его мышление. С одной стороны, он заметил сильную приверженность традициям, что проявлялось в стремлении к сохранению и развитию древнекитайских институтов и политико-правовых учений. С другой – он увидел в корне заимствованное законодательство и жажду подражания новейшим континентальным и англо-американским правовым идеям, доктринам и институтам. Эти два начала – сравнительно-правовое и историческое – лежали в основе китайского права и постоянно вступали в противоречия, которые, несмотря на образцовость законодательных памятников, едва ли делали возможным их толкование и применение⁵¹⁵. Однако обращение к сравнительному правоведению было вынужденной и вполне известной мерой, поскольку рецепция существенно упрощала все трудности, связанные с формированием новой государственности и правовой системы. Тем не менее расхождение наличествующего *de facto* и предполагаемого *de jure* имело радикально иные причины. Паунд обнаружил, что эти противоречия порождены

---

⁵¹⁵ Об этом см.: *Pound R. Comparative Law and History as Bases for Chinese Law // Harvard Law Review. Vol. LXI. 1948. № 5. PP. 749-762.*

отсутствием единообразной правоприменительной и правоинтерпретационной техники. А это, в свою очередь, было прямым следствием разрушенной в годы войны системы подготовки кадров. Дело в том, что на тот момент большая часть практикующих юристов базовое образование получала за границей (во Франции, Германии, Японии, перенявшей германский опыт, США, а также Великобритании – как в университетах, так и в судебных иннах), а те немногочисленные специалисты, которые учились в Китае, готовились преподавателями, изучавшими юриспруденцию преимущественно по зарубежным стандартам⁵¹⁶. Без общих подходов к применению и толкованию права, без согласования соответствующих техник юридической работы, заметил мыслитель, ничего изменить нельзя, поэтому реформы нужно осуществлять комплексно.

В статье «Право и суды в Китае: прогресс в отправлении правосудия» («*Law and Courts in China: Progress in the Administration of Justice*», 1948) Паунд специально для американских коллег привел программу, которую он предложил Министерству юстиции Китая. Программа была нацелена на совершенствование правосудия и включала в себя пять этапов (частей, *parts*), первые три из которых имели преимущественное значение. Так, Паунд предложил начать с исследования отправления правосудия в основных регионах Китая. Это помогло бы выявить целый массив проблем – начиная недостаточностью материально-технической базы, заканчивая конкретными правовыми пробелами и уровнем подготовки всех практиков, в том числе судей – и, соответственно, предложить пути их решения. После такой «диагностики» состояния отправления правосудия в некоторых, как он называл, «типичных городах и провинциях», по замыслу Паунда необходимо было провести ряд местных и национальных конференций, которые служили бы платформой для обсуждения судьями и практикующими юристами всех сильных и слабых сторон китайского правопорядка на примере конкретных ситуаций, с которыми они сталкивались при осуществлении своих полномочий, а также для выработки единых позиций по проблемным вопросам. Третья часть

---

⁵¹⁶ *Pound R. Law and Courts in China: Progress in the Administration of Justice // American Bar Association Journal. Vol. 34. 1948. № 4. P. 275.*

программы предусматривала создание специализированного института, объединяющего всех лиц, причастных к праву (теоретиков и практиков, судей и чиновников). Подобно Американскому институту права (*American Law Institute*), он должен был разработать и выпустить серию книг «Институты китайского права» – своеобразного свода, который способствовал бы обеспечению единообразности правоинтерпретации и правоприменения и состоял бы из семи томов, каждый из которых был бы объемом не более 1500 страниц⁵¹⁷. Четвертый этап был посвящен всесторонней реформе юридического образования, а завершающий пятый – подведению итогов осуществления его программы, на основе которых Паунд предложил бы рекомендации по организационному совершенствованию и приданию устойчивости основам юридической профессии⁵¹⁸.

Предложенная Паундом программа отличалась строгой последовательностью, отражавшей системный подход в осуществлении реформ, нацеленных на объединение и становление национальной профессиональной корпорации юристов. Однако этим планам не суждено было сбыться: в ноябре 1948 года, подчинившись настоятельным рекомендациям американского посольства, на семьдесят девятом году жизни Паунд вынужденно покинул Китай в связи с обострением политической обстановки в регионе. Уже в январе 1949 года Чан Кайши – лидер Гоминьдана – объявил об отставке, а 7 декабря того же года остатки его правительства окончательно эвакуировались на Тайвань. Так завершился эксперимент Паунда по реализации его правовых идей в далеком Китае.

В этом пусть даже незавершенном проекте Паунд своим личным примером и неиссякаемым трудолюбием продемонстрировал преданное отношение к делу своей жизни. Юриспруденция как специальное занятие – это всегда познание, искреннее служение, осуществляемое посредством напряженной высокоинтеллектуальной деятельности, зиждимой на творческом начале. «Если девизом (*watchword*) Средневековья, – подчеркивал мыслитель, –

---

⁵¹⁷ См.: *Alford W.P., Yu X. Pound for Pound? Roscoe Pound's Adventures in China and Questions They Pose for Scholars of Contemporary China // University of Pennsylvania Asian Law Review. Vol. 18. 2022. № 1. P. 7.*

⁵¹⁸ См.: *Pound R. Law and Courts in China: Progress in the Administration of Justice. P.275-276.*

был авторитет, девизом XVII и XVIII вв. был разум, а девизом XIX века была свобода, воплощенная в правах (*freedom given effect by rights*), то девизом сегодняшнего дня должно быть исследование»⁵¹⁹. Этим лозунгом была заложена методологическая и концептуальная основа сравнительного правоведения, занимающегося не «простым сопоставлением норм», а основательным изучением права как многомерного явления общественной жизни. Своему неявно сформулированному принципу – принципу преданности профессии и ее требованию постоянного познания – Паунд следовал не только красивыми словами, но и реальными действиями («прагмой»), отстаивая ценность юридического знания и перспективы сравнительного правоведения.

---

⁵¹⁹ Pound R. What May We Expect from Comparative Law? P. 59.

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ ПРАВА В УЧЕНИИ РОСКО ПАУНДА

§ 3.1. Теория интересов и понятие «*legal right*»⁵²⁰

Представителям социологического подхода к праву свойственно исследовать юридические явления сквозь призму общественной жизни, выражающейся посредством системы человеческих потребностей. Такой взгляд на право, как правило, получает научное оформление в рамках теории интересов⁵²¹. Интерес интерпретируется как фундаментальный социальный феномен, первичный по отношению к праву. Выступая движущей силой, детерминирующей поведение человека и формирующей общественные отношения, он в конечном счете предопределяет содержание правовых предписаний. Генезис этой идеи восходит к «юриспруденции интересов» (*die Interessenjurisprudenz*) Р. Иеринга, однако ее индивидуалистический характер, выражающийся в рассмотрении интересов личности как интересов индивида – отдельного «атома», взятого вне контекста окружающих его социальных связей, – потребовал существенной переработки последующими правоведами, стремившимися использовать категорию интереса для более широкого спектра социальных явлений.

Наиболее системное и глубокое развитие теория интересов получила в трудах Паунда. Вклад мыслителя в ее разработку носит двуединый характер: с одной стороны, им была выполнена масштабная задача по «инвентаризации интересов»⁵²², результатом которой стала их всеобъемлющая классификация – создание своего рода «табеля интересов»⁵²³ (В.А. Туманов), который по своей системообразующей роли сравнивается с таблицей химических элементов

⁵²⁰ Материал настоящего параграфа был подготовлен с использованием следующих публикаций автора: Меликовский А.А. Теория интересов Роско Паунда: постановка проблемы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 10. С. 11-14; Меликовский А.А. Понятие «*legal right*» в традиции системы *common law* // Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта) / отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 221-230.

⁵²¹ Использование термина «теория» в отношении идей мыслителя о системе интересов обусловлено, во-первых, устойчивостью выражения «теория интересов», во-вторых, назначением данного понятия, нацеленного на описание, а не формулирование объекта (предмета) исследования (как, например, в случае с термином «концепция»). Об этом см., например: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. С. 15.

⁵²² POUND R. Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale University Press, 1922. P. 90, 95.

⁵²³ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 290.

Д.И. Менделеева (Э.У. Пэттерсон)⁵²⁴; с другой – Паунд продемонстрировал последовательный механизм оценки, признания и обеспечения этих интересов, что так или иначе нашло концептуальное выражение в понятии «*legal right*».

Свои воззрения на проблему интересов в праве Паунд изложил во множестве работ. В частности, огромное источниковедческое значение имеют его статьи «Интересы личности»⁵²⁵ («*Interests of Personality*», 1915), «Индивидуальные интересы в семейных отношениях»⁵²⁶ («*Individual Interests in Domestic Relations*», 1916), «Теория общественных интересов»⁵²⁷ («*A Theory of Social Interests*», 1920), которая была пересмотрена и заново опубликована спустя двадцать три года под названием «Обзор общественных интересов»⁵²⁸ («*A Survey of Social Interests*», 1943), статья «Обзор публичных интересов»⁵²⁹ («*A Survey of Public Interests*», 1945) и многие другие работы и их фрагменты, в которых Паунд обращается к данной тематике. Уже из приведенного небольшого списка работ видно, что проблема интересов тревожила Паунда многие годы: он периодически возвращался к ней и предпринимал попытки совершенствовать свою теорию.

Примечательно, что в самых первых работах, посвященных данной проблематике, Паунд избегает дефиниции интереса. Это связано с его методологической установкой, заимствованной из немецкой пандектистики: он полагал, что определения сущностно бесполезны, а потому и избыточны. Исходной точкой такого подхода выступает констатация факта существования интереса как социально значимого явления. Однако в огромном творческом наследии ученого можно найти несколько предложенных им формулировок определения указанного понятия. Впервые, пожалуй, только в работе «Теория общественных интересов» 1920 года Паунд предпринял попытку в общих чертах определить интерес: «Интерес – это притязание, нужда, требование человека или группы людей,

⁵²⁴ См.: *Patterson E.W. Jurisprudence: Men and Ideas of the Law*. Brooklyn: The Foundation Press, 1953. P. 518.

⁵²⁵ *Pound R. Interests of Personality (начало)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXVIII. 1915. № 4. PP. 343-365; *Pound R. Interests of Personality (окончание)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXVIII. 1915. № 5. PP. 445-456.

⁵²⁶ *Pound R. Individual Interests in the Domestic Relations* // *Michigan Law Review*. Vol. XIV. 1916. № 3. PP. 177-196.

⁵²⁷ *Pound R. Theory of Social Interests* // *Papers and Proceedings Fifteenth Annual Meeting American Sociological Society (Held in Washington, D.C., December 27-29, 1920)*. Chicago: The University of Chicago Press, 1920. PP. 16-45.

⁵²⁸ *Pound R. Survey of Social Interests* // *Harvard Law Review*. Vol. LVII. 1943. № 1. PP. 1-39.

⁵²⁹ *Pound R. Survey of Public Interests* // *Harvard Law Review*. Vol. LVIII. 1945. № 7. PP. 909-929.

которые они стремятся удовлетворить и которые, следовательно, должна учитывать социальная инженерия в цивилизованном обществе»⁵³⁰. Это определение было взято за основу впоследствии предложенных формулировок. Спустя двадцать три года переработанную редакцию этого определения он привел в пятом издании (1943 года) «начертаний» (конспектов) лекций по юриспруденции. Предназначая студентам, мыслитель в новом определении заменяет понятие «социальная инженерия» на «упорядочивание общественных отношений», определив интерес как «требования или желания, которые люди индивидуально либо в группах стремятся удовлетворить, и которые, следовательно, должны учитываться при упорядочивании человеческих отношений в цивилизованном обществе»⁵³¹. Еще позже в свое определение интереса Паунд добавит, что упорядочивание отношений происходит политически организованным обществом⁵³².

Интерес, по мысли Паунда, присущ человеку изначально. Он не создается ни государством, ни правом. Право, считал ученый, только признает их⁵³³ – именно право, хотя с позиций континентального юридического мышления это делает государство посредством права. В таком, близком к континентальному, ключе Паунд раскрывал этот вопрос, интерпретируя теорию Остина в работе «*Legal Rights*» (1915-1916 г.), в которой указал: «Государство не создает интереса. Но средства обеспечения интересов – а именно способность требовать определенного поведения от других с помощью силы политически организованного общества – являются творением государства»⁵³⁴. Тем не менее и в первом, и во втором случае право выступает инструментом, при помощи которого признается и ограничивается в возможности его реализации любой интерес. В этом, убежден был мыслитель, состоит достижение цели, стоящей перед любой правовой

⁵³⁰ В оригинале: «An interest is a claim, a want, a demand, of a human being or group of human beings seeks to satisfy and of which social engineering in civilized society must therefore take account» (*Pound R. Theory of Social Interests*. P. 29-30).

⁵³¹ В оригинале: «An interest is a demand or desire which human beings either individually or in a group seek to satisfy, of which, therefore, the ordering of human relations in civilized society must take account» (*Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5-th ed. Cambridge: The University Press, 1943. P. 96).

⁵³² См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. Calcutta, 1958. P. 86.

⁵³³ *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 343, 344.

⁵³⁴ *Pound R. Legal Rights // International Journal of Ethics*. Vol. XXVI. 1915-1916. P. 104.

системой⁵³⁵. Но признание интересов мыслитель не считал единственной функцией права: «Право, – писал он, – должно определять, какие [интересы] оно признает, оно должно определить степень, в которой интерес будет осуществляться с учетом других интересов – индивидуальных, публичных или общественных – и возможности эффективного вмешательства со стороны права, и оно должно разработать средства, с помощью которых они должны быть защищены»⁵³⁶.

Поскольку интерес не представляет собой продукта государства и права, его формирование является закономерным процессом, обусловленным различными социальными факторами. Этот процесс Паунд не подвергал всестороннему анализу, ограничившись рассмотрением отдельных условий формирования интересов. В частности, он уделял внимание конкуренции как неотъемлемой предпосылке, способствующей возникновению нового и модификации старого интереса: «Интересы, – считал мыслитель, – возникают посредством конкуренции индивидов друг с другом, конкуренции групп или обществ друг с другом и конкуренции отдельных лиц с такими группами или обществами»⁵³⁷. Такая позиция предопределяет динамический характер интересов: они не остаются неизменными (за исключением некоторых интересов, например, интереса общей безопасности), а постоянно разрастаются и увеличиваются. Их количество непосредственно зависит от уровня общественного и государственного развития, хотя эти факторы не являются единственными, влияющими на многообразие интересов.

Для иллюстрации роста интересов Паунд проводил аналогию с ростом прав личности, ссылаясь на ставшую метафоричной цитату итальянского юриста, сенатора, мэра Неаполя в 1900-1903 гг., а ранее и ректора Неаполитанского университета⁵³⁸ (*Università degli Studi di Napoli Federico II*) в 1895-1897 гг. Луиджи

---

⁵³⁵ См.: *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 343.

⁵³⁶ *Ibidem*.

⁵³⁷ *Ibid.* P. 343-344.

⁵³⁸ Неаполитанский университет считается первым и старейшим в мире светским государственным университетом, преподавание в котором сразу носило университетский характер (в отличие от Болонского университета, который изначально был образован в 1088 году как школа для подготовки юристов (*studiorum*). См. об этом в книге: *Guicciardini F. Storia d'Italia / alla miglior lzione ridotta dal professor Giovanni Rosini, con una prefazione di Carlo Botta. Tomo 4. Parigi: Presso Baudry, Libreria Europea, 1837. Замечательный очерк истории Болонского*

Миральи (*Luigi Miraglia*, 1846-1903): «Права человека умножаются по мере развития его возможностей. Чем цивилизованнее нация, тем богаче она в правах»⁵³⁹. По Паунду, интересы возрастают по мере роста цивилизации (цивилизованности общества), что неизбежно ведет к давлению на позитивное право с целью удовлетворения этих интересов посредством их юридического признания и защиты⁵⁴⁰.

В части исследования вопросов генезиса интересов в фокусе внимания Паунда находилась проблема исторической последовательности возникновения тех или иных групп интересов (индивидуальных, общественных, публичных или каких-либо иных). С точки зрения мыслителя, вначале возникли групповые интересы (*group interests*). В сущности, речь идет о наиболее древней разновидности общественных интересов, особенность которых сводится к их примитивности. Индивидуальные интересы к концу XVIII века в связи с экономическим развитием выделились из групповых интересов⁵⁴¹. До этого времени «весь ход развития права заключался в том, чтобы отделить индивидуальные интересы от групповых и защитить их с помощью прав (*legal rights*)»⁵⁴². Даже те интересы, которые в современном представлении относятся к индивидуальным, исторически оценивались и понимались совершенно иначе. Мыслитель этот тезис подкрепил примером телесных повреждений: ранее они воспринимались не как попирания индивидуальных интересов, а как правонарушения «в области мира и добропорядочности»: «Считалось, – писал он, – что они влекут за собой оскорбление сородича, на родственника которого совершено нападение, или ... что в нем пробудится желание отомстить, и, следовательно, они влекут за собой опасность личной мести и частной войны»⁵⁴³.

университета см. в книге: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 124-134.

⁵³⁹ *Miraglia L.* Comparative Legal Philosophy. Applied to Legal Institutions / translated from Italian by John Lisle; with an introduction by Albert Kocourek. New York: The Macmillan Company, 1921. P. 324.

⁵⁴⁰ См.: *Pound R.* Interests of Personality (начало). P. 343.

⁵⁴¹ См.: *Ibid.* P. 348. По Паунду, несмотря на то что наиболее важные общественные интересы (естественные права) определяли весь ход развития права, в юридической науке впервые именно на индивидуальные интересы было обращено внимание, и первые критические исследования были проведены именно в отношении них (См.: *Ibid.* P. 344).

⁵⁴² *Ibid.* P. 349.

⁵⁴³ *Ibid.* P. 356.

Это находит подтверждение и в отечественной истории: в древнерусском праве – тогда еще далеко не относящемся к континентальной правовой культуре – преступление понималось как обида⁵⁴⁴. Но «обида» воспринималась и как угроза общественному порядку, и как посягательство на честь пострадавшего – «единственного, или, по крайней мере, главного индивидуального интереса»⁵⁴⁵, признававшегося на этапе зарождения права как обособленного соционормативного регулятора. Поэтому изначально, полагал Паунд, охранялся групповой интерес против оскорблений и общественный (общесоциальный) интерес против беспорядков, а не индивидуальный интерес личности. Именно из этих интересов, по мысли ученого, постепенно развивается идея индивидуального интереса, защищенного индивидуальным правом⁵⁴⁶.

В то же время, продолжая линию Гоббса, Паунд утверждал, что право и государство в целом возникли для обеспечения одного из самых важных интересов – общественного (группового) интереса безопасности. Он называл его «самым элементарным из общественных интересов», требующим, «чтобы один индивидуальный интерес был обеспечен не меньше, чем другой»⁵⁴⁷. Хотя и мыслитель не приветствовал всепоглощающее господство индивидуализма, и даже критиковал ставшее стереотипным, укоренившимся в профессиональном правосознании отношение к интересам личности как доминирующим над общественными интересами, все же он признавал его значимость для новоевропейской юридической науки, для развития права, правового мышления и

---

⁵⁴⁴ См. об этом: *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники и ее значение / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010; История отечественного государства и права: учебное пособие для семинарских занятий: в 2 ч. / под ред. Т.Е. Новицкой. Ч. 1. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 10-37 (автор – Т.Е. Новицкая); История отечественного государства и права: учебник для бакалавров / отв. ред. И.А. Исаев. М.: Проспект, 2018. С. 29; *Домникова В.В.* Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №. 3. С. 88-97.

Так, например, в пункте 59 Пространной редакции Русской Правды утверждалось: «Если господин *обидит* закупа, отнимет у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то посуду все это он обязан возратить закупа, а за беду заплатить 60 кун» (перевод В.Н. Сторожева). См.: Хрестоматия по истории государства и права России / составитель Ю.П. Титов. М.: ООО «ТК Велби», 2002. С. 18).

⁵⁴⁵ *Pound R.* Interests of Personality (окончание). Р. 449.

⁵⁴⁶ См.: *Pound R.* Interests of Personality (начало). Р. 356-357.

⁵⁴⁷ См.: *Pound R.* Interests of Personality (окончание). Р. 445.

сознания (в первую очередь, осознания индивидуальных интересов и феномена правового в целом)⁵⁴⁸.

Изучение феномена интересов в рамках юридической науки, по мнению Паунда, предполагает исследование четырех аспектов. Во-первых, самих интересов, подлежащих юридическому признанию и обеспечению. Во-вторых, принципов отбора интересов для их последующего признания и обеспечения. В-третьих, принципов определения границ и степени реализации интересов, то есть критериев, на основании которых конфликтующие интересы «взвешиваются» и «балансируются» при их признании. Наконец, в-четвертых, средств, с помощью которых право может обеспечить признаваемые им интересы⁵⁴⁹. Методология такого исследования, убежден был Паунд, должна носить междисциплинарный характер, предполагающий сотрудничество социальных наук. Понимая главную опасность междисциплинарных практик – угрозу дилетантства, ученый также и предостерегал против крайностей в понимании этого принципа: «это не означает, – указывал он, – что любой юрист должен считать все общественные науки своей областью. Но это означает, что он должен знать, что у всех них есть материал для него, и должен быть готов и способен обратиться к ним за этим»⁵⁵⁰.

По существу, исследование интересов преследует одну задачу – найти баланс их соотношения. Право, по мысли Паунда, всегда стремится достичь такого равновесия, поскольку индивидуальный и общественный интерес между собой взаимосвязаны: «обеспечивая индивидуальный интерес ... право обеспечивает общественный интерес»⁵⁵¹. Для достижения такого баланса необходимо «взвешивать» интересы, средства и способы их правового обеспечения. Паунд выступал против абсолютизации как общественных, так и индивидуальных интересов, он призывал не отдавать приоритет ни общественному над личным, ни личному над общественным, а искать механизм их сбалансированного сосуществования. Его идея заключалась в том, чтобы гармонизировать личное и

---

⁵⁴⁸ См.: *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 345-348.

⁵⁴⁹ *Ibid.* P. 344.

⁵⁵⁰ *Ibid.* P. 346.

⁵⁵¹ *Ibid.* P. 349.

общественное, свести их в единое целое. Возможно, истоки такой установки коренятся в американской ментальности: будучи потомками эмигрантов, бежавших от угнетения в старой феодальной Европе, на своей новой родине они старались создать систему, способную к предотвращению возникновения любой формы произвола – личной, общественной или государственной – и противостоянию ей.

Вслед за одним из основателей философии прагматизма У. Джеймсом, Паунд полагал, что все индивидуальные интересы должны удовлетворяться до тех пор, пока они не перевешиваются другими требованиями как других индивидов, так и общества и публичных организаций (*the organized public*, имея в виду, главным образом, государство)⁵⁵². В этом вопросе правовед следовал золотому правилу морали или «нравственной границы свободы», провозглашенной во французской Декларации прав человека и гражданина от 24 июня 1793 года. Новоевропейский рационализм его методологии и способность проследить связи между смежными понятиями – права, свободы, интересы, ценности и тому подобные понятия – привели к тому, в определяемых сущностных свойствах этих юридических явлений стиралась и без того условная граница между ними. Это можно заметить, если взять известные определения свободы из французских деклараций и заменить термин «свобода» словом «интерес». И хотя интерес, вероятно, на самом деле лежит в основе осуществления свободы, тем не менее можно обнаружить уникальное смысловое совпадение. Так, например, в соответствии с формулировками первой Декларации (1789 года), интерес будет состоять в «возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление ... [интересов] каждого человека ограничено лишь теми ... [интересами], которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же ... [интересами]. Пределы эти могут быть определены только законом» (пункт 4 Декларации)⁵⁵³. Паунд отстаивал те же самые

⁵⁵² См.: *Ibid.* P. 354. См. об этом также: *Pound R. Philosophy of Law in America // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. Vol. VII. 1914. № 2. PP. 213-223; Pound R. Legislation as a Social Function // American Journal of Sociology. Vol. XVIII. 1913. № 6. PP. 755-768.*

⁵⁵³ См.: Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 160.

идеи: интерес, с его точки зрения, тоже обеспечивается только позитивным правом и только в той части, в которой он «не наносит вреда другому». Если взять формулировку из следующей Декларации (1793 года), то тоже можно заметить явное сходство: интерес «есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба ... [интересам] другого; ... [его] основу составляет природа, а ... [его] правило – справедливость; обеспечение ... [интересов] есть закон. Нравственную границу ... [интересов] составляет следующее правило: «Не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому от других» (пункт 7 Декларации)⁵⁵⁴. Наконец, тоже самое обнаружится, если взять текст последней Декларации (1795 года): интерес «состоит в возможности действовать не во вред ... [интересам] другого» (пункт 2 Декларации)⁵⁵⁵.

Закономерен вопрос о цели установления связи свободы в интерпретации французских деклараций и теории интересов Паунда. Несмотря на кажущуюся сложность, эта связь очевидна: хотя мыслитель и подвергал критике индивидуалистические доктрины, и его подход концептуально противоположен индивидуалистическому пониманию человека и интереса (в духе Иеринга), методологически он наследовал традиции, которые расцвели в эпоху Нового времени и, в том числе, отразились на рассмотренных выше образцах всемирной политико-правовой мысли. Это наблюдается в том, что проблему так называемого «взвешивания» интересов Паунд ставил в контексте господства разума: поиск баланса интересов, которое эмпирически проявляется в ограничении одних интересов во имя обеспечения других, обязательно должно осуществляться на основе здравого смысла, на основе разума. «Разум, – писал ученый, – требует ограничения требований каждого по отношению к требованиям других и всех, и иногда это может быть ограничением потребностей общества применительно к потребностям отдельных людей. Но почему? Потому что все не могут быть

---

⁵⁵⁴ См.: Декларация прав человека и гражданина 1793 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 193.

⁵⁵⁵ См.: Декларация прав и обязанностей человека и гражданина 1795 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 209.

удовлетворены»⁵⁵⁶. Однако это не исключает того, что необходимо удовлетворять всех настолько, насколько это возможно и рационально. Паунда сложно назвать утопистом, но в центре его концепции остается человек, и если в тех или иных случаях предпочтение отдается общественным интересам, это происходит исключительно для того, чтобы обеспечить условия для реализации индивидуальных интересов.

С другой стороны, подобные связи свободы, права и интереса прослеживаются на уровне обеспеченности интересов, что выражается в понятии «*legal right*». В рамках отечественной специально-юридической теории понятие права традиционно рассматривается в двух основных смыслах – субъективном (субъективное право) и объективном (объективное право). В первом случае внимание обращается на принадлежность права конкретному субъекту, на корреспондированность права обязанности другого субъекта (субъективной правовой обязанности) и обеспеченность ею, что в совокупности раскрывает предоставительно-обязывающий характер права как соционормативного регулятора. Во втором случае – на объективный (то есть независимый от принадлежности к субъекту) характер права как системы норм. Нередко высказываются позиции, что разграничение смыслов, в которых русскоязычными авторами используется понятие права, представляет собой прямое следствие однообразности, сухости и трафаретности языка российской юридической науки⁵⁵⁷. Но обвинять именно и только русский юридический язык в терминологической скупости по меньшей мере несправедливо. Аналогичная проблема встречается в латинском юридическом языке с термином *ius (jus)*, французском – *droite*, немецком – *Recht*, итальянском – *diritto*, испанском – *derecho* и так далее. Несложно заметить, что в перечисленном списке указываются лишь языки континентальной Европы. Это неслучайно, поскольку проблема двоякого понимания права свойственна только континентальной юридической традиции, сформировавшейся в рамках романо-германской правовой семьи. В традиции

---

⁵⁵⁶ Pound R. *Interests of Personality* (начало). Р. 355.

⁵⁵⁷ См.: Кулакова Ю.Ю. *Язык права // Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 219.

common law, которая на сегодняшний день в основном распространена в англоязычном мире, ситуация обстоит немного сложнее, хотя в то же время в ней существует понятийно-категориальное разнообразие – термины *law* и *right*.

В большей части русскоязычной литературы, к сожалению, разграничение данных понятий производится с позиций присущего любому автору, получившему базовое юридическое образование отечественного образца, континентального мышления. Не вдаваясь в существо дела, исследователи проецируют проблему двойственного юридического содержания термина «право» на англоязычную науку. Как бы показывая совершенство английского юридического языка, они соединяют понимание субъективного и объективного права с категориями, соответственно, *right* и *law*. «В английском языке, – писал профессор А.Б. Венгеров, – объективное и субъективное право выражается двумя разными терминами – *law* и *right*, где первое слово обозначает объективное право (статут, закон), а второе – субъективное. Русский язык этих содержательных различий не выражает терминологически, поэтому приходится для обозначения этих различий употреблять словосочетания “право объективное” и “право субъективное”»⁵⁵⁸. Столь распространенная в российской науке позиция – результат методологически неверной оценки феномена, взятого в отрыве от естественной для него среды – правовой культуры, в которой он был сформирован, получил доктринальное обоснование и признание и в которой он функционирует по сей день, взглядом извне, словно пытающимся найти упрощенную вариацию встречающемуся в языках романо-германской правовой семьи затруднению.

Паунд обратил внимание на многозначность понятия «*right*»: этому мыслителю посвятил отдельную статью обзорного характера «*Legal Rights*» (1915–1916 гг.)⁵⁵⁹, имеющую фундаментальное значение, поскольку именно на данное явление ориентирована вся теория интересов. В указанной работе автору удалось очень точно продемонстрировать отличия стилей мышления юристов – носителей континентальной и англо-американской правовых традиций. Дух времени

⁵⁵⁸ Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 2: Теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 7-8.

⁵⁵⁹ Pound R. Legal Rights // International Journal of Ethics. Vol. XXVI. 1915–1916. P. 92-116.

написания труда вел к лингвистическому повороту в философии, и Паунд, понимая тенденции развития современного ему знания, сумел четко определить, что любое механическое копирование категорий из одной системы в другую (особенно с целью последующего отождествления с представляемым аналогом) не может не привести к путанице. Сам Паунд в этой же статье писал: «Принято осуждать представителей философского подхода к праву за то, что они переносят понятия из философии в юриспруденцию. И перенос запутанных юридических понятий и двусмысленных юридических терминов в этическую науку породил не меньше далеко идущих недоразумений в этой области»⁵⁶⁰.

Сегодня, когда лингвистический поворот, осуществившийся в XX в., есть не что иное, как очевидный факт, продолжающиеся попытки переводчиков подобрать понятие из одного языка для явления, традиционно рассматриваемого в многообразии его смыслов, якобы в качестве его аналога из другого языка без учета соответствующего стиля юридического мышления – не что иное, как попытка объять узкими рамки той или иной исторически сложившейся национальной правовой системы необъятное⁵⁶¹. Феномен субъективных прав присущ преимущественно континентальной правовой традиции и соответствующему типу (стилю) юридического мышления. Неслучайно Паунд рассматривал *legal rights* в качестве субъективных прав формально только в одном⁵⁶², а по сути в двух из выявленных им десяти (!) смыслов⁵⁶³. Он отмечал, что латинский термин *ius* и его

---

⁵⁶⁰ *Ibid.* P. 92.

⁵⁶¹ Недавно в отечественной юридической периодике был обнаружен перевод статьи «*Legal Rights*» с английского на русский язык. Переводчики, следуя сложившейся традиции в отождествлении данного понятия с субъективными правами, озаглавили текст, как и ожидалось, как «Субъективные права» (*Паунд Р. Субъективные права / пер. К.Г. Киктенко, А.А. Кириллиной // Юридическая летопись (Nomica Chronica). 2023. № 1. С. 95-118*). Однако они не учли не только специфику англо-американского стиля мышления, но и существо правового учения мыслителя в части идей, изложенных в данной работе.

⁵⁶² См.: *Pound R. Legal Rights*. P. 101; *Паунд Р. Субъективные права*. С. 104-105.

⁵⁶³ Ср. с выделяемыми в знаменитом толковом юридическом словаре *Black's Law Dictionary* семью значениями термина *right* – 1) то, что подобает по закону, морали или этике; 2) то, что причитается человеку в соответствии со справедливым требованием, юридической гарантией или моральным принципом; 3) власть, привилегия или иммунитет, предоставленные человеку законом; 4) юридически обеспеченное требование совершить определенное действие или воздержаться от него, а также признанный и охраняемый интерес, нарушение которого является правонарушением; 5) интерес, требование или право собственности, которое человек имеет на материальную или нематериальную собственность; 6) привилегия акционеров корпорации приобретать вновь выпущенные ценные бумаги в количестве, пропорциональном их долям; 7) оборотный сертификат, предоставляющий такую привилегию акционеру корпорации, – и тремя значениями термина *legal right* – 1) *right*, созданное или признанное законом (*law*); 2) *right*, исторически признаваемое судами *common law*; 3) способность предъявлять юридически признанное требование, адресованное лицу – носителю обязанности действовать

эквиваленты на языках континентальной Европы «имеют дополнительную двусмысленность, поскольку также означают право (*law*) в целом»⁵⁶⁴. Это, в свою очередь, «вынуждает немецких юристов говорить об “объективном праве” и “субъективном праве”»⁵⁶⁵.

В самом общем смысле *right* означает «разумное ожидание, связанное с жизнью в цивилизованном обществе»⁵⁶⁶. С точки зрения мыслителя, *right* – это юридический концепт (*juristic concept*), который в отличие от правового концепта (*legal concept*) не предписывается и определяется позитивным правом, а разрабатывается правоведами с целью систематизации и разъяснения самого феномена правопорядка, совокупности авторитетных оснований или руководств для принятия решений и отправления правосудия, создавая тем самым основу для понимания и развития права⁵⁶⁷. Между тем сознавая всю семантическую неоднозначность термина «*right*», Паунд характеризует его как «скользкое слово» (*slippery word*), как «слепой путеводитель в своей собственной области» (*blind guide in its own proper field*)⁵⁶⁸. Очевидно, что профессиональная коммуникация с использованием такого рода многозначных понятий не может не приводить к конфликтам в их понимании и интерпретации⁵⁶⁹. Чтобы внести хотя бы какую-то ясность в рассматриваемый вопрос, Паунд предпринимает попытку составить наиболее полный перечень смыслов, в которых используется рассматриваемое понятие. В общей сложности мыслитель выделил десять значений.

Во-первых, одним из наиболее значимых смыслов, вкладываемых в термин «*right*», выступает категория интереса. *Right* как интерес означает либо то, что должно быть признано и обеспечено правом (*natural right*, в некоторых работах отождествляя *natural rights* и *moral rights*⁵⁷⁰), либо то, что уже в правопорядке признано и ограничено с целью обеспечения (*legal right*)⁵⁷¹. В этом мыслитель

соответствующим образом (см.: Black's Law Dictionary. 8th ed. 2004).

⁵⁶⁴ Pound R. Legal Rights. P. 101.

⁵⁶⁵ *Ibidem*.

⁵⁶⁶ Pound R. Ideal Element in Law. Calcutta, 1958. P. 85.

⁵⁶⁷ См.: *Ibid*. P. 84.

⁵⁶⁸ См., например, Pound R. Legal Rights. P. 92.

⁵⁶⁹ См., например, Корнев В.Н. Прагматика языка права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5. № 4. С. 8-17.

⁵⁷⁰ См.: Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence. 3-rd ed. Cambridge: The University Press, 1920. P. 109.

⁵⁷¹ Pound R. Legal Rights. P. 92–93.

следовал традиции, заложенной Сэлмондом. В одной из работ, посвященных анализу индивидуальных интересов, Паунд отметил: «Те права, которые обеспечены, и средства, при помощи которых они обеспечены, называются *legal rights*; те, которые должны быть обеспечены, называются *natural rights*»⁵⁷². В работе «*Legal Rights*» он повторил ту же идею: «*natural right* – интерес, совершенно отличный от закона (права, *law*), который ... должен быть обеспечен; *legal right* – интерес, который определен, ограничен и в этих [ограниченных] пределах санкционирован правом»⁵⁷³.

Во-вторых, *right* – не что иное, как обеспечитель интереса (то есть *right* в первом смысле). Паунд писал, что термин *right* используется «для обозначения главного средства, которое применяется правом для обеспечения интересов, а именно признания за лицами или наделения лиц определенными способностями влиять на действия других»⁵⁷⁴. По большому счету, в этом значении понятия «*right*» допустимо говорить о том, что в континентальной юридической науке известно в качестве субъективного права, поскольку Паунд подчеркивал, что такому *right* всегда соответствует юридическая обязанность или «юридическое подчинение всех лиц или какого-либо конкретного лица этому требованию»⁵⁷⁵.

В-третьих, под термином *right* понимается как способность создавать, изменять и прекращать *right* как обеспечитель интереса, так и способность создавать и изменять обязанности⁵⁷⁶. Говоря о *right* в этом смысле, Паунд, к сожалению, упустил из виду способность прекращать обязанности: исполнение обязанности также является формой ее прекращения⁵⁷⁷. Вместе с тем понимание *right* в этом смысле, по мысли ученого, также предназначено для осуществления

⁵⁷² Pound R. Interests of Personality (начало) // Harvard Law Review. Vol. XXVIII. 1915. No 4. P. 346.

⁵⁷³ Pound R. Legal Rights. P. 110.

⁵⁷⁴ Ibid. P. 93.

⁵⁷⁵ Ibid. P. 94.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 95.

⁵⁷⁷ См. об этом, например, Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 585-604; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 635-659, 681-691; Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. С. 436-471, 508-528; Радько Т.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 430-493; Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008. С. 365-383, 416-426; Теория государства и права: учебник / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2024. С. 411-434, 452-464; Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 207-238; и др.

right как интересов. Представляется, что в данном случае, скорее всего, речь идет о правосубъектности лица (а именно о ее аспекте – дееспособности), которая также понимается как один из смыслов понятия *right*.

В-четвертых, под термином *right* понимаются условия правового иммунитета от ответственности за то, что в противном случае было бы нарушением обязанности⁵⁷⁸. Речь идет о *right* как о привилегии что-либо совершать или воздерживаться от чего-то без угрозы наказания.

В-пятых, *right* – понятие из области этики. Мыслитель подчеркивал, что «даже в юридической речи мы нередко говорим, что у кого-то есть *right* на то или иное, потому что без каких-либо определенных притязаний мы чувствуем, что при прочих равных условиях мы бы хотели, чтобы у него было это право»⁵⁷⁹. Рассматриваемый смысл основывается на чувстве справедливого. Любой культуре присуща ассоциация права со справедливостью. Однако в типично англо-американском понимании права как справедливости проявляются корни лежащих в основе традиции *common law* классического протестантского индивидуализма, антропоцентризма и гуманизма: справедливо не то, что абстрактно и как бы оторвано от субъекта (*law*), а то, что имеет непосредственное отношение к нему (*right*), к правильности как таковой. Любопытно, что, переводя «право» как «справедливость» на английский язык, представители русскоязычной юриспруденции в дихотомии *right* и *law*, скорее, отдали бы предпочтение последнему, поскольку в континентальной юридической науке справедливость – не что иное, как недостижимый идеал и руководящий принцип.

В-шестых, как упоминалось выше, Паунд отдельно выделил континентальное понимание *right* как субъективного права. Дело в том, что современная юридическая терминология (особенно континентальная) произрастает из римского права. И это многообразие смыслов во многом унаследовано юридической наукой (особенно континентальной)⁵⁸⁰. По Паунду,

⁵⁷⁸ Pound R. Legal Rights. P. 98.

⁵⁷⁹ В оригинале: Even in legal speech, we not infrequently say one has “a right” to this or that because, without any definite claim, we feel that on a balance of equities we should like to see him have it (*Ibid.* P. 101).

⁵⁸⁰ Так, например, Паунд приводит следующий пример. В римском праве институт *dominium* включал в себя *ius possidendi*, *ius utendi*, *ius fruendi*, *ius abutendi*, *ius disponendi* и *ius prohibendi*. «Это означает, – пишет ученый, – что

римская юридическая терминология берет свое начало на стадии строгого права (*strict law*), когда средства правовой защиты стали основным институтом в системе права. А *rights* – более поздние обобщения, несмотря на то что они и ранее были логически включены в средства правовой защиты. Следовательно, резюмировал мыслитель, классические римские книги имеют дело с *rights* только как бы подсознательно⁵⁸¹. Кроме того, самые первые понятия *rights* появились в науке только к XIV в., когда представители школы комментаторов стали выводить *right in rem* и *right in personam* из *action in rem* и *action in personam*⁵⁸². И вопрос о *rights* как о самостоятельных и, более того, предшествующих средствам правовой защиты, феноменах пришелся на период расцвета теорий естественного права, в связи с чем первые понятия *rights* стали морально окрашены, в них акцент был поставлен на «этической идее обязанности»⁵⁸³.

Следующие четыре смысла Паунд выделял отдельно. По существу, их можно отнести к вышеприведенным смыслам. Так, в-седьмых, *rights* понимается как «моральная сила или дееспособность человека» (*moral power or capacity in a person*)⁵⁸⁴. Это, очевидно, содержательно близко к третьему и пятому смыслам и представляет собой синтез *right* как дееспособности и *right* как этической категории.

В-восьмых, идея *right* как власти, силы и дееспособности, данных человеку правом (позитивным правом) с целью обеспечения интересов⁵⁸⁵. Эти два смысла тесно между собой связаны. В одном случае акцент делается на моральной стороне

одно *right* включает в себя шесть других составляющих *right*» (*Ibid.* P. 101). Соответственно, «использование одного слова для обозначения этого комплекса и всех его составляющих сделало термин *right* совершенно бесполезным для целей критического рассуждения» (*Ibid.* P. 102). Любопытно, что мыслитель в данном месте оставляет ссылку на нашего дореволюционного теоретика Н.М. Коркунова, «Общая теория права» которого была в 1909 г. переведена деканом юридического факультета Университета Небраски Уильямом Гранджером Хастингсом (*William Granger Hastings*, 1853–1937) на английский язык и издана в Бостоне (см.: *Korkunov N.M. General Theory of Law / English Translation by W.G. Hastings. Boston: The Boston Book Company, 1909*). Об обозначенных институтах см. в книге Н.М. Коркунова на русском языке: *Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2019. С. 156 и далее.*

⁵⁸¹ См.: *Pound R. Legal Rights*. P. 102.

⁵⁸² См.: *Ibid.* P. 103. Этой классификации Паунд придерживался, например, в своих лекциях по введению в американскую юриспруденцию (см., например, *Pound R. An Introduction to American Law. An Outline of a Course Delivered at the Trade Union College under the Auspices of the Boston Central Labor Union [Spring Term, 1919]. Cambridge: Dunster House, 1919. P. 26-27*).

⁵⁸³ См.: *Pound R. Legal Rights*. P. 102.

⁵⁸⁴ См.: *Ibid.* P. 105-109.

⁵⁸⁵ В оригинале: *The idea of a right as a power or capacity given a person by law, in each case for the purpose of securing interests (Ibid. P. 109).*

притязаний, в другом – на позитивно-правовой стороне. Здесь, несомненно, есть связь с разграничением *natural rights* и *legal rights*⁵⁸⁶.

В-девятых, Паунд выделял идею *right* как обеспеченного интереса (*the idea of a right as a secured interest*), иными словами, мыслитель в рассматриваемом смысле объединяет первые два смысла понятия *right*: право как интерес и право как обеспечитель интереса. По существу, он близок к пониманию права Н.М. Коркуновым, поскольку в этих сюжетах прослеживаются идеи понимания права как способа разграничения интересов.

В-десятих, Паунд демонстрирует трактовку *right* как отношения (*the idea of a right as a relation*) рядом немецких ученых. Он был убежден, что понимание *right* как отношения первым предложил немецкий правовед Валентин Пунтшарт (*Valentin Puntshart*, 1825–1904), ординарный профессор римского права Инсбрукского университета (*ordentlicher öffentlicher Professor des Römischen Rechts an der Innsbrucker Universität*)⁵⁸⁷. Говоря об этом, Паунд акцентировал внимание на учении и другого немецкого юриста Йозефа Колера, который в своей книге «Введение в юриспруденцию»⁵⁸⁸ (*Einführung in die Rechtswissenschaft*) обратил внимание на *right* как на принадлежащее личности средство контроля над выгодами⁵⁸⁹. По мнению Паунда, такое понимание основано на аналитической методологии и, по существу, преследует за собой цель объединить все правовые феномены (средства правовой защиты, охраняемые правом объекты и так далее) под общим термином.

Между тем Паунд выделяет три смысла понятия обязанность (*duty*): как коррелят *legal right*, как абсолютная обязанность (*absolute duty*) в понимании Остина⁵⁹⁰ и как недобровольное обязывание индивида действовать в целях

⁵⁸⁶ См.: *Ibid.* P. 112.

⁵⁸⁷ Паунд в сноске указывает, что данный ученый разработал это понятие в книге «*Moderne Theorie des Privatrechts*» (см.: *Ibid.* P. 116. Note 51). Вероятно, он имел в виду следующую работу данного автора: *Puntshart V. Die Fundamentaln Rechtsverhältnisse des Römischen Privatrechts. Inductive Grundlegungen mit Besonderer Beziehung auf die Fragen der Gefahrnormirung bei Austauschobligationen.* Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1885.

⁵⁸⁸ См.: *Kohler J. Einführung in die Rechtswissenschaft.* Dritte, verbesserte und stark vermehrte Auflage. Leipzig: A. Deichert'sche Verlagsbuchhandlung Nachf (Georg Böhme), 1908.

⁵⁸⁹ В оригинале: A right is a control by a certain person of a definite advantages of life (*Pound R. Legal Rights.* P. 113).

⁵⁹⁰ Мыслитель говорит об этом смысле понятия обязанности как о «“праве” государства» («right» of the state),

поддержания общественного интереса к общей безопасности. Если понимание обязанности как коррелята *legal right* (известное в русскоязычной литературе как корреляция субъективного права и юридической обязанности) континентальному мышлению, по крайней мере, не кажется незнакомым, то понятие обязанности в двух других смыслах нуждается в некоторых комментариях. Как известно, Остин классифицировал обязанности на абсолютные и относительные⁵⁹¹. Последние, в отличие от абсолютных, всегда корреспондированы чьему-либо праву. К абсолютным обязанностям (по аналогии с абсолютными правами, которым не корреспондирована конкретная обязанность конкретного лица), не обеспеченным ничьими правами, Остин относил обязанность перед самим собой, или обязанность самоуважения (например, не совершать суицид), обязанность перед обществом (например, не усугублять общественные неприятности), обязанность перед другими существами (Богом, животными), обязанность перед сувереном или государством. Отличие этого смысла используемого Паундом понятия обязанности от третьего заключается в том, что в случае с абсолютными обязанностями предполагается добровольное бездействие, тогда как в случае с недобровольным обязыванием индивида – всегда недобровольное действие. Иными словами, выделенные Паундом три смысла понятия обязанности без изменения их сути можно объединить в два смысла: обязанность как корреспондируемый *right* феномен и обязанность как некорреспондируемый *right* феномен. В последнем случае в зависимости от характера поведения обязанного лица можно говорить об обязанности в форме добровольного бездействия и обязанности в форме недобровольного действия.

В это время была распространена попытка выделять к *right* не только корреляты, но и его противоположности. В качестве таковых, например, профессора Сэлмонд и Хохфельд рассматривали понятия ответственности и отсутствия *right*. Такой метод теоретического познания впоследствии получил

как об «обязанностях, налагаемых на индивидов для обеспечения общественных интересов» (*Ibid.* P. 94).

⁵⁹¹ См.: *Иванов А.Е.* Правовая теория Джона Остина, или Опыт о принципах и взаимодействии этики и юриспруденции: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2025. С. 465-466; *Иванов А.Е.* Правовая теория Джона Остина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 203-204. Сн. 651; *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 332-333; и др.

название в честь профессора Хохфельда (*Wesley Newcomb Hohfeld*, 1879–1918) «хохфельдского анализа» (*hohfeldian analysis*)⁵⁹². С точки зрения Паунда, этот подход ничего принципиального не показывает. Мыслитель писал о нем на протяжении нескольких страниц, но абсолютно безынициативно, по-видимому, лишь отдавая дань уважения указанным профессорам: «Все эти понятия, – отмечал он, – совершенно не имеют самостоятельного юридического значения, и каждое название доступно и используется для обозначения других важных правовых понятий»⁵⁹³.

Выявляя множественность смыслов, заложенных в понятиях «*right*» и «обязанность», Паунд на конкретных примерах старался показать бесплодность стремлений правоведов дать каждому используемому термину единственно верное определение и тщетность неутрачивающих споров, возникающих на этой почве. Американский мыслитель, вдохновленный немецкой юриспруденцией, тем самым хотел акцентировать внимание на бессмысленности понятий и эмпирически продемонстрировать, что для юридической науки важны сами феномены, а не их названия. Независимо от своего контекстуального значения, *right* как юридическое явление имеет неразрывную связь с другим явлением – защищаемыми правом интересами.

Ключевым аспектом данной связи с точки зрения вопросов правопонимания выступает первоначальное семантическое отождествление *right* и интереса и последующее выделение в них входящих понятий «*legal right*» и «*natural right*». Понимая под последними должностующие интересы, которые имеют моральные, идеальные по своей природе притязания на реализацию посредством их признания и обеспечения, Паунд соединил традиционную социолого-правовую проблематику с естественно-правовой тематикой⁵⁹⁴. Отвергая новоевропейскую трактовку

⁵⁹² См., например, *Yates A. A Hohfeldian Analysis of Hobbesian Rights // Law and Philosophy. Vol. 32. 2013. № 4. PP. 405-434; Harris J.W. Property and Justice. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 120 et seq.; Salako S.E. Evidence, Proof and Justice: Legal Philosophy and the Provable in English Courts. Ventus Publishing ApS, 2010. PP. 67-71; и др.*

В американской литературе, переведенной на русский язык, идеи профессора Хохфельда (фамилию автора иногда транслитерируют как Хофельд) емко и содержательно глубоко изложены Реймондом Уаксом (См.: *Уакс Р. Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство института Гайдара, 2020. С. 91-94.*

⁵⁹³ *Pound R. Legal Rights. P. 97.*

⁵⁹⁴ См. об этом в работе Паунда периода вершины его метафизического творчества «Идеальный элемент в праве»: *Pound R. Ideal Element in Law. Calcutta, 1958.*

личности как изолированного индивида, он критиковал отождествление индивидуальных интересов с естественными правами, утверждая обратное – естественные права представляют собой общественные интересы: «Наиболее важные из общественных интересов, – свидетельствовал он, – стали хорошо известны нам под названием естественных прав»⁵⁹⁵. В основе этой позиции лежит типичный социологический постулат: человек вне общества не может обладать какими-либо, в том числе естественными, правами, поскольку любое притязание требует адресата способного его признать и юридически обеспечить. Общество, выступая таким адресатом, действует в соответствии с собственными интересами, поэтому нормы, им утверждаемые, обязательны для составляющих его людей. Именно такие интересы, считал Паунд, представляют собой естественные права, которые должны быть признаны и обеспечены в рамках позитивного права.

Паунд вслед за Иерингом выделял три группы интересов: индивидуальные интересы (*individual interests*), общественные или социальные интересы (*social interests*) и публичные интересы (*public interests*)⁵⁹⁶. Это кажется как логичным, так и обоснованным, если исходить из трех основных разновидностей субъектов, традиционно рассматриваемых не только в юридической науке, но и во всех социальных науках – личности, общества и государства. Если индивидуальные интересы относятся к сфере индивидуальной жизни, а общественные аналогично проявляются в рамках социальной жизни в цивилизованном обществе, то публичные интересы – это «претензии (*the claims*) политически организованного общества как субъекта права (*legal entity*)»⁵⁹⁷. Но проведение грани между выделяемыми группами интересов довольно условное, однако это нельзя назвать слабой стороной учения, это целенаправленно заложенная в него особенность, делающая возможной юридическую оценку интересов через «приведение» к «общему знаменателю» для их последующего ограничения и признания. Все интересы – утверждения, ожидания или требования, которые под разными

⁵⁹⁵ Pound R. *Interests of Personality* (начало). P. 345.

⁵⁹⁶ См.: Jhering R. *Der Zweck im Recht / Erster Band*. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel, 1877. S. 467-483; Jhering R. *Law as a Mean to an End / translated by Isaac Husik; with an editorial preface by Joseph H. Drake; with introductions by Henry Lamm and W.M. Geldart*. Boston: The Boston Book Company, 1913.

⁵⁹⁷ Pound R. *Ideal Element in Law*. P. 87-88.

названиями и в разных формах предъявляются людьми – не относятся навсегда к одной из этих трех групп. Они могут рассматриваться и с других точек зрения – как интересы, относящиеся и к другим, отличным от группы, к которой они изначально были отнесены⁵⁹⁸. Но тем не менее инструментальная задача, стоявшая перед мыслителем, заключалась в том, чтобы сделать возможным удовлетворение предъявляемых требований. Этим объясняется попытка Паунда провести «инвентаризацию» интересов и их последующую систематизацию: для удовлетворения нужно знать, что именно предстоит удовлетворить.

Разработку теории интересов Паунд начал с рассмотрения феномена индивидуальных интересов. Их мыслитель классифицировал на три подгруппы: интересы личности (*interests of personality*), семейные интересы (*domestic interests*), имущественные (материальные) интересы (*interests in substance*)⁵⁹⁹. В классификации интересов личности Паунд пошел далее, постаравшись распределить их в три блока: интересы личности как физического существа (*the physical person*)⁶⁰⁰, имея в виду интересы физического существования; интересы чести и репутации⁶⁰¹ и интересы вероисповедания и убеждения⁶⁰². Позже к ним были добавлены еще два блока: один связанный со свободой воли, другой – с конфиденциальностью и эмоциональностью (самолюбием, чувствительностью – *sensibilities*)⁶⁰³.

Интересы личности были выведены Паундом на основе разработанной Гербертом Спенсером системы прав, следующих из идеи и «формулы» справедливости (*l'Idée de Justice, la Formule de la Justice*)⁶⁰⁴: право на физическую неприкосновенность (*le Droit à l'Intégrité physique*)⁶⁰⁵, право на свободу передвижения и перемещения (*les Droits à la Liberté de se Mouvoir et de se*

⁵⁹⁸ См.: *Ibid.* P. 88.

⁵⁹⁹ См.: *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 349.

⁶⁰⁰ См.: *Ibid.* P. 355-365.

⁶⁰¹ Название соответствующей части его работы – «Honor: Reputation». См.: *Pound R. Interests of Personality* (окончание). P. 445-453.

⁶⁰² Название соответствующей части его работы – «Belief and Opinion». См.: *Ibid.* P. 453-456.

⁶⁰³ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5-th ed. Cambridge: The University Press, 1943. P. 98.

⁶⁰⁴ См.: *Spencer H. Justice* / Traduit par M.E. Castelot. Paris: Librairie Guillaumin Et Cie, 1893. P. 38-54.

⁶⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 74-82.

Déplacer)⁶⁰⁶, право пользования природной средой (*les Droits à l'usage des Milieux naturels*)⁶⁰⁷, право собственности (*le Droit de Propriété*)⁶⁰⁸, право на нематериальную собственность (*le Droit à la Propriété Incorporelle*)⁶⁰⁹, право дарить и завещать (*le Droit de Donner et de Léguer*)⁶¹⁰, право на свободу обмена (имеется в виду, главным образом, торговля) и договора (*le Droit d'Échanger et de Contracter librement*)⁶¹¹, право на свободу труда (*le Droit à la Liberté du Travail*)⁶¹², право на свободу убеждений и право на свободу вероисповедания (*le Droit à la Liberté des Croyances et le Droit à la Liberté des Cultes*)⁶¹³, право на свободу слова и право на свободу публикаций (*le Droit à la Liberté de la Parole et le Droit à la Liberté de la Publication*)⁶¹⁴.

Десять указанных прав были сокращены Паундом до семи с утверждением о том, что сам Спенсер это допускал, так как «некоторые из обсуждаемых им прав являются лишь фазами для других»⁶¹⁵. Исходя из этого, к интересам (правам) личности Паунд отнес право на физическую неприкосновенность (*the right to physical integrity*)⁶¹⁶, право на свободу передвижения или на личную свободу (*the right to free motion and locomotion, or the right of personal liberty*)⁶¹⁷, право на использование «естественных средств информации» (*the right to use of natural media*)⁶¹⁸, право собственности (*the right of property*)⁶¹⁹, право на свободу обмена (также имеется в виду, главным образом, торговля) и договора (*the right of free exchange and free contract*)⁶²⁰, право на свободу производства (*the right of free industry*)⁶²¹, наконец, право на свободу вероисповедания и убеждений (*the right of free belief and opinion*)⁶²².

---

⁶⁰⁶ См.: *Ibid.* P. 83-92.

⁶⁰⁷ См.: *Ibid.* P. 93-109.

⁶⁰⁸ См.: *Ibid.* P. 110-120.

⁶⁰⁹ См.: *Ibid.* P. 121-137.

⁶¹⁰ См.: *Ibid.* P. 138-148.

⁶¹¹ См.: *Ibid.* P. 149-155.

⁶¹² См.: *Ibid.* P. 156-159.

⁶¹³ См.: *Ibid.* P. 160-164.

⁶¹⁴ См.: *Ibid.* P. 165-172.

⁶¹⁵ *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 351.

⁶¹⁶ См.: *Ibid.* P. 351-352.

⁶¹⁷ См.: *Ibid.* P. 352.

⁶¹⁸ См.: *Ibid.* P. 352-353.

⁶¹⁹ См.: *Ibid.* P. 353-354.

⁶²⁰ См.: *Ibid.* P. 354.

⁶²¹ *Ibidem.*

⁶²² *Ibidem.*

Подобно Локку, относящемуся к собственности в предельно широком смысле, включающем даже жизнь, Паунд аналогичным образом вслед за Спенсером относился к праву на свободу передвижения (то есть личную свободу): различными аспектами («продолжениями») этого права Паунд считал право на свободу обмена (торговли) и договора, существо которого сводится к своего рода праву на свободу экономического передвижения – праву, выведенному по аналогии с правом на свободу физического передвижения⁶²³; право на свободу производства как особенное проявление права на свободу экономического передвижения⁶²⁴; право на свободу вероисповедания и убеждений⁶²⁵.

Несмотря на то, что Паунд так всеобъемлюще относился к праву на свободу передвижения, понимая под этим личную свободу, мыслитель ни в коей мере не умалял значение права на физическую неприкосновенность. Если до него под физической неприкосновенностью понимались в англо-американском правоведении естественные права на физическую неприкосновенность и личную свободу (свободу передвижения по Спенсеру), то Паунд это понимание существенно расширил. В первую очередь, он конкретизировал это право, подразделив на три: право на неприкосновенность организма от прямого или косвенного повреждения (травмы), право на сохранение и укрепление физического здоровья, право на неприкосновенность воли от принуждения, или, другими словами, на свободу выбора и суждения о своих дальнейших действиях⁶²⁶. Автор предложил далее еще два права: право на неприкосновенность психического здоровья и право на сохранение и укрепление психического здоровья, которые он, другими словами, называет «правом на свободу от раздражения, которое мешает душевному равновесию и комфорту»⁶²⁷. Паунд был убежден, что психические травмы, равно как и ущемление чувств другого человека – интересы (права), которые должны перейти в ранг *legal rights*, то есть должны быть легализованы –

---

⁶²³ См.: *Ibid.* P. 352.

⁶²⁴ См.: *Ibid.* P. 354.

⁶²⁵ *Ibidem.*

⁶²⁶ См.: *Ibid.* P. 355-356.

⁶²⁷ См.: *Ibid.* P. 356.

признаны и обеспечены правовыми средствами, ведь «чувства человека – такая же часть его личности, как и его конечности»⁶²⁸.

В частности, особое внимание уделял Паунд праву на то, «чтобы ... личные дела [человека] не выставлялись на всеобщее обозрение и не обсуждались посторонними»⁶²⁹. Он рассматривал его, с одной стороны, как очередную «фазу» физической неприкосновенности (в широком смысле), проявляющуюся в качестве основы права на неприкосновенность частной жизни⁶³⁰, с другой стороны – как части заинтересованности личности в своей чести и репутации, поскольку такие деяния являются оскорблением личности⁶³¹. «Это нарушает, – утверждал мыслитель, – душевный покой и комфорт человека и может вызвать страдания гораздо более острые, чем те, которые вызваны простой телесной травмой»⁶³². Однако сложность правового обеспечения данного интереса заключается в том, что возникает конфликт между данным правом и правом на свободу слова⁶³³, который Паунд оценивал в том числе и как общественный интерес, что подтверждает стремление автора к всестороннему анализу рассматриваемой им проблематики и общую интенцию ученого на поиск баланса интересов: «общественные интересы в области свободы слова, свободной критики и свободного конфиденциального общения, – призывал он, – должны быть сопоставлены с индивидуальными интересами»⁶³⁴. Но поскольку право не может всецело охватывать сферу всех интересов, оно не в состоянии обеспечить все требования даже в отношении физической и умственной целостности⁶³⁵. На это, по мысли ученого, есть две причины – историческая и практическая. В первом случае речь идет о сложившихся способах правового регулирования данных проблем и тех средств правовой защиты, которые были разработаны для осуществления рассматриваемых интересов (прав)⁶³⁶. Во втором – о значительных по своему объему «практических

---

⁶²⁸ *Ibid.* P. 363-364.

⁶²⁹ *Ibid.* P. 362.

⁶³⁰ *Ibid.* P. 363.

⁶³¹ *Pound R. Interests of Personality* (окончание). P. 449-453.

⁶³² *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 363.

⁶³³ См.: *Ibidem*.

⁶³⁴ *Pound R. Interests of Personality* (окончание). P. 453.

⁶³⁵ *Pound R. Interests of Personality* (начало). P. 364.

⁶³⁶ См.: *Ibidem*.

ограничениях, связанных с отправлением правосудия в соответствии с правом», в частности, в виду сложности доказывания и «адекватного возмещения» причиненного нарушителем интереса (права) вреда⁶³⁷.

Тесно связанный с интересами личности как физического существа – блок интересов чести и репутации. «Люди, – писал Паунд, – будут сражаться, защищая свою честь, не меньше, чем защищая свое физическое существо»⁶³⁸. Честь и репутация – понятия, также относящиеся как к индивидуальным, так и к общественным интересам. Паунд подчеркивал, что пути достижения баланса важно искать и применительно к этим интересам. С одной стороны, честь и достоинство – это части человеческой личности, и в этом смысле индивидуальный интерес (заинтересованность) в чести и репутации, по сути, является имущественным активом (*asset*) личности⁶³⁹. С другой стороны, проблема возникает в связи со столкновением интересов чести и репутации со свободой слова и порождает поиск разумных пределов ограничения последнего. В рассматриваемом контексте вполне целесообразно говорить об общественных интересах в сфере чести и репутации.

Подобным же образом мыслитель рассуждал и об интересах вероисповедания и убеждения. Они, являясь частью и индивидуальных, и общественных интересов, тоже нуждаются во «взвешивании» и балансировании. «Индивид, – свидетельствовал Паунд, – будет бороться за свои убеждения не меньше, чем за свою жизнь и здоровье, равно как и за свою честь»⁶⁴⁰. Между тем нельзя забывать об условности разграничения интересов «тела и жизни» (Г. Спенсер), то есть интересов личности как физического существа, интересов чести и репутации, интересов вероисповедания и убеждения. Из этого следует, что в поиске баланса нужно обращать внимание на факт нарушения (или ненарушения) границ одним интересом других интересов. Если вмешательство в свободу убеждений и свободное выражение их принимает форму вмешательства в свободу

---

⁶³⁷ См.: *Ibid.* P. 365.

⁶³⁸ *Pound R. Interests of Personality* (окончание). P. 445.

⁶³⁹ См.: *Ibid.* P. 445-446.

⁶⁴⁰ *Ibid.* P. 453.

личности как физического существа, приоритет должен отдаваться пониманию данных интересов как индивидуальных, а значит в таком случае индивидуальный интерес будет доминировать над общественным. В остальных случаях, вероятно, общественный интерес будет более значительным⁶⁴¹.

В то же время Паунд однозначно провозглашал, что «свободное проявление своих умственных и духовных способностей – это большая часть жизни»; она может стать самой большой частью жизни «по мере развития цивилизации»: «Ни о ком, – подчеркивал ученый, – кто ограничен в этом отношении, нельзя сказать, что он живет полноценной моральной и социальной жизнью»⁶⁴². Любопытно, что в этом мыслитель также видел общественный интерес. Общество, с его точки зрения, заинтересовано в том, чтобы его члены жили полноценной во всех отношениях жизнью. Паунд пытался разрушить (или, во всяком случае, развернуть немного в непривычную для англо-американского юриста сторону) стереотипность юридического мышления, относящегося ко всем подобным вопросам исключительно в традиции, заложенной Биллем о правах (1791) – как к индивидуальным интересам⁶⁴³.

Однако вопросы правового обеспечения свободы вероисповеданий и убеждений непросты. Юридическое воздействие на реализацию субъектом своего интереса вероисповедания и убеждения осложнено тем, что эти вопросы носят глубоко личный, интимный характер. Нельзя запретить человеку верить, равно как нельзя ему каким-либо правовым образом заставить быть убежденным в чем-либо. Потому Паунд и пришел к выводу, что невозможно юридически регламентировать вопросы веры как внутреннего дела каждого до тех пор, пока вера не проявится внешне. Это обусловлено тем, что право не имеет возможности функционировать в отношении «субъективных состояний как таковых» – оно может реагировать

---

⁶⁴¹ См.: *Ibidem*.

⁶⁴² *Ibidem*.

⁶⁴³ См.: Билль о правах от 15 декабря 1791 года (перевод В.А. Томсинова) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 150-153.

Так, в соответствии с Поправкой I к Конституции Соединенных Штатов Америки: «Конгресс не должен издавать никакого закона относительно установления религии или запрещающего ее свободное исповедание, или ограничивающего свободу слова или печати; или право народа мирно собираться и обращаться с петицией к правительству для удовлетворения жалоб» (перевод В.А. Томсинова). См.: *Там же*. С. 151.

только на действия⁶⁴⁴. И когда вера или убеждение начинают проявляться вовне посредством определенных действий субъекта и тем самым причиняют ущерб общественным отношениям, приоритет, считал Паунд, нужно отдать общественным интересам⁶⁴⁵. Например, такое возможно, когда человек, верящий в исцеление, противодействует надлежащему оказанию медицинской помощи его иждивенцам или не сообщает о наличии у него инфекционного заболевания, тогда общественный интерес в области безопасности и надлежащего лечения иждивенцев имеют приоритет над индивидуальным интересом данного лица⁶⁴⁶. Аналогично и в случае, когда государство переживает кризисные фазы в своем развитии и его существование ставится под угрозу, – публичный интерес должен перевесить индивидуальный и любой иной общественный (имея в виду интересы тех или иных социальных групп)⁶⁴⁷.

Другая подгруппа индивидуальных интересов, на которые Паунд обратил пристальное внимание – семейные интересы. Мыслитель и их рассматривал и как индивидуальные, и как общественные. «Важно различать, – писал он в начале статьи «Индивидуальные интересы в семейных отношениях», – индивидуальные интересы в семейных отношениях от общественных интересов к семье и браку как к социальным институтам»⁶⁴⁸. Феномен семейных интересов обусловлен особой природой семейных отношений и семьи как особой ячейки общества. Эти интересы тесно связаны с интересами личности. Данная связь носит двойственный характер: она как духовная, так и экономическая. Между тем нужно учитывать, что в рамках семьи протекает не только жизнь семьи как коллектива, общества (коллективный аспект), но также и индивидуальная жизнь каждого его члена (индивидуальный аспект). В этом контексте Паунд говорил об индивидуальном духовном и

---

⁶⁴⁴ См.: *Pound R. Interests of Personality* (окончание). P. 456.

⁶⁴⁵ Паунд такую идею выдвигал в отношении рассматриваемого им хрестоматийного примера с соотношением ереси и богохульства. По его мнению, если первое связано исключительно с верой и убеждением, то второе как может быть проявлением первого (и в этом смысле иметь связь с верой и убеждением), так и нет. «Но если это заходит дальше и активно нарушает общественный покой или шокирует моральные чувства общества, общественные интересы, – писал мыслитель, – должны перевесить (*must be weighed over*) индивидуальные интересы» (*Ibid.* P. 455).

⁶⁴⁶ См.: *Ibidem*.

⁶⁴⁷ См.: *Ibid.* P. 456.

⁶⁴⁸ *Pound R. Individual Interests in the Domestic Relations* // *Michigan Law Review*. Vol. XIV. 1916. № 3. P. 177-196.

индивидуальном экономическом существовании и призывал более внимательно исследовать последнее, с его точки зрения, имеющее большое значение именно с позиций общественного интереса⁶⁴⁹.

Паунд рассматривал индивидуальные семейные интересы также в качестве прав (требований), которые юридически обеспечиваются или должны быть таким образом обеспечены. Такие требования он дифференцировал, рассматривая, с одной стороны, требования членов семьи друг к другу, с другой стороны требования членов семьи к «остальному миру» – ко всем иным субъектам⁶⁵⁰. Если последние требования право пытается всячески урегулировать, чтобы не допустить вмешательства в семейные отношения посторонних, то требования членов семьи друг к другу, по его убеждению, право никогда и не пыталось в полной мере урегулировать⁶⁵¹.

В семейных отношениях, по мнению мыслителя, существует четыре вида индивидуальных интересов в зависимости от заинтересованного в них субъекта: интересы родителей (в рамках так называемых «родительских» отношений), интересы детей (в рамках так называемых «сыновних» отношений), интересы мужей и интересы жен (в рамках супружеских, брачных отношений)⁶⁵². Большая часть выделенных Паундом интересов дифференцирована на требования в отношении того или иного члена семьи и требования в отношении ко всем иным субъектам. Так, Паунд выделял требования (интересы) родителей, направленные «ко всему миру»⁶⁵³, требования (интересы) детей, направленные к родителям⁶⁵⁴, взаимные требования (интересы) супругов друг другу и «ко всему миру»⁶⁵⁵. Стоит заметить, что Паунд не обращал внимания на такие требования (интересы), которые предъявляются родителями к детям и детьми «ко всему миру». Детально проанализировав эти четыре вида интересов в рамках семейных отношений, а также их обеспеченность действующим на тот момент позитивным правом, Паунд

---

⁶⁴⁹ См.: *Ibid.* P. 177, 178.

⁶⁵⁰ См.: *Ibid.* P. 179.

⁶⁵¹ См.: *Ibidem.*

⁶⁵² См.: *Ibid.* P. 181.

⁶⁵³ См.: *Ibid.* P. 181-182.

⁶⁵⁴ См.: *Ibid.* P. 185-186.

⁶⁵⁵ См.: *Ibid.* P. 188, 190-192, 193.

пришел к выводу, что интересы родителей и мужей защищены лучше, чем интересы детей и, соответственно, жен⁶⁵⁶.

Имущественные (материальные) интересы составляют завершающую подгруппу индивидуальных интересов. К ним Паунд отнес такие интересы, как собственность (*property*), свободу производства и свободу договора (*freedom of industry and contract*), выгодные (полезные) отношения с иными субъектами права (*advantageous relations with others*), а также обещанные преимущества или блага (*promised advantages*)⁶⁵⁷. Концептуально эти интересы охватывают ключевые аспекты экономической стороны жизни человека в обществе. Как от интереса в господстве лица над вещью и обеспечивающего его права, от собственности зависит в целом материальная основа существования человека. От свободы договора и производства – возможность формировать эту основу по своему усмотрению, выбрав определенную профессию или деятельность в качестве источника благосостояния и средства (пространства) для самореализации. Человек в процессе своей жизнедеятельности неизбежно вступает в различные отношения, которые в том числе преследуют экономическую выгоду – будь то личные, семейные или официальные, деловые – во всяком случае, такие отношения нуждаются в правовой защите от вмешательства третьих лиц, а значит представляют собой интерес⁶⁵⁸. Наконец, жизнь человека в капиталистическом обществе со сложной организацией экономики невозможно представить без своего рода кредитных обязательств, поскольку правопорядок основывается на различных обещаниях и соответствующих им ожиданиях, вносящих определенность и предсказуемость в социальную жизнь⁶⁵⁹.

Общественные интересы – на первый взгляд, более сложный феномен. Их Паунд анализирует в работе «Теория общественных интересов»⁶⁶⁰ («*A Theory of*

---

⁶⁵⁶ *Ibid.* P. 196.

⁶⁵⁷ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 3-rd ed. P. 80-82; *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5-th ed. P. 99-102.

⁶⁵⁸ См.: *Pound R. Introduction to the Philosophy of Law*. P. 191-192.

⁶⁵⁹ *Pound R. Individual Interests of Substance: Promised Advantages* // *Harvard Law Review*. Vol. 59. 1945. № 1. P. 1-2.

⁶⁶⁰ *Pound R. Theory of Social Interests* // *Papers and Proceedings Fifteenth Annual Meeting American Sociological Society* (Held in Washington, D.C., December 27-29, 1920). Chicago: The University of Chicago Press, 1920. P. 16-45.

Social Interests», 1920), которая была переработана и заново опубликована под названием «Обзор общественных интересов»⁶⁶¹ («*A Survey of Social Interests*») в 1943 году⁶⁶², хотя существенных изменений внесено не было, ее сердцевина – «схема» основных общественных интересов – осталась той же. Несмотря на критическое настроение к сложившемуся на практике пониманию социальных интересов как бессодержательной концепции «публичной (государственной) политики» (*public policy*)⁶⁶³, Паунд фактически взял за основу выработанные в рамках нее «основные типы политики» (*general types of policies*) – общая безопасность, безопасность социальных институтов, общая мораль, – и дополнил их еще тремя видами общественных интересов – сохранением социальных (социально значимых) ресурсов, общим прогрессом, индивидуальной жизнью. В совокупности эти виды интересов, с точки зрения мыслителя, раскрывают фундаментальные потребности, которые возникают в связи с социальной жизнью в цивилизованном обществе.

К общественным интересам исторически в первую очередь относится интерес в обеспечении общей безопасности. Продолжая традицию, заложенную Гоббсом, Гроцием и Монтескье, Паунд полагал, что интересы должны быть обеспечены от угрожающего существованию людей поведения. Для мыслителя безопасность людей, согласно известному принципу, – высший закон (*the highest law*)⁶⁶⁴. При этом мыслитель интерпретирует общую безопасность в широком смысле, включая в нее не только физическую безопасность, но и состояние здоровья, мир и общественный порядок, безопасность приобретений и сделок⁶⁶⁵. Такое понимание общественного интереса – необходимое условие для дальнейшего выделения иных видов (смыслов) понимания общественных интересов.

⁶⁶¹ Pound R. Survey of Social Interests // Harvard Law Review. Vol. LVII. 1943. № 1. P. 1-39.

⁶⁶² Паунд пошел на этот шаг в связи с тем, что работа «*A Theory of Social Interests*» вышла из печати и стала недоступна для читателей: «в ответ на многочисленные просьбы, – отметил он в статье “*A Survey of Social Interests*”, – мне показалось правильным полностью ее переписать, чем просто перепечатать» (*Ibid.* P. 1. Note).

⁶⁶³ Pound R. Theory of Social Interests. P. 20 et seq. Pound R. Survey of Social Interests. P. 6-8.

⁶⁶⁴ См.: Pound R. Theory of Social Interests. P. 33.

⁶⁶⁵ См.: Pound R. Survey of Social Interests. P. 17-18.

По существу, конкретизируя общую безопасность, Паунд выделяет в качестве общественного интереса безопасность социальных институтов (*the security of social institutions*). По мнению мыслителя, это «требование цивилизованного общества о том, чтобы его фундаментальные институты были защищены от тех форм действий и моделей поведения, которые угрожают их существованию или ухудшают их эффективное функционирование»⁶⁶⁶. По сравнению с общей безопасностью, в вопросах социальных институтов акцент смещается с абстрактного понимания разных форм безопасности на безопасность конкретных институтов, выделенных по четырем сферам в хронологическом порядке их юридического признания и защиты – семейной, религиозной, политической и экономической⁶⁶⁷.

Общая мораль – третий вид общественных интересов. Она представляет собой феномен, который выдвигает требование защищенности общества от «действий или способов поведения, оскорбляющих моральные чувства большинства его членов на данный момент»⁶⁶⁸. Поскольку аморальное (непристойное) поведение влечет иные, более тяжкие противозаконные последствия, защите моральных устоев (добрых нравов, *boni mores*) всегда отводилось значимое место в правовом регулировании общественных отношений, в том числе связанных с борьбой с недобросовестным поведением, коррупцией и так далее⁶⁶⁹.

Между тем общественным интересом является защита социально значимых (социальных) ресурсов. «Блага существования (*the goods of existence*), – утверждал мыслитель, – не должны расходоваться впустую... там, где человеческие потребности не могут быть удовлетворены ввиду бесконечности индивидуальных желаний и ограниченности естественных средств их удовлетворения, последние должны быть направлены на их длительное сохранение»⁶⁷⁰. С этой целью необходимо ограничить такое поведение, которое произвольно злоупотребляет

⁶⁶⁶ Pound R. Theory of Social Interests. P. 35.

⁶⁶⁷ См.: Pound R. Survey of Social Interests. P. 21-25.

⁶⁶⁸ Pound R. Theory of Social Interests. P. 37.

⁶⁶⁹ См.: Pound R. Survey of Social Interests. P. 25-26.

⁶⁷⁰ Pound R. Theory of Social Interests. P. 38.

своими возможностями в данной изначально ограниченной сфере. Прежде всего мыслитель имел в виду рациональное использование природных ресурсов, охрану окружающей среды. Но эти ресурсы, имеющие социальное значение, не исчерпываются. Паунд называл их именно социальными, поэтому ограничение природными ресурсами не соответствовало бы самому названию интереса. Ученый подчеркивал значение и человеческих ресурсов (*human assets*), в чем общество, пожалуй, более всего заинтересовано. Этим интересом мыслитель охватывал в том числе такие вопросы, как реабилитация искалеченных, защита и обучение иждивенцев и лиц с ограниченными возможностями и так далее⁶⁷¹.

В качестве пятого общественного интереса Паунд выделил общий прогресс. Для его учения, испытавшего значительное влияние неогегельянства, прогресс представляет собой постоянное совершенствование человечества, в постоянно растущем господстве (а именно – контроле) человека над природой в целях удовлетворения потребностей общества⁶⁷². Этот интерес в общем прогрессе проявляется в трех формах: в форме интереса к экономическому прогрессу, в форме интереса к политическому прогрессу и в форме интереса к культурному прогрессу. Каждую форму мыслитель раскрывал через призму так называемых курсов (линий) развития публичной политики, общие тенденции осуществления которой подтверждали необходимость их выделения в качестве отдельных форм. Например, экономический прогресс ученым раскрывается через констатацию политики (принципа) свободы собственности от ограничений на продажу или использование, свободной торговли и борьбы с монополией, свободной промышленности, поощрения изобретений; политический прогресс – свободной критики государственных деятелей и их решений, свободу выражения политического мнения; культурный прогресс – свободную науку, свободу переписки, поощрение искусства, литературы и образования⁶⁷³.

Среди выделяемых мыслителем видов общественных интересов последнее – общественный интерес в индивидуальной жизни (*the social interest in the individual*

⁶⁷¹ См.: *Pound R. Survey of Social Interests*. P. 26-30.

⁶⁷² См.: *Pound R. Theory of Social Interests*. P. 39.

⁶⁷³ См.: *Pound R. Survey of Social Interests*. P. 30-33.

life) – имеет наибольшее значение. Общество, по Паунду, заинтересовано в том, чтобы каждый его член мог жить в соответствии со стандартами этого общества, не ниже определенного им уровня *minimum minimorum*⁶⁷⁴. Поскольку не все индивидуальные интересы могут быть удовлетворены в полном объеме, общественный интерес в индивидуальной жизни требует разумного и максимально возможного удовлетворения максимально возможного количества индивидуальных интересов максимально возможного числа людей с минимальным ущербом другим интересам. Из такого понимания общественных интересов следует, как минимум, два значимых момента, в сущности, сводящихся к сторонам свободы индивидуальной воли: во-первых, индивидуальная воля человека не должна подчиняться воле другого человека; во-вторых, любые юридические ограничения в целях обеспечения интересов других лиц должны оставить индивиду «гарантированную возможность человеческого существования»⁶⁷⁵. В системе прецедентного права этот интерес, считал мыслитель, также проявляется в трех формах: в форме индивидуального самоутверждения (*individual self-assertion*), сводящейся к физической, умственной, экономической активности, обусловленной признанием свободы индивидуальной воли; в форме индивидуальных возможностей (*individual opportunity*), раскрываемых как притязания на разумные (*reasonable*) или справедливые, равные (*equal*) политические, физические, культурные, социальные, экономические возможности; в форме индивидуальных условий жизни (*individual conditions of life*), аналогично сводящихся к требованиям хотя бы о минимальных, но оптимально о разумных (*reasonable*) или справедливых, равных (*equal*) условиях жизни в определенное время в конкретном месте⁶⁷⁶.

Публичные интересы (*public interests*) – последняя группа выделяемых мыслителем интересов. Данному вопросу посвящена статья «Обзор публичных интересов»⁶⁷⁷ («*A Survey of Public Interests*», 1945), написанная Паундом в раскрытие конспекта его лекций⁶⁷⁸. Публичные интересы представляют собой

⁶⁷⁴ См.: *Pound R. Theory of Social Interests*. P. 41.

⁶⁷⁵ *Ibidem*.

⁶⁷⁶ См.: *Pound R. Survey of Social Interests*. P. 33-39.

⁶⁷⁷ *Pound R. Survey of Public Interests // Harvard Law Review*. Vol. LVIII. 1945. № 7. P. 909-929.

⁶⁷⁸ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5-th ed. P. 102-103.

совокупность требований государства (политической организации общества), следующих из факта его существования и связанных с его эффективным функционированием⁶⁷⁹. Хотя в действительности эти требования заявляются теми, кто выступает носителем политической (прежде всего государственной) власти, поскольку они «легко отождествляют себя с личностью государства и рассматривают любую угрозу своему пребыванию у власти как угрозу существованию государства»⁶⁸⁰, тем не менее именно государство как политическая организация общества выступает либо как субъект права (*a juristic person*, юридическое лицо в понимании юридического субъекта), либо как гарант социальных интересов (*a guardian of social interests*). Эти две ипостаси государства определяют выделение двух подгрупп публичных интересов – интересов государства как субъекта права и интересов государства как гаранта социальных интересов. При этом интересы государства как субъекта права подразделены на личные интересы (*personality*) и на имущественные (материальные) интересы (*substance*)⁶⁸¹.

Интересы государства как личности (*personality*) в интерпретации мыслителя сводятся к безопасности, эффективному функционированию и достоинству политической организации. Для определения конкретных прав, в которых выражаются интересы государства как личности (*personality*), мыслитель обратился к международному праву. В нем он обнаружил и выделил четыре права, которые раскрывают эту совокупность интересов: право на самосохранение и независимость (*the right of self-preservation and independence*); право на монопольное законодательство и юрисдикцию на своей территории (*the right of exclusive legislation and jurisdiction within its territory*); права на равенство, достоинство, представительство, включая право направлять и принимать дипломатических представителей (*rights of equality and dignity and rights of legation, sending and receiving diplomatic representatives*); а также права собственности (*rights of property*), но не в значении, позволяющем их отнести к имущественным

⁶⁷⁹ См.: *Pound R. Survey of Public Interests*. P. 909.

⁶⁸⁰ См.: *Ibid.* P. 912-913.

⁶⁸¹ См.: *Pound R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. 5-th ed. P. 103.

(материальным) интересам, а в значении, восходящем к новоевропейскому пониманию государства как абсолютного, единоличного суверена, который обладал властью (*imperium*), распространяющейся на все, что находилось на его территории⁶⁸².

Правовой иммунитет государства является еще одним выражением его интересов как субъекта права (личности, *personality*). Эти юридически закрепленные привилегии выступают в качестве ограничений правомочий (Паунд использовал термин «*power*») частных лиц (*individuals*) по реализации их претензий к государству. Паунд считал, что такими ограничениями обеспечивается достоинство государства, поскольку в основу таких правил заложено качество, следующее из природы публичной власти, – так называемая «королевская прерогатива нечестности» («*a royal prerogative of dishonesty*»). В частности, правовой иммунитет государства, с точки зрения ученого, сводится к пяти привилегиям (фазам, *a phase*), которые он вывел, исходя из анализа огромного массива судебных решений. Во-первых, государство не может быть привлечено к ответственности без его согласия, а данное им согласие может быть отозвано до рассмотрения любого спора по существу⁶⁸³; во-вторых, невозможно произвести зачет встречных однородных требований или предъявить встречный иск в отношении государства⁶⁸⁴; в-третьих, на государство не распространяется действие доктрины эстоппеля (запрета противоречивого поведения)⁶⁸⁵; в-четвертых, необоснованная задержка, промедление, которое может рассматриваться как наносящее ущерб (доктрина *laches*), не распространяется на государство⁶⁸⁶; наконец, в-пятых, следующее из принципа *Nullum tempus occurrit regi* (время не идет против короля) правило о том, что на государственные требования не распространяется исковая давность⁶⁸⁷.

⁶⁸² См.: *Pound R. Survey of Public Interests*. P. 910-912.

⁶⁸³ В оригинале: «The state is not suable without its consent and may withdraw that consent pending suit». См.: *Pound R. Survey of Public Interests*. P. 917.

⁶⁸⁴ В оригинале: «There is no set-off or counterclaim against the state». См.: *Ibid.* P. 920-921.

⁶⁸⁵ В оригинале: «There [is] no estoppel against the state». См.: *Ibid.* P. 921.

⁶⁸⁶ В оригинале: «It has been the rule that laches does not apply against the state». См.: *Ibid.* P. 923.

⁶⁸⁷ В оригинале: «Limitation of actions does not apply to the state». См.: *Ibid.* P. 924.

Имущественные (материальные) интересы государство преследует как корпорация. По мнению мыслителя, государство притязает на собственность для своих корпоративных целей. Если применительно к интересам государства как субъекта права (*personality*) Паунд утверждал о собственности как об *imperium* (сюда, например, относится власть над всеми социальными (социально-значимыми) ресурсами), то в отношении имущественных (материальных) интересов он говорил, скорее, как о *dominium*⁶⁸⁸.

Наконец, интересы государства как гаранта социальных интересов сводятся целиком к социальным интересам. Паунд полагал, что государство должно осуществлять «опеку», «попечительство» над этими интересами (он использовал термин «*guardianship*», который дословно именно так и переводится). Мыслитель сам признавал, что эта группа публичных интересов в строгом смысле слова не относится к публичным интересам, а сущностно представляет собой совокупность социальных интересов, находящихся под покровительством государства как политической организации общества⁶⁸⁹. Эта позиция мыслителя на первый взгляд вызывает большие вопросы, связанные с индивидуальными интересами, поскольку, кажется, что он просто забыл их указать, когда выводил интересы государства как гаранта интересов в отдельную группу. Хотя на самом деле это не является недочетом в его учении, поскольку Паунд признавал, что социальный интерес нацелен именно на индивидуальный интерес.

Отсутствие четких контуров, по которым можно разграничить общественный интерес от публичного, равно как и индивидуальный от общественного, может показаться одной из трудностей теории интересов мыслителя. С одной стороны, рассматривая публичный интерес как интерес государства как гаранта общественных интересов, Паунд, по существу, ставит знак равенства между данными группами интересов. С другой, Паунд фактически представил общественный интерес как способ теоретического обоснования обеспечения индивидуального интереса. Поэтому нельзя утверждать, что грани между разными

---

⁶⁸⁸ См.: *Ibid.* P. 910.

⁶⁸⁹ См.: *Ibid.* P. 926-928.

группами интересов стерты. Они изначально и, вероятно, даже целенаправленно были размыты мыслителем. В этом вопросе критика, основанная на аргументе об отсутствии четких границ между ними, методологически слаба и в некоторой мере высокомерна, она явно недооценивает выдающийся интеллектуальный потенциал Паунда.

Логика разработки теории интересов сводилась к тому, чтобы в начале определиться с совокупностью всех известных и наблюдаемых интересов, а затем оценивать их, признавать, ограничивать, разграничивать, «взвешивать» и производить тому подобные действия. В этом Паунд видел порожденное вечной для юриспруденции, постоянно актуализирующейся необходимостью эффективного правового регулирования практическое назначение теории интересов. Но, прежде чем «взвешивать» или «сравнивать» интересы, считал мыслитель, их нужно привести, говоря языком математики, к общему знаменателю, поэтому центральная идея, на которой основана предложенная Паундом методика, заключалась в том, чтобы «взвешивать интересы в одной плоскости»⁶⁹⁰. Этим «общим знаменателем» служит общественный интерес как наиболее обобщенная форма всякого интереса (поэтому его можно рассматривать как родовое понятие в отношении индивидуальных и публичных интересов – в сущности, зарубежные интерпретаторы так и оценивают предложенную мыслителем схему интересов⁶⁹¹). Если обобщать интересы и рассматривать их как общественные, то при их оценке можно не только грамотно учитывать общественные интересы в индивидуальной жизни, но и в необходимых случаях «править» их потенциальное или реальное юридическое содержание, поскольку, как минимум, признание нового интереса требует «корректировки» уже признанного. В этом проявляется инструментальное значение теории интересов, позволяющей непосредственно осуществлять социальную инженерию – удовлетворять, согласовывать, гармонизировать и корректировать пересекающиеся и часто противоречащие притязания и требования

⁶⁹⁰ См.: *Pound R. Survey of Social Interests*. P. 2.

⁶⁹¹ *McLean E.B. Roscoe Pound's Theory of Interests and the Furtherance of Western Civilization // Il Politico*. Vol. 41. 1976. № 1. P. 14-16; *Di Filippo T. Pragmatism, Interest Theory and Legal Philosophy: the Relation of James and Dewey to Roscoe Pound // Transactions of the Charles S. Peirce Society*. Vol. 24. 1988. № 4. P. 487-488; и др.

путем их признания, разграничения и обеспечения. Это не только делает возможным эффективную профессиональную деятельность, но и позволяет моделировать различные сценарии правового регулирования и правоприменения, выбирать наиболее адекватные из них и на их основе определять долгосрочные стратегии правового развития⁶⁹².

Такой подход выступает в качестве практико-ориентированной методики, на которой основывается осуществляемое в триаде «цель – средство – результат» юридическое мышление. Его эмпирической основой служат интересы, система которых обладает формальной устойчивостью при содержательной гибкости: хотя виды интересов и статичны, их рассмотрение с функциональной точки зрения раскрывает их как явления динамические, зависящие от социально-исторического контекста, определяющего принадлежность конкретного интереса к той или иной группе индивидуальных, общественных, публичных интересов. Если исторически, особенно в XX веке, вся политическая и юридическая риторика велась вокруг соотношения общего (общественного, публичного) и частного (личного, индивидуального) и зачастую вырождалась в идеологическую конфронтацию сторонников превалирования одного над другим, то Паунд своей теорией сумел прервать этот порочный спор, предложив умеренную (в противовес радикальной, основанной на строгом противопоставлении) интерпретацию общего и частного, сконцентрировавшись на *nervus rerum* общего – создании условий для частного.

§ 3.2. Понятие «law»⁶⁹³

Произошедший в XX веке лингвистический поворот, который перенес рассмотрение ключевых проблем социогуманитаристики в плоскость исследований языка, находит отражение и в теоретических юридических науках. Выношенная в философии идея о том, что осмысление явлений окружающего мира

⁶⁹² См. *Pound R. Survey of Social Interests*. P. 3, 10.

⁶⁹³ Материал настоящего параграфа был подготовлен с использованием следующих публикаций автора: Меликовский А.А. Право как средство социального контроля в учении Роско Паунда // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 8. С. 55-57; Меликовский А.А. Роско Паунд: «право в книгах» и «право в действии» // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 10. С. 64-67; Меликовский А.А. Понятие «*legal right*» в традиции системы *common law* // *Понятие права: история и теория* (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта) / отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 221-230.

зависит от находящегося в распоряжении языкового аппарата, для правоповедения оказывается краеугольным камнем, поскольку точность используемой терминологии имеет принципиальное значение как для истинных с формально-логической точки зрения умозрительных изысканий, так и для определяемых ими начал, раскрываемых в рамках практической деятельности, посредством которой абстрактные юридические конструкции наполняются конкретикой. Язык, словами которого мыслится национальное право, очерчивает границы и специфику правопознания, обуславливая лингвокультурными особенностями сами правовые феномены и основу их постижения – соответствующий стиль юридического мышления.

Лингвокультурная обусловленность знания проявляется главным образом в смысловом несовпадении на первый взгляд идентичных понятий. Это связано с присущей языку семантической многозначностью, которая сохраняется даже в случае, когда слово начинает использоваться в качестве специального научного термина. Подобная неоднозначность неизбежно влечет затруднения в социогуманитарном познании, что наиболее ярко видно при исследовании зарубежного опыта. Диалог представителей различных (в том числе правовых) культур возможен только при условии корректного понимания понятий, учета изначальной социально-исторической среды, в которой они сформировались. И хотя с позиций современности, когда ввиду тенденции глобализации⁶⁹⁴ континентальное и англо-американское право кажутся схожими, испытавшими на себе взаимную рецепцию большого количества норм и институтов, эти затруднения по-прежнему остаются фундаментальными и требуют усилий для их преодоления.

Культурно-правовые различия между юридическими языками романо-германского мира и системы *common law* начинаются с исходных, самых базовых и основополагающих понятий. К числу таковых относится само понятие права. Охватывая весь предмет юриспруденции, оно отличается предельной

---

⁶⁹⁴ См., например, *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2021.

многосложностью и неопределенностью своего содержания, в силу чего любое его использование требует обязательной конкретизации смысла, в котором оно употребляется. Эта необходимость подтверждается тем, что, как справедливо отмечает В.В. Лапаева, «под словом “право”, снабженным разными эпитетами, ... каждый раз понимаются совершенно различные феномены, не имеющие друг с другом ничего общего»⁶⁹⁵. На признании этого факта строятся теоретические юридические науки, для которых вопрос о том, что представляет собой право, методологически предопределяет их концептуальное построение⁶⁹⁶.

Центральное место в англо-американской юриспруденции занимает понятие «*law*». Подобно русскому «праву», оно обозначает одновременно и специфическое социальное явление, и науку, его изучающую. Как специфическое социальное явление, «*law*» переводится на русский язык как право в объективном смысле, закон (в традиции противопоставления права и закона⁶⁹⁷). Нередко этим же понятием обозначается система подготовки юристов и сама юридическая профессия, равно как суд, обращение в суд и так далее⁶⁹⁸. В отличие от русского «право», в содержание «*law*» не входят идеи справедливости и правильности; эти смыслы заложены в понятие «*right*». Однако в языках континентальной Европы, в противоположность английскому, существует два понятия, дихотомия которых сыграла концептуальную роль в национальных юридических науках государств романо-германской правовой системы. Речь идет о понятиях «право» и «закон», «*ius*» и «*lex*», «*Recht*» и «*Gesetz*», «*droit*» и «*loi*», «*diritto*» и «*legge*», «*derecho*» и «*ley*». «Различия между частным, конкретным и общим, абстрактным смыслами термина [право], – писал шотландский профессор Д. Уолкер, – заметны в тех языках, которые пользуются одним словом для выражения частного, конкретного смысла (*lex, lois, Gesetz, legge, ley*) и другими для выражения общего, абстрактного смысла (*jus, droit, Recht, diritto, derecho*)... В этих языках термин “право”,

⁶⁹⁵ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. С. 20

⁶⁹⁶ См. об этом: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 27.

⁶⁹⁷ См. об этом: Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений / отв. ред. Л.С. Мамут. М.: Наука, 1983.

⁶⁹⁸ См.: Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 219-222.

используемый в общем, абстрактном смысле, обозначает также идеи правого и справедливого, а это, в свою очередь, создает дополнительные возможности для путаницы смыслов»⁶⁹⁹. Свидетельствуя о верности мысли ученого, О.В. Мартышин добавил, что «русские слова “закон” и “право” принадлежат к тем же двум рядам терминов»⁷⁰⁰.

Отличия между этими понятиями не только сводятся к семантической составляющей. Паунд считал, что за ними стоят две различные идеи права, отражающие традиционный и императивный элементы правовой системы. Свои размышления по этому вопросу он изложил в работе «Теории права» («*Theories of Law*», 1912)⁷⁰¹. В основе этих двух идей, полагал мыслитель, лежат диаметрально противоположные основания действительности (*validity*) правовых норм. Идея «закона», выражающая императивный элемент, укоренена в воле суверена и мощи государства; она доминирует в те исторические эпохи, когда правовое развитие происходит благодаря правоустановительной деятельности государства. Идея «права», воплощающая традиционный (привычный, *habitual*) элемент, напротив, обосновывает юридическую силу правил со ссылкой на этику и соответствие правовым идеалам; она превалирует в те времена, когда право находится в стадии формирования и развития посредством «юридических спекуляций» и «неимперативных факторов»⁷⁰².

Вместе с тем серьезные отличия между данными идеями не препятствуют их исторической взаимосвязи: первоначально установленные государством правила становятся традиционными принципами, которые получают развитие в правоприменительной практике и юридической науке и снова находят отражение в законодательных актах. Процесс такого взаимовлияния и последовательное чередование периодов развития права стали причиной постепенной замены одной идеи другой, отчего подвергалось изменению и понятие, охватывающее сферу правового. Например, для обозначения английского права в период его зарождения

⁶⁹⁹ Walker D.M. Oxford Companion to Law. Oxford, 1980. P. 717. Цит. по: Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 182.

⁷⁰⁰ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 182.

⁷⁰¹ Pound R. Theories of Law // The Yale Law Journal. Vol. 22. 1912. № 2. PP. 114-150.

⁷⁰² См.: Ibid. P. 114-116.

использовалось понятие «*ius*», но стоящая за таким правом могущественная центральная власть придавала ему силу установленного права, скрывая его этическое содержание и логическую форму, а значит в качестве основания действительности английского права служила императивная идея⁷⁰³. На Континенте ситуация обстояла иначе: до Фомы Аквинского в качестве общего термина, содержательно вбирающего в себя все правовые явления, использовалось «*ius*», итальянский мыслитель же заменил «*ius*» на «*lex*», пока голландский юрист Гроций не вернул в словоупотребление понятие «*ius*». «Начиная с его времени, – утверждал Паунд, – континентальные юристы говорят о праве в целом, используя *ius* или его эквиваленты в современных языках»⁷⁰⁴. Соответствующая этому термину этическая идея господствовала в европейской науке вплоть до середины XVIII века, когда начала распространяться тенденция кодификации позитивного права, и полноценно отошла на второй план только во времена Иеринга. Однако в то время, когда континентальные (преимущественно немецкие) юристы постепенно возвращались к императивным началам, англоязычные юристы (начиная с Остина, непосредственно испытавшего влияние немцев) отходили от них⁷⁰⁵.

В американских условиях, когда национальное право то приближалось к английскому или континентальному праву, то отдалялось от них, этот поворот отразился стремительным развитием юридической науки. Но поскольку за периодом взлета и расцвета диалектически следует стадия кризиса, американская юриспруденция начала XX века закономерно превратилась в дисциплинарно замкнутое, ориентированное на себя и собственные догматические конструкции знание, оторванное от социальной реальности. Это было результатом периода, когда суммирование «результатов юридической деятельности прошлого», детализация или корректировка законодательства заняли место творческой юридической деятельности, полноценно характерных лишь в два периода истории *common law* – в его классический период (конец XVI – начало XVII вв.), перед

---

⁷⁰³ См.: *Ibid.* P. 122.

⁷⁰⁴ *Ibid.* P. 126.

⁷⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 139.

которым стояла задача анализа права прошлого и создания «системы для будущего», и период «правового развития Америки, завершившийся гражданской войной» (окончание этого периода роста Паунд датирует 1875 годом), когда необходимо было выявить, какие институты английского права прижились в Соединенных Штатах, а какие нет⁷⁰⁶.

Сложившаяся в начале прошлого века ситуация, названная Паундом в 1908 году «механической юриспруденцией»⁷⁰⁷, стала отправной точкой для формулировки ученым одной из наиболее известных его идей – противопоставления «права в книгах» («*law in books*») и права в действии («*law in action*»). Будучи деканом юридического колледжа Университета Небраски (*University of Nebraska College of Law*), Паунд принял участие в четырнадцатом ежегодном съезде ассоциации юристов (*the Bar Association*) штата Мэриленд, который проходил с 7 по 9 июля 1909 года в небольшом городке Олд Поинт Комфорт (*Old Point Comfort*) в штате Вирджиния. В последний день данного мероприятия он выступил со знаменитой речью, в которой не просто противопоставил два различных «права», дав им авторские названия, но, в сущности, призвал к преодолению сложившегося кризиса путем функционального исследования права.

Знаменитость данной речи подтверждается не только огромным количеством ссылок на нее, но и тем, что она была опубликована трижды, причем дважды в полной версии – сначала в сборнике докладов по итогам съезда⁷⁰⁸, а затем в январско-февральском номере журнала «*The American Law Review*»⁷⁰⁹ в 1910 г. – и один раз сокращенно – 2 октября 1909 г. в газете «*Chicago Legal News*»⁷¹⁰. В этих работах мыслитель ставит проблему расхождения права в действии (то есть права в его фактическом воплощении) и права в книгах. В контексте своих рассуждений Паунд в свойственной ему энциклопедической манере затронул множество

⁷⁰⁶ См.: *Ibid.* P. 22, 32.

⁷⁰⁷ См. об этом в § 2.1 настоящего исследования.

⁷⁰⁸ *Pound R. Law in Books and Law in Action // Report of the 14th Annual Meeting of the Maryland State Bar Association. 1909. PP. 298-323.*

⁷⁰⁹ *Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 12-36.*

⁷¹⁰ *Pound R. Law in Books and Law in Action // Chicago Legal News. Vol. XLII. October 2, 1902. P. 59-60.*

сопутствующих такому расхождению проблем и одновременно причин, которые привели к такому разрыву. Правда, все эти проблемы и причины затрагиваются им вскользь, словно Паунд приводит наброски своих прошлых и будущих публикаций⁷¹¹, причем довольно хаотично, отступая от своей привычки все классифицировать⁷¹². Его рассуждения нельзя назвать последовательными, за что современные западные исследователи справедливо подчеркивают, что Паунд всего лишь упоминает разного рода проблемы, а сама работа привлекает внимание ученых исключительно из-за громкости своего названия⁷¹³.

Действительно, мысль автора развивается хаотично, а затрагиваемые проблемы носят фрагментарный характер, но именно такой методологически странный подход демонстрирует настоящую озабоченность автора наблюдаемым противоречием и стремлением к его преодолению. Хотя как таковой завершенной теории Паунд в этих текстах не изложил, работа «Право в книгах и право в действии» имеет огромное значение для понимания творчества ученого: впоследствии сформулированные Паундом три смысла понятия права (права как правопорядка, права как предписаний и лежащих в их основе идеалов и технических приемов, права как процесса правоприменения), объединенные на почве идеи социального контроля, по существу, представляют собой логическое развитие и концептуальное оформление задумки автора по преодолению такого разрыва.

Применение права «с технической точностью», по Паунду, было не столько неэффективным с точки зрения регулятивного воздействия права и преобразования

---

⁷¹¹ Так, например, сюжеты, которые мыслитель излагал с точки зрения пуританской теологии, легли в основу его работ «Пуританизм и право» (вторая глава книги «Дух *common law*») и «Пуританизм и *common law*» (См.: *Pound R. The Spirit of the Common Law*. Boston: Marshall Jones Company. 1921. P. 32-59; *Pound R. Puritanism and the Common Law // The American Law Review*. Vol. 45. 1911. PP. 811-829).

⁷¹² Эта привычка, ставшая своеобразной «визитной карточкой» произведений Паунда, более отчетливо видна в последующих работах, например, в цикле статей «The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence» (См.: *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence // Harvard Law Review*. Vol. XXIV. 1911. № 8. PP. 591-619; *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1911. № 11. PP. 140-168; *Harvard Law Review*. Vol. XXV. 1912. № 6. PP. 140-516), хотя и в более ранних юридических публикациях стремление все классифицировать, «разложить по полочкам» не так вызывающе, но все же прослеживается (См., например: *Pound R. Causes of Popular Dissatisfaction with the Administration of Justice // American Bar Association Reports*. Vol. XXIX. Part I. 1906. PP. 395-417).

⁷¹³ См., например, как о данной работе отзывается французский теоретик и историк права, последователь позитивистской концепции Г. Харта Жан-Луи Альпера (*Jean-Louis Halpérin*): «Сегодня на эту статью ссылаются скорее из-за ее названия, чем из-за содержания» (*Halpérin J.-L. Law in Books and Law in Action: the Problem of Legal Change // Maine Law Review*. Vol. LXIV. 2011. № 1. P. 46).

при помощи него общественной жизни, сколько смехотворным, похожим на «невозможную попытку мертвых управлять живыми»⁷¹⁴. В приводимой мыслителем метафоре, заимствованной у Спенсера⁷¹⁵, право в книгах – «мертвые», реальность (право в действии) – живые. Паунд категорически отрицал способность права в книгах воздействовать на как-либо нуждающиеся в этом аспекты общественных отношений: «Наше прецедентное право, – писал он, – неспособно решать новые проблемы или сталкиваться с новыми ситуациями, имеющими жизненно важное значение для современной жизни»⁷¹⁶.

Общая причина расхождения права в книгах, называемая Паундом также и номинальным, формальным, фиктивным правом (*the nominal law*) и правом в действии – актуальным, фактическим правом (*the actual law*) – кроется в том, что в периоды стабильности правовой системы «мышление и действия населения могут быть какими угодно, только не стабильными», что порождает дистанцированность реальной жизни как от норм, так и от концепций, которые можно найти в «книгах юристов»⁷¹⁷. При этом, даже находясь на стадии стабильности, право не перестает изменяться и остается в процессе становления, поскольку свойство изменчивости ему присуще независимо от исторически переживаемой фазы развития: право, свидетельствовал мыслитель, должно быть таким же изменчивым, как и сам человек. Признание этого факта позволяет направлять правовое развитие, предотвращая разрушение правопорядка и открывая путь к его новой исторической фазе.

История права подтверждает, что несоответствие права в книгах и права в действии нельзя охарактеризовать как новое, неизвестное до наблюдения его Паундом явление. Мыслитель считал, что эта проблема встречается во все исторические эпохи, однако ее постановка в одни периоды более насущная, чем в другие. На это влияет то, как понимается и интерпретируется, с одной стороны,

⁷¹⁴ Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 20, 25.

⁷¹⁵ См., например, Spencer H. Principles of Sociology. Vol. II. London, Oxford: Williams and Norgate, 1902. P. 514 et seq.

⁷¹⁶ Pound R. Law in Books and Law in Action. P. 22.

⁷¹⁷ См.: Ibid. P. 24.

история права⁷¹⁸, с другой – сама юриспруденция⁷¹⁹. Паунд был не согласен с устоявшейся в его время идеалистической интерпретацией истории права, считая, что она не способна служить даже «слепым поводырем» («*a blind guide*»)⁷²⁰. Такой подход, по его мнению, бесполезен для преобразования настоящего и планирования будущего, для чего требуется принципиально иное отношение к историческому опыту.

Не менее важно и изменение взгляда на юриспруденцию: правовед, отрицая автономное, изолированное и самодостаточное понимание ее как науки, закладывал основы междисциплинарного подхода, предлагая обратиться к экономике, социологии, философии и многим другим социальным дисциплинам, в единстве которых он видел ключ к разрешению конфликта между правом в книгах и правом в действии. «Работа юристов, – утверждал мыслитель, – заключается в том, чтобы привести право в действии в соответствие с правом в книгах», но достичь этого невозможно ни «бесполезными протестами против беззакония», ни «красноречивыми призывами к повиновению писанному праву»⁷²¹. Решение, с его точки зрения, лежит в иной плоскости: необходимо пересмотреть само право в книгах, чтобы право в действии могло ему соответствовать. Именно в этом Паунд видел опорную точку для выхода из кризиса.

Отсталость позитивного права от реальной жизни позволяет сформулировать основную мысль Паунда следующим образом: прежде чем приводить «дела» в соответствие с нормами, надо, в первую очередь, привести нормы в соответствие с «делами». Нормы – не вечные истины, а законы – не священны, не нужно бояться их пересматривать. «Давайте, – провозглашал мыслитель, – не будем становиться юридическими монахами. Давайте не позволим нашим юридическим текстам приобрести святость и пойти по пути всех священных писаний. Ибо написанное слово остается, но человек меняется»⁷²². В этом пафосе заключена суть его проекта

⁷¹⁸ См. об этом: *Pound R. Interpretations of Legal History*. New York: The Macmillan Company, 1923.

⁷¹⁹ См. об этом: *Pound R. Political and Economic Interpretations of Jurisprudence // The American Political Science Review*. Vol. VII. 1913. № 1. PP. 94-105.

⁷²⁰ См.: *Ibid.* P. 33-34.

⁷²¹ *Ibid.* P. 36.

⁷²² В оригинале: «Let us not become legal monks. Let us not allow our legal texts to acquire sanctity and go the way of all sacred writings. For the written word remains, but man changes» (*Ibidem*).

по преодолению сложившегося кризиса: преодолеть разрыв между «правом в книгах» и «правом в действии» возможно лишь через уступку первого в пользу второго.

Дистанцированность «права в книгах» («нормами, которые якобы регулируют отношения между людьми») от права в действии («то, что на самом деле регулирует данные отношения») и дистанцированность теории и практики (в первую очередь, судебной) – явления взаимозависимые⁷²³. С одной стороны, право в книгах стремится воздействовать на реальную человеческую жизнь, вписав ее в свои рамки, с другой – аналогичные амбиции выражает юридическая теория (то есть наука), пытаясь подчинить себе правоприменительную практику. Однако, основанная на императивной идее, теория становится для практики мертвой и лишь изредка – при пересмотре дел в вышестоящих инстанциях – обретает видимость жизни. По существу, юридическая теория – то же право в книгах, но на уровне научного анализа. Ее попытки влиять на практику – то есть на право в действии – оборачиваются неудачами, поскольку жизнь, в отличие от четких норм «права в книгах», неоднозначна и лишена определенности. Эта ситуация, как отмечал Паунд, обусловлена двумя факторами: поддержкой правотворца (*a law-maker*) императивного характера правовой теории и, в свою очередь, поддержкой правотворца самой теорией: «Пока императивная теория, – указывал Паунд, – заставляет законодателя думать, что ему стоит только изложить свои взгляды на все детали правового и судебного управления в разделах главах, и, как того желает суверен, они станут эффективным (действующим, *effective*) правом, право по своду законов (*the law upon the statute books*) будет далеко от представления о том, что на самом деле происходит в судах»⁷²⁴.

Императивность теории, ее безальтернативность и жесткость приводит к тому, что право начинает функционировать по известному принципу *quod principi placuit, legis habet vigorem* («что угодно повелителю, то имеет силу закона»), что создает угрозы не только с точки зрения широких возможностей для произвола, но

⁷²³ Pound R. Law in Books and Law in Action. P. 15.

⁷²⁴ См.: *Ibid.* P. 34.

в том числе и с позиций вынуждения правотворца бесконечно детализировать правовое регулирование. Деятельность, основанная на таком начале, погружает правоприменение в механицизм. Но так как урегулировать все невозможно, рано или поздно обнаружится, что «масса деталей на практике испытывает недостаток» в правовом регулировании, в связи с чем непременно будет испытанно ощущение отсутствия кажущейся столь необходимой «силы права» (*lack the force of law*)⁷²⁵.

Другой аспект императивности теории, подчеркивающий ее тесную связь с проблемами правоприменения – это вопрос о «власти судов над неконституционным законодательством». Паунд лишь обозначил эту проблему, не раскрывая ее детально. Основное внимание он уделил критике судейского произвола: «Большой частью судов наших штатов, – отмечал правовед, – в последние годы ... на практике свойственно отменять все законы, которые они считают неразумными»⁷²⁶. В такой ситуации законодательная воля отходит на второй план, уступая место устоявшимся привычкам юридического мышления, а законодательство (статуты) из того, что желает законодательная власть, превращается в то, что суды считают допустимым. Фактически, догмы *common law* ставятся выше законодательства, поскольку «всякие “внеконституционные ограничения” (*extra-constitutional limits*) законодательной власти ... вне досягаемости статутов»⁷²⁷.

В то же время признание статутов неконституционными, наоборот, противоречит сущности императивных теорий, главным образом, учению Остина. Паунд, к сожалению, на это противоречие не обратил должного внимания, хотя и подчеркивал, что такого рода теории, по сути, не осуждающие действий судов, «становятся крайне неудобными», имея ввиду их неудобность с точки зрения юридической практики⁷²⁸. Исключением мыслитель считал Британию: там императивные теории выражают исторически сложившуюся систему, в которой право представляет собой команды короля, лордов и общин (*King, Lords and*

---

⁷²⁵ См.: *Ibid.* P. 24-25.

⁷²⁶ *Ibid.* P. 15.

⁷²⁷ См.: *Ibid.* P. 27.

⁷²⁸ См.: *Ibid.* P. 16.

Commons). И хотя английский опыт был взят за основу при формировании американской правовой системы, в США доктрина Остина не реализовалась необходимым образом, поскольку «критиков Остина [там] читали больше, чем самого Остина»⁷²⁹.

Особым фактором, углубляющим разрыв между теорией и практикой, выступали доминирующие на тот момент методы юридической науки. Еще в период реформации, как отмечал немецкий юрист Ульрих Цазий (*Ulrich Zasius*, 1461-1535 или 1536), юриспруденция заметно отставала в своем развитии: «Все науки, – писал он, – отложили их грязную одежду, только юриспруденция остается в своих лохмотьях»⁷³⁰. По наблюдению Паунда, уже в первой четверти XVI века юриспруденция «бросалась в глаза своим изолированным существованием», и это ситуация сохранилась: «Сегодня, когда все другие науки вслед за естественными науками отказались от дедукции из ранее определенных понятий, таковым все еще остается общепринятый метод юриспруденции»⁷³¹. Ее представители исходят из того, что право можно дедуктивно вывести из устоявшихся понятий, тогда как общество живет без таких предпосылок. Между этими подходами, как выражается мыслитель, возникает эффект «брожения» (ферментации, *ferment ensues*)⁷³², который и объясняет, почему право в книгах не может не отдаляться от доминирующих в политико-правовой мысли и практике воззрений на право и правосудия. Ярким примером проявления этого противоречия являются юридические фикции (*fictions*): «попадая в книги и становясь частью права», они призваны искусственно сблизить теорию с реальностью, но на деле лишь демонстрировали, «где и как юридическая теория уступила давлению непрофессиональных идей и непрофессионального поведения (*lay ideas and lay conduct*)»⁷³³, окончательно закрепляя, а не преодолевая этот разрыв.

Изолированность юридической науки была связана с тем, что американские правоведы не следовали за развитием философской, политической,

---

⁷²⁹ См.: *Ibid.* P. 27.

⁷³⁰ Цит. по: *Ibid.* P. 25.

⁷³¹ *Ibid.* P. 25.

⁷³² *Ibid.* P. 24.

⁷³³ См.: *Ibid.* P. 14-15.

социологической и экономической мысли. Если в рамках этих дисциплин уже произошел отказ от естественно-правовых доктрин XVIII века, то юридическая наука все еще придерживалась их. И даже историческая школа, которая «объявила войну» школе естественного права, по существу, переняла ее метод⁷³⁴.

Не менее важным фактором в разрыве между теорией и практикой было то, что фундаментальные понятия и концепции традиционного прецедентного права воспринимались как универсальные основы всей юридической науки. Большинство американских правоведов первой четверти XX века придерживались индивидуалистической методологии, унаследованной от естественно-правовых идей XVIII века, полагая, что задача права заключается в предоставлении каждому человеку свободы самому определять свое счастье и несчастье. Но американское общество того же периода, напротив, ожидало от права содействия в достижении целей общества посредством социального контроля. В этом противоречии между общими индивидуалистическими установками и социальными ожиданиями проявлялась неизбежность конфликта между правом в книгах и правом в действии, между наукой (теорией) и практикой. Юриспруденция, резюмировал Паунд, «вновь остается в лохмотьях прошлого века», тогда как «родственные науки были переодеты»⁷³⁵.

Однако такая изолированная, самодостаточная юриспруденция, рискующая стать «вещью в себе», теряет из виду человека, ради которого она и существует. Этим обусловлена самая опасная проблема, порождаемая разрывом «права в книгах» и «права в действии»: «слабые, лишенные друзей, непритязательные люди будут практически находиться в невыгодном положении, несмотря на юридическую теорию»⁷³⁶. Именно это несоответствие между формальными гарантиями и реальной незащищенностью, по мысли Паунда, и составляет главную угрозу, заставляющую искать пути преодоления разрыва, поскольку конечная цель правоведения заключается не в построении самодостаточных концепций, а в разрешении реальных конфликтов (споров) между людьми.

---

⁷³⁴ См.: *Ibid.* P. 25, 28.

⁷³⁵ *Ibid.* P. 30.

⁷³⁶ *Ibid.* P. 17.

В этой связи отдельное значение имеет проблема юридического мышления. Паунд исходил из того, что основная трагедия юридического мышления заключается в его оторванности от иных форм мышления. Расхождение права в книгах и права в действии – одно из практических следствий отчужденности устоявшегося американского юридического мышления с социальным мышлением, экономическим мышлением и, конечно, философским мышлением⁷³⁷. Иные проблемы и факторы, которые породили разрыв между правом в книгах и правом в действии (например, проблемы правотворческой юридической техники, порожденные этим проблемы правоприменения и так далее), по существу, являются непосредственным следствием проблемы юридического мышления.

Юридическое мышление – продукт методологии правовой науки. Несмотря на господство естественно-правового подхода в сознании американских юристов, юридическое мышление в рамках системы *common law*, с точки зрения Паунда, носит исторический и аналитический характер. Это обусловлено его позицией в отношении методологии исторической школы права, которая, считал он, была заимствована у школы естественного права. Рассматривая феномен юридического мышления именно с данной стороны, правовед подчеркивал его стереотипность, которая во многом обусловлена традициями прецедентного права. Эти традиции, подчеркивал Паунд, одинаково плохо проявляются как в праве в книгах, так и в праве в действии⁷³⁸.

Между тем фундаментальные понятия и концепции прецедентного права, принимаемые юристами в качестве универсальных категорий правовой науки, не соответствовали «современным представлениям населения»⁷³⁹. И это обусловлено не только тем, что доминирующее общественное сознание и сопутствующее ему непрофессиональное юридическое мышление не позволяли постичь нормы, понятия и концепции, существующие в рамках права в книгах, но в том числе и несоответствием позитивного права и реальных общественных отношений. Проблема, поставленная мыслителем, универсальна для многих правопорядков. По

---

⁷³⁷ См.: *Ibid.* P. 24.

⁷³⁸ См.: *Ibid.* P. 21.

⁷³⁹ См.: *Ibid.* P. 25.

сути, она порождается тем, что своевременно не осуществляются реформы, необходимые для предотвращения или уже преодоления разрыва между «правом в книгах» и «правом в действии». Особенно это проявляется в периоды стабильности правовой системы: тогда юристами овладевает стремление к формальному совершенству. «Справедливость в конкретных делах, – писал мыслитель, – перестает быть их целью. Вместо этого они нацелены на тщательную разработку логического содержания установленных принципов посредством жесткой дедукции и определенности, которая ... позволит с абсолютной уверенностью прогнозировать судебное решение»⁷⁴⁰. Иными словами, мышление юристов деформируется, настоящая цель права и правосудия отходит на второй план, уступая место логическим операциям, нередко порождающим «ложное толкование». В этом контексте юридическое мышление, скорее, является жертвой фактического разрыва права в книгах и права в действии. Однако при всей взаимообусловленности данных явлений, проблема юридического мышления в то же время является и определяющим фактором такого разрыва.

Речь, в первую очередь, идет о безответственном отношении юристов к своей профессиональной деятельности. Это проявляется в том, что юристы нередко перекадывают ответственность с себя на правотворца: «Юрист, – утверждал Паунд, – обычно льстит себе мыслью, что причуды правотворца ответственны за большую часть расхождений между правом в книгах и правом действии», ведь правотворец может принять новые правила «на скорую руку», «без знания ситуации, с которой предстоит иметь дело»⁷⁴¹. Безусловно, в этом вина, главным образом, правотворца, поскольку именно он не в силах произвести на правоприменителей соответствующий эффект, чтобы они «с чувством долга соблюдали писанное право», но это не исключает ответственности юристов за то, что они допускают такое поведение правоустанавливающих органов, осуществляющих будь то законотворчество, судебное правотворчество или подзаконного нормотворчество.

---

⁷⁴⁰ *Ibid.* P. 23.

⁷⁴¹ См.: *Ibid.* P. 20-21.

Хотя для периодов кризиса в правовом развитии ожидание от правоприменителя некой способности «вынужденно уместить дело в четыре угла предоставленной книгой [правом в книгах] полки [ячейки, ящика]»⁷⁴² вполне нормально, поскольку в это время «юридически сердце и совесть [сознание] судьи устранены»⁷⁴³. Подобная скованность судьи рамками «права в книгах», очевидно, особенно сильно воздействует на его профессиональное мышление, делая невозможным какой-либо отход от механического правоприменения. Руководствуясь исключительно «правом в книгах», судья невольно должен «вместить» широкий простор юридически значимых обстоятельств жизни в узкие рамки права.

С другой стороны, деформация юридического мышления преследует и непрофессионалов. «Как бы не был увлечен юрист своим идеалом абсолютной определенности правовых норм, он может попытаться уклониться от этих требований, но народ этого не допустит»⁷⁴⁴. Если эти правила укоренились в общественном сознании, проведение реформ, противоречащих привычкам, ставшим традициями, ни к чему не приведет. «Люди будут делать то, к чему они склонны, невзирая на право и традиции, говорящие об обратном»⁷⁴⁵. При этом стоит заметить, что речь идет о новых правилах, лишь претендующих на то, чтобы стать традициями. Однако и «консервация» общественной жизни в «праве в книгах» бесперспективна. Право, не способное выполнять свою основную функцию, неотвратимо теряет авторитет. В то же время внедрение совершенно оторванных от реальности юридических конструкций также обречено – в этом случае право останется мертвым набором правил. Поэтому каким бы ни было «право в книгах», человек, его мышление и чувства изменчивы, а значит, столь же изменчиво и «право в действии». «Право в книгах» должно успевать за этой динамикой, иначе оно, образно говоря, обречено на «смерть». Сама жизнь саморегулируема, и «право в действии» не будет ждать изменений в действующих

⁷⁴² В оригинале: «to force the case into the four corners of the pigeonhole the book have provided» (*Ibid.* P. 20).

⁷⁴³ В оригинале: «Legally, the judge's heart and conscience are eliminated» (*Ibidem*).

⁷⁴⁴ *Ibid.* P. 21.

⁷⁴⁵ *Ibid.* P. 22.

нормах. Если право в книгах перестает справляться со своим назначением, общество и общественно-политическая мысль неизбежно найдут, чем его заменить. Вскользь, возможно, сам того не осознавая, Паунд затрагивает проблему легитимности права, которая станет известна в лучшем случае с появлением теории Г.Л.А. Харта, а на самом деле она получает некоторые очертания только в современной политико-правовой мысли⁷⁴⁶.

Одной из центральных проблем, на которые также Паунд обратил внимание в работе «Право в книгах и право в действии», выступает проблема ритуальности (церемониальности) правоприменения в целом и правосудия в частности. Эта проблема порождена «жесткостью» (императивностью) законов и юридических прецедентов, что особенно ярко отразилось на процессуальном праве, проявившись в стремлении правотворца установить универсальные и содержательно детализированные правила. В результате в этой нормативной массе снова затерялись принципы права как основополагающие его идеи. Эта угроза существовала всегда: «В цивилизованных странах люди вынуждены вершить правосудие с помощью формул, – отмечал мыслитель. Эти формулы предназначены для выражения идей права и справедливости (*right and justice*) и как средство их продвижения. Но всегда существует опасность, что мы забудем эти идеи, упустим из виду эти цели и будем относиться к формулам как к существующим ради них самих»⁷⁴⁷. Паунд видел решение этой проблемы в отказе от бесконечной детализации, поскольку даже основополагающие принципы теряются в огромном количестве выведенных из них правил и начинают восприниматься как вечные истины, тогда как они, по меткому выражению мыслителя, на самом деле носят «сезонный» характер»⁷⁴⁸. Принципы, с его точки зрения, должны быть не универсальными правилами или застывшими во времени

---

⁷⁴⁶ См. об этом, например, Легитимность права: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019; Луковская Д.И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65. № 4. С. 484-498; Денисенко В.В. Легитимность права: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2022; и др.

⁷⁴⁷ *Pound R. Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I)* // *Harvard Law Review*. Vol. XXIV. 1911. № 8. P. 608.

⁷⁴⁸ См.: *Pound R. Law in Books and Law in Action*. P. 34.

догмами, а инструментами, при помощи которых делаются умозаключения и выносятся решения.

Попытку примирения «права в книгах» и «права в действии» мыслитель усматривал и в самом феномене ритуальности (церемониальности) правоприменения. Процесс правоприменения, казалось бы, должен обеспечивать принцип формального равенства, но на самом деле, констатировал Паунд, в «праве в действии» такой подход отсутствует. Анализируя судебные допросы, он акцентировал внимание на возникающую «видимость законности» (*appearance of legality*) при осуществлении соответствующими государственными органами властных полномочий. «Ни один богатый человек никогда не подвергается этому процессу, – писал правовед, – чтобы получить доказательства нарушения антимонопольного законодательства или законодательства о льготах, и ни с одним влиятельным политиком таким образом не обращаются, чтобы получить доказательства взяточничества»⁷⁴⁹. Тем самым процесс правоприменения, по сути, нацелен на бедных и слабых, не оставляя в реальности места принципу равенства перед законом и судом⁷⁵⁰.

Еще одним значимым фактором, углубляющим разрыв между «правом в книгах» и «правом в действии», Паунд считал неправильное управление в правотворческой и исполнительной сферах. Классической иллюстрацией этой проблемы является сам механизм правосудия, характеризуемый Паундом как «слишком медленный, слишком громоздкий и слишком дорогой» (*too slow, too cumbersome and too expensive*), чтобы быть эффективным. Эта институциональная неэффективность создает непреодолимые преграды для реализации позитивно-правовых предписаний в реальной юридической практике⁷⁵¹. Особенно строго, как полагал Паунд, эта проблема находит отражение при рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей, которых мыслитель образно называл «третьей степенью»⁷⁵² (*third degree*). Данное определение можно истолковать двояко: либо

---

⁷⁴⁹ *Ibid.* P. 17.

⁷⁵⁰ См.: *Ibid.* P. 17, 19, 20.

⁷⁵¹ См.: *Ibid.* P. 35.

⁷⁵² См.: *Ibid.* P. 17, 18.

как указание на «третье» место присяжных после барристеров (*barristers*) и солиситоров (*solicitors*) в рамках традиционной английской иерархии юристов, либо как обозначение их позиции в системе разделения юристов на практиков (*lawyers*) и теоретиков (*jurists*). Вне зависимости от интерпретации, Паунд подчеркивал, что участие в разрешении споров непрофессионального элемента, от которого зависит исход дела, вносит дополнительную субъективность и непредсказуемость, еще больше отдаляя реальное судебное решение («право в действии») от «права в книгах».

Ритуальность (церемониальности) американского правосудия проявлялась, в частности, в тенденции к бесосновательному, по мнению Паунда, расширению категорий дел, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Этот ритуал был, по его оценке, «внушительным, но неэффективным» и негативно влиял на качество правоприменения, усугубляя его недостатки. Присяжные заседатели «рассматривали дела в соответствии со внесудебными представлениями», руководствуясь «взглядами общества на данный момент», что могло бы казаться достоинством, если не принимать во внимание общую цель Паунда – преодолеть пропасть между «правом в книгах» и «правом в действии». На деле же такая практика только способствовала увеличению дистанции между ними, так как «внесудебные представления» и «взгляды общества» учитываются «в большей степени, чем право в книгах». В реальном правоприменении, другими словами, внесудебные соображения учитывались даже не просто больше, а, скорее, за счет права в книгах. Именно это, с точки зрения Паунда, создавало «видимость законности», поскольку «право применялось законными субъектами, но не по закону», превращая судебный процесс в детализированный до мелочей ритуал⁷⁵³.

Данное различие, по мысли ученого, выступало ключевым для понимания контраста между американской и английской моделями рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. В Англии, где «свободный от оков парламент делает писаное право чувствительным к общественному мнению», а судьи «эффективно руководствуются законом и энергично опираются на факты», система

---

⁷⁵³ См.: *Ibid.* P. 18, 19

строилась на подчинении праву. В Америке же, по его наблюдению, судебный процесс был подчинен общественному мнению, а ритуализированность судопроизводства служила, по большей части, для сохранения неизменной «буквы права в книгах», в то время как на практике присяжным позволялось свободно руководствоваться «различными правилами» или «внесудебными соображениями». Подобная практика не только усугубляла разрыв между теорией и практикой, но и множила беззаконие. Причина крылась в несоответствии общественного сознания, непрофессионального юридического мышления закрытым для «обывателей» нормам, понятиям и концепциям, существующим в рамках «права в книгах»: «Беззаконие присяжных, – резюмировал ученый, – является величайшим недостатком права в его фактическом применении»⁷⁵⁴.

В основе понимания и интерпретации права в англо-американской традиции лежит пуританизм (английский кальвинизм), который рассматривается как первопричина двух взаимосвязанных явлений: господства индивидуализма в праве и взаимного несоответствия социальных и юридических идей о справедливости и правосудии. Эта идеологическая основа имеет, таким образом, существенное значение для объяснения дистанции между теорией и практикой, между «правом в книгах» и «правом в действии». Указанный разрыв обусловлен и «пропастью», которая сложилась между общественными представлениями о правосудии и справедливости и юридическим взглядом на те же проблемы. Связь с пуританизмом проявляется в том, что в то время как другие сферы интеллектуальной мысли (общественной, политической, экономической) «отошли от пуританской точки зрения», правовая мысль осталась в ее плену: «Мы, – провозглашал Паунд, – все еще придерживаемся идеалистической или, по крайней мере, политической интерпретации юридической науки, хотя в родственных областях изучение экономических и социальных интерпретаций в настоящее время становится все более приемлемой»⁷⁵⁵. Такого рода отсталость юриспруденции от общегуманитарных тенденций породила расхождения социальными и сугубо

---

⁷⁵⁴ *Ibid.* P. 18.

⁷⁵⁵ *Ibid.* P. 30.

юридическими воззрениями на идею справедливости и правосудия. Социологи права (к которым Паунд себя не относил!), активно пользовались этим недостатком юриспруденции: «Они без колебаний противопоставляют социальную справедливость, – резюмировал Паунд, имея в виду правосудие и справедливость, которые обозначаются единым термином *«justice»*, – и юридическую справедливость»⁷⁵⁶.

Наконец, пуританизм породил проблему индивидуализма в праве. Представления об обществе как о совокупности индивидов (в классическом смысле, когда человек понимается как отдельный «атом») зародились в «религиозной фазе пуританской революции»⁷⁵⁷. Известно, что Паунд был категорически против такого изолированного понимания человека, и в его учении, в отличие от теории Иеринга, индивид рассматривается именно в контексте социальных связей, что противостояло классической естественно-правовой традиции, доминировавшей в то время в США. Человек, согласно этой традиции, понимался как максимально свободная единица, чья свобода ограничена лишь аналогичной свободой других⁷⁵⁸ – воззрение, также укоренное в пуританизме. «Фундаментальным положением, из которого исходили пуритане, – отмечал мыслитель, – была доктрина о том, что человек является свободным моральным деятелем, обладающим правом выбора того, что он будет делать, и ответственно обращающимся с этим правом»⁷⁵⁹. Именно это привело к примату индивидуальной

---

⁷⁵⁶ *Ibid.* P. 30-31.

⁷⁵⁷ *Ibid.* P. 33.

⁷⁵⁸ См., например, труды известного нью-йоркского юриста Джеймса Кулиджа Картера (*James Coolidge Carter*, 1827-1905), который в своих работах писал, что в связи усложнением жизни требуется все более сложное право и законодательство, которые, несмотря ни на какие изменения (а индивидуальное поведение, по его мнению, изменяется вместе с условиями жизни), всегда выполняют одну функцию – обеспечивают максимальную свободу. В этом смысле, любое право и законодательство «строится на старых всем известных принципах». Если это «руководство ... четко и постоянно держать в поле зрения», то оно «в достаточной степени будет информировать нас о том, к чему мы должны стремиться с помощью законодательства, а что следует оставить другим ведомствам», имея в виду другие социальные регуляторы. И далее: «Свобода, первое из благословений, стремление каждой человеческой души, является высшей целью. Каждое его сокращение требует оправдания, и единственным веским оправданием является необходимость его сохранения. Все, что стремится сохранить это, правильно, все остальное неправильно». См.: *Carter J.C. Law: Its Origin, Growth and Function (Being a Course of Lectures Prepared for Delivery before the Law School of Harvard University)*. New York and London: G.P. Putnam's Sons, The Knickerbocker Press, 1907. P. 336-337.

⁷⁵⁹ *Pound R. Law in Books and Law in Action*. P. 32-33. В оригинале Паунд использует термин *«power»* для характеристики ответственного обращения с правом выбора. Если право выбора он провозглашает правом, то есть использует термин *«right»*, то когда мыслитель говорит об ответственности за выбор, он использует понятие «власть», «сила».

совести (*individual conscience*) и индивидуального суждения (*individual judgment*), а в правовой сфере – к режиму, который Паунд охарактеризовал как «*a regime of “consociation, but no subordination”*» («режим интеграции (объединения, консоциации), но не субординации (подчинения)») ⁷⁶⁰.

Поскольку пуританская теология признавала единственным оправданием права сохранение индивидуальной свободы и утверждала в качестве его основы свободное согласие индивида, господствовавшее правопонимание эпохи видело в праве прежде всего средство обеспечения свободы. В юридической науке и практике это привело к абсолютизации концепции свободы договора. Паунд считал, что ее абсолютизация была недопустима и являлась одним из факторов упадка качества отправления правосудия и, соответственно, справедливости ⁷⁶¹. Склонность к такому превозношению индивидуализма как главное следствие влияния пуританских идей привела ученого к суровой оценке пуританизма как феномена, «часто приводящего к юридическому параличу юридического управления (*legal paralysis of legal administration*)» ⁷⁶².

Столкнувшись с ограниченностью и негативными последствиями наблюдаемого разрыва «права в книгах» и «права в действии», Паунд предпринимает попытку осуществить непростую аналитическую работу по выявлению и упорядочиванию основных концепций правопонимания, исторически конкурировавших за возможность дать исчерпывающее определение праву. Действуя не как историк мысли, а как философ права, учитывающий исторический опыт, Паунд выявляет двенадцать основных концепций (значений) права (*law*): (1) божественное установление (установленные Богом правила); (2) традиции старых обычаев, приемлемых для Богов и указывающих безопасный путь развития человека; (3) писаная мудрость мыслителей прошлого, указывающих безопасный путь развития человека; (4) философски открытая система принципов,

---

⁷⁶⁰ *Ibid.* P. 33.

⁷⁶¹ Об этом см.: *Pound R. Liberty of Contract // Yale Law Journal. Vol. XVIII. 1909. № 7. P. 457-487.* В частности, Паунд пишет, что такое понимание свободы договора стало «проклятием для трудового законодательства» (*Pound R. Law in Books and Law in Action. P. 33*), которое не действует «по большей части из-за неправильного управления» (*Ibid. P. 35*).

⁷⁶² *Ibidem.*

выражающих природу вещей, с которой необходимо сообразовывать свое поведение; (5) совокупность установлений (*ascertaintments*) и деклараций (*declarations*) свода вечных и неизменных правил морали; (6) совокупность соглашений людей в политически организованном обществе относительно их взаимоотношений; (7) отражение божественного разума, управляющего вселенной (той части, определяющей правила долженствования для людей как моральных существ); (8) совокупность предписаний суверенной власти в политически организованном обществе; (9) система правил, открытых человеческим опытом, посредством которых индивидуальная человеческая воля может реализовать максимально возможную свободу в соответствии с аналогичной свободой других людей; (10) система принципов, открытых философским путем и детально разработанных в юридических трудах и судебных решениях, согласно которым внешняя жизнь человека измеряется разумом (или, на другом этапе, в соответствии с которыми действие по воле индивида гармонизирует со взглядами окружающих людей (*fellow men*)); (11) совокупность или система правил, навязываемых людям в обществе господствующим классом в своих собственных интересах; (12) состоящее из предписаний экономических или социальных правил, касающихся поведения людей в обществе, открытых путем наблюдения, выраженных в предписаниях, выработанных на основе человеческого опыта относительно того, что будет работать, а что нет при отправлении правосудия⁷⁶³.

Приведенный перечень охватывает, если не все, то основное многообразие подходов к праву. Будучи разными с точки зрения отмечаемых в качестве сущностных свойств, данные формулировки тем не менее охватывались термином «*law*». В каждой из них (как в доминирующей в тот или иной период дефиниции) заключено стремление рационально осмыслить и объяснить право как явление, наблюдаемое в конкретных исторических условиях времени и места («здесь и сейчас»). Но Паунд видел в праве не только и даже не столько различные установления – будь то Бога, суверена или господствующего класса, – сколько целый комплекс связанных, но не совпадающих явлений. Эта, вероятно, интуиция

---

⁷⁶³ См.: *Pound R. Introduction to the Philosophy of Law*. New Haven: Yale University Press, 1922. P. 60-68.

вместе с интеллектуальными усилиями по анализу опыта прошлого позволила ему сделать вывод, благодаря которому он увековечил свое имя в истории правовой мысли: начиная приблизительно с VI века до нашей эры предпринимались попытки объединить под общим термином «law» три различных феномена – правопорядок, предписания и лежащие в их основе идеалы и технические приемы, процесс правоприменения, – разграничение которых необходимо для целостного понимания права как инструмента, способного к воздействию общественных отношений.

Каждому из трех значений, в которых используется понятие «law», характерно обстоятельное содержание, раскрывающее выполняемую им специфическую функцию как в познавательном, так и в практическом плане. Первый элемент этой триады – право как правопорядок – представляет собой «особый режим регулирования отношений и упорядочивания поведения путем систематического и упорядоченного применения силы политически организованного общества»⁷⁶⁴. В отличие от иных представителей социологического правопонимания (в первую очередь, классика континентальной социологии права О. Эрлиха) с их акцентом на автономное социальное право (право союзов), Паунд смещает акцент на «политически организованное общество», ставя в зависимость правовой порядок от государства и его аппарата принуждения⁷⁶⁵, не понимая столь негативное отношение социологов права к институту государства: «Любопытной особенностью современной юридической мысли, – писал он, – является откровенная фобия относительно отношения развитого права к политически организованному обществу; неприязнь к термину “государство” (*state*) по отношению к “праву” (*law*)»⁷⁶⁶.

Считаться с государством как с юридически значимым социальным институтом было необходимо для формирования адекватной оценки и построения на ее основе теории, соответствующей реальному положению вещей, поскольку,

---

⁷⁶⁴ Pound R. Social Control Through Law. P. 40.

⁷⁶⁵ О соотношении права и принуждения см.: Фролова Е.А. Право и принуждение: из истории политико-правовой мысли // Государство и право. 2026. № 1. С. 106-115.

⁷⁶⁶ Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. Vol. V. 1943. № 1. P. 18.

как указывал сам юрист, из всех институтов или властных структур «только государство ... может нормально применять санкцию внешнего физического давления»⁷⁶⁷. Санкция (соответственно, и государство, ее реализующее) обеспечивает эффективность норм путем наказания правонарушителей, предупреждения правонарушений (неповиновения, *disobedience*), а также восстановления положения, существовавшего до нарушения. Поэтому «без санкции, – свидетельствовал Паунд, – право нельзя воспринимать как приказ действовать, лишь как рекомендацию поступить так или иначе»⁷⁶⁸.

Подобно тому, как институт церкви стоит за религией, за правом стоит государство, которое с момента своего подъема в начале XVI века постепенно приобретает юридическое значение, обладая или претендуя на обладание монополией на применение силы⁷⁶⁹. В качестве основного аргумента Паунд приводил решение по делу *Prior of Castleacre v. Dean of St. Stephens* 1506 года, в котором суд указал, что парламент не властен «наделять какого-либо светского человека церковной юрисдикцией (*spiritual jurisdiction*)» – прерогативой, принадлежащей исключительно Папе Римскому⁷⁷⁰. Вскоре последовавшая Реформация окончательно утвердила верховенство государства, когда завершилась эпоха совместного отправления правосудия светскими и церковными институтами. С этих времен право стало неммыслимо без силы, оно закрепило за собой силу государства. Паунд подчеркивал: «Наша главная опора в современном обществе – сила политически организованного общества. Мы стремимся наладить отношения и упорядочить поведение посредством упорядоченного и систематического применения этой силы»⁷⁷¹. Но главное он напоминает далее: несмотря на то, что право обладает всей мощью силы, оно также обладает всей слабостью зависимости от нее⁷⁷². Это пояснение принципиально, без него извращается вся суть учения; поскольку оно снимает возможный вопрос об отождествлении права и силы

⁷⁶⁷ Pound R. Law and the State: Jurisprudence and Politics // Harvard Law Review. Vol. 57. 1944. № 8. P. 1206.

⁷⁶⁸ Pound R. Introduction to the Study of Law / reprinted from the Library of American Law and Practice. [Chicago], 1912. P. 10.

⁷⁶⁹ См.: Pound R. Social Control Through Law. P. 24-25, 49 et seq.

⁷⁷⁰ См.: Pound R. Sociology of Law and Sociological Jurisprudence. P. 19.

⁷⁷¹ Pound R. Social Control Through Law. P. 20.

⁷⁷² См.: *Ibidem*.

(«мощи»), как, например, в концепции Спинозы⁷⁷³. Право, напротив, стремится подчинить силу, «предоставленную самой себе», устранив от нее «индивидуальные желания, предрассудки и предрасположенности»⁷⁷⁴.

Второй смысл, в котором используется общий термин «*law*» – «совокупность авторитетных (властных, *authoritative*) материалов, оснований или руководств для принятия решения, будь то судебного или административного [характера]»⁷⁷⁵. В русскоязычной литературе для обозначения этого аспекта закрепился сокращенный вариант – предписания⁷⁷⁶, что несправедливо упрощает учение мыслителя. Он, напротив, подчеркивал, что сведение права в указанном смысле исключительно к своду предписаний (*the body of precepts*) неприемлемо. Наряду с предписаниями, техника (те приемы, которые используются для формулировки предписаний, их систематизации, применения и проч.) и идеалы (мировоззренческие или ценностные основания предписаний) оказывают не менее значимое воздействие на общественные отношения. «Только путем чрезмерных усилий, – отмечал правовед, – три элемента права, три элемента авторитетных материалов, регулирующих или направляющих судебные и административные действия, могут быть сведены к правилам даже в более широком смысле. Действительно, это дает совершенно неверное представление об этом своде авторитетных материалов, если рассматривать его как совокупность правил и понимать правила в более узком смысле как их тип»⁷⁷⁷. В совокупности эти три части – предписания, техника и идеалы – образуют систему характерных для конкретного правопорядка особенностей, позволяя отличить континентальное право и *common law* (элемент техники), ограничить произвольное применение силы

⁷⁷³ См. об этом: *Кечекьян С.Ф.* Этическое мирозерцание Спинозы. М.: Путь, 1914.; *Лейст О.Э.* Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве. М.: Госюриздат, 1960.; *Галкин И.В.* Бенедикт Спиноза как политический и правовой мыслитель: опыт юридической метафизики: монография. М.: Юрлитинформ, 2014; и др.

⁷⁷⁴ *Pound R.* Social Control Through Law. P. 15.

⁷⁷⁵ *Ibid.* P. 40.

⁷⁷⁶ См., например, *Жуков В.Н.* Россия и Запад: ценности, политика, право. М.: Юнити-Дана, 2025. С. 801-804; *История политических и правовых учений: Учебник / под общей ред. О.В. Мартышина.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 443-446; *История политических и правовых учений: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца.* 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 760-761; *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект., 2023. С. 497-499; и др.

⁷⁷⁷ *Pound R.* Ideal Element in Law // *Denver Law Review (Dicta)*. Vol. 10. 1933. № 8. P. 233.

и принять во внимание правовые традиции и представления о социальном порядке в определенных исторических условиях (идеальный элемент)⁷⁷⁸.

Сами предписания как элемент права «во втором смысле», по мнению Паунда, состоят из правил (*rules*), принципов (*principles*), собственно предписаний (*precepts*), описывающих понятия (*describing conceptions*) и предусматривающих стандарты (*prescribing standarts*). Так, под правилами (*rules*) Паунд понимал «предписания, связывающие определенное детализированное следствие с определенным детализированным положением фактов»⁷⁷⁹. В отечественной юридической науке структура таких норм называется двухэлементной (двухзвенной), поскольку правило формулируется посредством операции логического следования (импликации) по модели «если..., то...»⁷⁸⁰. Принципы (*principles*), в свою очередь, представляют собой авторитетные отправные точки для юридических рассуждений⁷⁸¹. Они, убежден был Паунд, вырабатываются юристами, систематизирующими судебную практику, и определяют начала, лежащие в основе различий, и тем самым дифференцируют дела (причем принципы так вырабатываются не только путем дифференциации недавно рассмотренных дел, но в том числе и путем сравнительного анализа многолетнего опыта)⁷⁸². Авторитетом, подобно принципам, обладают понятия (*conceptions*). В них, утверждал мыслитель, описываются случаи (казусы) таким образом, «что при размещении в надлежащем месте становится применимым ряд правил, принципов и стандартов»⁷⁸³. Иными словами, понятия уникальны ввиду своей природы: из них можно выводить и принципы, и правила, и стандарты, под которыми ученый понимал предварительно установленную меру поведения, от которой субъект

---

⁷⁷⁸ См.: *Pound R. Social Control Trough Law*. P. 41-42.

⁷⁷⁹ *Ibid.* P. 45.

⁷⁸⁰ В этой связи примечательна позиция отечественных авторов, отстаивающих четырехэлементность структуры нормы права с разделенной на две части (в зависимости от осуществляемой функции – регулятивной или охранительной) диспозицией. См.: Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 340-352; *Мотовиловкер Е.Я.* Опыт логического анализа юридической нормы // Логические и математические методы в правовой теории и практике. Л.: ЛГУ, 1989. С. 36-41; и др.

⁷⁸¹ См.: *Ibidem*.

⁷⁸² *Ibidem*.

⁷⁸³ *Ibid.* P. 47.

вправе отступить на свой риск последующей недействительности его действий или ответственности за причиненный ущерб⁷⁸⁴.

Наконец, третий смысл, который заложен в понятие «*law*» – это процесс правоприменения. Паунд позаимствовал его с некоторыми изменениями у Бенджамина Кардозо, взяв за основу его понимание природы судебного процесса⁷⁸⁵. Изменения касались того, что Паунд, учитывая реформы в рамках «Нового курса» по расширению полномочий органов исполнительной власти, добавил к судебному процессу административный процесс, тем самым получив понимание права в рассматриваемом смысле как правоприменительного процесса. Этот процесс, свидетельствовал мыслитель, имеет дело с «определением причин и разногласий в соответствии с авторитетными руководствами для поддержания правопорядка»⁷⁸⁶. По существу, речь идет о праве как об особой методике приспособления права как предписаний и лежащих в их основе идей и технических приемов к праву как правопорядку, или, в случае существования соответствующего разрыва, «права в книгах» к «праву в действии».

Вопреки концептуальной разнородности, три значения права объединяются Паундом на основе идеи социального контроля, которую детально разработал американский социолог Эдвард Элсворт Росс (*Edward Alsworth Ross*, 1866-1951). Личность Росса неоднозначна: в его трудах, особенно ранних, четко прослеживаются расистские и евгенические взгляды, характерные для части научного сообщества той эпохи, но тем не менее его имя почитается в современной науке за труды, в которых он предложил оригинальный анализ ряда проблем, что безусловно оказало влияние на развитие социогуманитарного знания. Теорию социального контроля Росс впервые изложил в цикле статей «*Social Control*», публиковавшихся в журнале «*American Journal of Sociology*» с незначительными перерывами с 1896 по 1901 год. Впоследствии эти работы были дополнены и

---

⁷⁸⁴ См.: *Ibid.* P. 47-48.

⁷⁸⁵ См.: *Cardozo B.N.* Nature of the Judicial Process. New Haven: Yale University Press, 1921; *Кардозо Б.Н.* Природа судебной деятельности / пер. с англ. М.: Статут, 2017.

⁷⁸⁶ *Ibid.* P. 40.

объединены в одноименную книгу с уточняющим подзаголовком «Обзор оснований [социального] порядка» («*A Survey of the Foundations of Order*», 1901)⁷⁸⁷.

В поисках оснований социального порядка Росс обращается к социальной психологии, изучающей психическое взаимодействие человека и общества. В рамках этой дисциплины он выделяет два фундаментальных раздела, соответствующих двум разновидностям господства: человека над обществом (индивидуальное господство, *individual ascendancy*) и общества над человеком (социальное господство, *social ascendancy*). Последнее в зависимости от наличия цели он подразделяет на социальное влияние (*social influence*) – ненамеренное социальное господство, например, путем массового сознания, – и на социальный контроль – целенаправленное воздействие общества на человека⁷⁸⁸. В качестве значимого инструмента такого контроля Росс считал право (*law*), видя в нем «наиболее специализированный и совершенный механизм», неразрывно связанный с силой. В его размышлениях четко прослеживается эта связь: право для него – это прежде всего инструмент принуждения и репрессии, который должен «предотвращать вмешательство отдельных лиц, а не принуждать их к сотрудничеству», поэтому его функциональное назначение заключается в обеспечении предотвращения вреда и исполнения обязательств как двух базовых условий социального порядка⁷⁸⁹. Ограниченность воззрений Росса очевидна, однако заложить зачатки в интерпретации права как средства социального контроля ему все же удалось. Ценность его суждений заключалась в предложении нового в рамках социологии исследовательского ракурса, в котором право выступало инструментом, посредством которого общество реализует определенные цели. Это стало фундаментом, который Паунд творчески преобразовал в целостную концепцию права как средства социального контроля.

---

⁷⁸⁷ Ross E.A. *Social Control: A Survey of the Foundations of Order*. New York: The Macmillan Company; London: Macmillan & Co., LTD., 1901.

⁷⁸⁸ См.: *Ibid.* P. VII-VIII.

⁷⁸⁹ См.: *Ibid.* P. 106-125.

Наиболее системное развитие рассмотренные идеи нашли в произведении «Социальный контроль посредством права» (*Social Control Through Law*, 1942)⁷⁹⁰. Эта книга уникальна по своему стилю изложения; она не подходит под жанр научных монографий ни по стилю, ни по форме, напоминая, скорее, философский трактат⁷⁹¹. Такое впечатление неслучайно: эта работа была написана в качестве шестой книги серии «Пауэллских лекций по философии в Индианском университете» (*Powell Lectures on Philosophy at Indiana University*) (редактор серии – У.Г. Желлема, *W.H. Jellema*) по итогам чтения лекций на кафедре философии Фонда Мэлона Пауэлла (*Mahlon Powell*, 1842-1928) Университета Индианы, где Паунд в это время был приглашенным профессором⁷⁹². Этот факт объясняет не только жанровую специфику изложения, но также и обезличенность многих приводимых мыслителем позиций авторов из области юридических наук.

В отличие от Росса, взгляды Паунда на право как средство социального контроля имеют гуманитарную направленность, обусловленную прежде всего со связью идеи социального контроля с идеей (фактом) цивилизации как «отправной точки социальных наук»: так, под социальным контролем Паунд понимал средство поддержания цивилизации – «возвышения человеческих сил до их максимально возможного раскрытия. ... Развитие человеческих сил до постоянно возрастающей полноты, до максимума человеческого контроля над внешней или физической природой и над внутренней или человеческой природой, на который люди пока способны»⁷⁹³. Диалектический характер социального контроля над внешней и внутренней природой тоже обусловлен мыслью автора о связи контроля с цивилизацией, подтверждаемой характеристикой социального контроля как «давления на каждого человека, оказываемого его «ближними» (*«fellow men»*) с целью заставить его выполнять свою часть работы по поддержанию

---

⁷⁹⁰ *Pound R. Social Control Through Law*. New Haven: Yale University Press; London: Humpfrey Milford, Oxford University Press, 1942.

⁷⁹¹ В этой книге – объемом чистого текста 134 страницы относительно крупным шрифтом – всего три (!) сноски со ссылками на литературу; для сравнения, например, в двадцатистраничной статье «Механическая юриспруденция» – 70.

⁷⁹² Мэлон Пауэлл завещал после его смерти открыть фонд, попечителем которого назначил свою *alma mater*.

⁷⁹³ *Ibid.* P. 16.

цивилизированного общества и удержать его от антиобщественного поведения»⁷⁹⁴; причем сама цивилизация, считал Паунд, предназначена к искоренению произвола и замены его разумом⁷⁹⁵. Эти идеи свидетельствуют о возрождении рационалистического миропонимания, в котором разум, способный к контролю над миром физическим и человеческим, занимает высшее место.

Идеи Паунда о цивилизации нацелены на замещение пуританской (традиционной для англо-американской юридической науки) «простой» идеи свободы как возможности индивидуального самоутверждения «сложной идеей постоянно развивающейся цивилизации, бесконечно прогрессирующего развития человеческих способностей»⁷⁹⁶. Звучащее в духе Гегеля предложение мыслителя было синтезировано с прагматизмом: цивилизация, заимствованная у Колера, предстает в «растущем» ключе аналогично идее Джеймса о «растущем» Боге. Социогуманитаристика, считал Паунд, предназначена к осмыслению данного феномена для того, чтобы понять способы и механизмы поддержания, дополнения (расширения) и передачи цивилизованности общества последующим поколениям⁷⁹⁷. Инструментально эта задача выполняется при помощи социального контроля, поставленного на службу цивилизации. Но замена идеи свободы идеей цивилизации не означает ее отрицания, и в этом ключевую роль играет рационалистическая установка Паунда: «Разумный социальный контроль по своей сути неизбежно не влечет за собой парализации свободы действий индивида»⁷⁹⁸, а лишь позволяет сделать максимум из того, что можно сделать для большинства людей⁷⁹⁹.

Исторически социальный контроль по мере эволюции организации общества – от родовой (основанной на принципе родства) к религиозной и, наконец, к политической, – осуществлялся различными средствами. В условиях первобытного общества, для которого был свойственен недифференцированный социальный

⁷⁹⁴ См.: *Ibid.* P. 17-18

⁷⁹⁵ См.: *Ibid.* P. 33.

⁷⁹⁶ См.: *Pound R. Interpretations of Legal History.* P. 145.

⁷⁹⁷ См.: *Pound R. Social Control Through Law.* New Haven: Yale University Press; London: Humpbrely Milford, Oxford University Press, 1942. P. 18.

⁷⁹⁸ *Pound R. Juristic Problems of National Progress // American Journal of Sociology.* Vol. XXII. 1917. № 6. P. 728.

⁷⁹⁹ См.: *Pound R. Social Control Through Law.* P. 64.

контроль, социальные нормы имели единую природу, что дало основание впоследствии А.И. Першицу уже в советской науке обозначить их как «мононормы»⁸⁰⁰. Позже произошло разделение, и социальный контроль стал осуществляться преимущественно через три основных института (*agencies*): мораль, религию и право, причем последнее стало задавать рамки, в которых функционировали иные регуляторы⁸⁰¹. Более того, Паунд подчеркивал, что в современности социальный контроль стал прежде всего функцией государства, а его эффективность в конечном счете стала зависеть от применения силы соответствующими уполномоченными органами. Такая доминирующая роль права, однако, не исключает необходимости его взаимодействия с другими социальными регуляторами: «право, если сегодня оно является главным средством социального контроля, нуждается в поддержке религии, морали и образования», поэтому оно «должно функционировать на фоне других, менее прямых, но не менее важных институтов», образуя с ними сложную систему поддержания цивилизованного порядка⁸⁰².

Интерпретация права как средства социального контроля носит глубоко прагматичный характер, а потому, как и вся философия прагматизма, сопряжена с центральной для нее проблемой – эффективностью. Для мыслителя, начавшего творческие изыскания с констатации факта расхождения между «правом в книгах» и «правом в действии», поиск путей их сближения означал, по сути, поиск ответа на вопрос об эффективности права и в этом смысле имел программное значение. Идея социального контроля позволила Паунду осмыслить проблему эффективности права как способности направлять поведение, разрешать споры и поддерживать порядок. Выступая узкоспециализированной формой социального контроля, право изначально ограничено в своих возможностях; его нельзя распространять на все общественные отношения, даже если подобные стремления вызваны необходимостью восполнить недостатки иных социальных регуляторов.

---

⁸⁰⁰ См.: История первобытного общества: Учебник для ист. фак. вузов / А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1982.

⁸⁰¹ См.: *Pound R. Social Control Through Law*. P. 18, 24.

⁸⁰² См.: *Ibid.* P. 25, 62 et seq.

Это во многом и составляет основную причину неэффективности правового регулирования: «Сегодня, – отмечал мыслитель, – по большей части, [эти причины] вырастают из чрезмерно амбициозных планов регулировать каждую фазу человеческой деятельности..., из попыток контролировать с помощью права вещи, которые ... не допускают объективного обращения и внешнего принуждения», в связи с чем проблема реализации права сводится в целом к вопросу о возможности целенаправленного правового воздействия, что в значительной мере обусловлено совокупностью «внутренних ограничений эффективного правового регулирования» (*the limits of effective legal action*)⁸⁰³.

Пределы правового регулирования, от которых зависит эффективность права, представляют собой практические причины, которые, как писал Паунд, «не позволяют нам делать с помощью права все, к чему побуждают этические соображения или социальные идеалы»⁸⁰⁴. Мыслитель систематизировал их в пять групп (*sets*): во-первых, это «сложности, связанные с установлением фактов», к которым должны применяться нормы; во-вторых, это невозможность юридического исполнения многих значимых моральных обязанностей (например, по заботе о здоровье); в-третьих, это неспособность права к защите некоторых интересов (например, защита от слухов или интриг); в-четвертых, это неприменимость права ко многим общественным отношениям (например, совместная жизнь супругов); наконец, в-пятых, это потребность в индивидуальной инициативе для приведения права в действие⁸⁰⁵.

Эти пределы – прямое следствие узкоспециализированности права как средства социального контроля. Понимание данного факта позволило Паунду окончательно определить специфику права в системе социального контроля и провести четкую грань между желаемым и возможным: право, в отличие от морали, имеет дело только со внешними, социально значимыми действиями,

---

⁸⁰³ См.: *Pound R. Limits of Effective Legal Action // International Journal of Ethics. Vol. 27. 1917. № 2. P. 151, 153.*

⁸⁰⁴ См.: *Pound R. Social Control Through Law. P. 54.*

⁸⁰⁵ См.: *Ibid. P. 55-60; Pound R. Limits of Effective Legal Action. P. 161-167; et seq.*

допускающими принудительное воздействие⁸⁰⁶. Это, в свою очередь, обуславливает его связь с государством как институтом, обладающим монополией на легитимное насилие и выступающим правоприменителем – субъектом, необходимым для приведения права в действие. Опираясь на эти соображения, Паунд объединил три рассмотренных смысла права – предписаний и лежащих в их основе идеалов и технических приемов, правоприменительного процесса и правопорядка – в нацеленную на практическую юридическую деятельность теорию, в которой эти части предстают взаимосвязанными компонентами.

§ 3.3. *Естественное право*⁸⁰⁷

Интерпретация права как инструмента, при помощи которого государство осуществляет социальный контроль, несмотря на свою правдоподобность и практическую значимость, порождает множество угроз, подлежащих изучению не столько в рамках юридических наук, сколько политических. И хотя Паунд не проводил четкой и однозначной границы между ними, особенно в части соотношения политологии и общей теории государства, считая их единой наукой, выход государства за пределы юридического он считал недопустимым⁸⁰⁸. В условиях, когда вопросы о долженствовании исключались или сводились к бессмысленной риторике, связь с силой превращала право в инструмент произвола. Административный абсолютизм, как называл его Паунд, заменил имманентно присущую юриспруденции идею баланса, поскольку «автократы и диктаторы не могли лично заниматься всеми деталями управления» и нуждались в большом количестве различных бюро, комитетов и учреждений⁸⁰⁹. Этот абсолютизм был для него воплощением приобретающего все большее влияние в

⁸⁰⁶ См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. Calcutta, 1958. P. 98; *Pound R. Law and Morals*. 2nd ed. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1926; и др.

⁸⁰⁷ Материал настоящего параграфа был подготовлен с использованием следующих публикаций автора: Меликовский А.А. Прагматическая философия права: Роско Паунд в поисках теории для практики // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 30-38.

⁸⁰⁸ См.: *Pound R. Law and the State: Jurisprudence and Politics* // *Harvard Law Review*. Vol. 57. 1944. № 8. P. 1193-1195.

⁸⁰⁹ См.: *Pound R. Recrudescence of Absolutism* // *The Sewanee Review*. Vol. 47. 1939. № 1. P. 23.

юридическом сообществе (прежде всего, среди последователей идей К. Ллевеллина⁸¹⁰) отрицания разума и упора на силу.

Сила, не ограниченная разумом, представлялась мыслителю причиной известных катастроф XX века. В учении представителей американского правового реализма (Паунд вслед за Кардозо предпочитал называть это течение «неореализмом») он видел теоретическую основу для подъема политического абсолютизма, отвечавшего исключительно интересам автократов и диктаторов, верящих не в право, а в законы («*which believes in laws rather than in law*»)⁸¹¹. Однако критика Паундом абсолютизма и сведения права к силе отнюдь не делала его утопистом, его позиция была вполне реалистичной: «В мире, каков он есть, разум должен опираться на силу, даже если сила должна быть умерена и направлена разумом»⁸¹². Связь между силой и разумом, по его мнению, лежала в основе цивилизованности общества, поскольку вся его история – «это история развития (роста) подчинения поведения как правителей, так и управляемых (*of rulers and of ruled*) разуму, даже если в случае управляемых разум подкрепляется силой»⁸¹³.

С другой стороны, господствовавший в XX веке релятивизм отразился и на юридической сфере, сделав принципиально невозможным правовое регулирование, для эффективного осуществления которого необходимы ценности, выступающие в качестве критериев признания, ограничения и разграничения интересов. К этим ценностям, независимо от осознания данного факта, обращаются правоприменители в процессе правовой квалификации: «в конечном счете, – утверждал мыслитель, – признание или отказ в признании и разграничение интересов осуществляется в соответствии с установленной мерой ценностей», а потому «какой бы трудной не была проблема ценностей, науке от нее никуда не деться»⁸¹⁴. Но эта потребность вступала в противоречие с позитивистским духом эпохи: еще во второй половине XIX века в англоязычном мире стала заметна

⁸¹⁰ О споре и о напряженности личных отношений Паунда и Ллевеллина см.: *Hull N.E.H. Roscoe Pound and Karl Llewellyn: Searching for an American Jurisprudence. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1997.*

⁸¹¹ См.: *Pound R. Revival of Natural Law // Notre Dame Lawyer. Vol. 17. 1942. № 4. P. 324, 354.*

⁸¹² *Ibid.* P. 309.

⁸¹³ *Ibid.* P. 328.

⁸¹⁴ *Pound R. Social Control Through Law. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942. P. 80, 103.*

тенденция, согласно которой юриспруденция стремилась «обойтись без философии», пытаясь рассматривать нормы права как чистые правовые факты (*pure facts of law*). Практика, однако, показала иллюзорность этого стремления: «игнорировать идеальный элемент в праве, – как констатировал Паунд, – даже если выбросить его из головы» невозможно, а значит «естественное право должно было вернуться снова в начале XX века, хотя и необязательно именно под таким названием»⁸¹⁵.

Для Паунда право – феномен, обращенный к долженствованию⁸¹⁶. Отвергая абсолютный релятивизм и оспаривая сведение права к предписаниям или силе, он подчеркивал, что в сфере, зависимой от человеческой воли, «то, что есть, не говорит нам всей истории (*to tell the whole story*)», исходя из чего центральным и неизбежным становится вопрос о том, что должно быть⁸¹⁷. Поскольку проблема долженствования традиционно относилась к компетенции философов права, автор «социологической юриспруденции» не пренебрегал и философской юриспруденцией, призванной дать критический анализ позитивного права и сформировать тем самым основу для развития юридической науки и практики. Эту критическую функцию он считал целью вообще всех социальных наук, предназначенных к «поиску материалов и выработке метода критики»⁸¹⁸. Отстаивая эту позицию, Паунд справедливо напоминал, что «в прошлом философия была лидером во все великие творческие эпохи» и «ни один скептически настроенный релятивист» не может подтолкнуть юристов не придавать ей значения, относиться к ней лишь как к «иллюзии» или нежизнеспособному «благочестивому пожеланию», признавая истинным знаменитое изречение царя Соломона – «*vanitas vanitatum, omnia vanitas*» («суета сует, все суета»). Прогресс, подтверждающий силу разума, был для мыслителя очевиден: «Мы не сомневаемся, что человек, размышляя, не может прибавить ни локтя к своему физическому росту. Но люди, размышляя, за всю историю

---

⁸¹⁵ См.: *Ibid.* P. 5.

⁸¹⁶ См., например, как данный вопрос решается в неокантианстве: Фролова Е.А. Неокантианская философия права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42-49.

⁸¹⁷ См.: *Pound R. Social Control Through Law.* P. 29, 32,

⁸¹⁸ См.: *Pound R. Revival of Natural Law.* P. 289, 324-325.

цивилизации повысили свой моральный уровень на много локтей – и именно об этом мы говорим в социальных науках»⁸¹⁹.

Вера в философию и сопутствующее возрождение естественного права, впрочем, не означали реконструкции классических (новоевропейских) теорий естественного права. Задача Паунда была в том, чтобы по-новому – с учетом релятивизированности мира и нарастающих нападков со стороны юридического и социологического позитивизма – взглянуть на эти учения и обнаружить в них основания, способные как сдерживать применение силы, так и служить авторитетными материалами для осуществления практической юридической деятельности. Для этого он обратился к истории теорий естественного права, пытаясь вывести их сущностные черты, характерные для тех или иных эпох.

Так, естественное право XVII основывалось на разуме как «постулируемой данности», поиск которой осуществлялся «в идеале общественного устройства и права, традиционного для времени и места». В отличие от него, естественное право XVIII века исходило из естественных прав, которые и полагались его источником, проистекающим из «природы вещей и человека». К середине XVIII века получает распространение идея счастья (подхваченная и раскрытая в утилитаризме как «учении о пользе, то есть способности создавать счастье»), которая вытесняет идею разума, а уже в XIX веке место разума занимает свобода, становясь основой всего юридического. Эти изменения проявились в том числе и в соотношении права (естественного права) и морали: если в XVII веке они отождествлялись, то уже в XIX веке – противопоставлялись. Но названными различиями дело не исчерпывалось. Паунд считал, что естественное право в эти эпохи имело особенности и с точки зрения его функций: в XVII веке естественное право в равной степени выполняло созидательную (творческую, *creative*) и организующую; в XVIII веке – «скорее организующую, чем созидательную», что наиболее ярко проявилось в кодификационной тенденции на Континенте, а в XIX веке – исключительно давало «этико-идеалистическую интерпретацию права»⁸²⁰.

---

⁸¹⁹ *Ibid.* P. 372

⁸²⁰ *См.: Ibid.* P. 292-299.

Общее в понимании естественного права также присутствовало, и оно уходило корнями еще в римское право. Начиная с Ульпиана, давшего древнейшее определение естественного права (*ius naturale*) как части права частного (*ius privatum*), которому «природа научила все живое» (D.1.I.1.3)⁸²¹, предполагалось наличие «постулируемого универсального фундаментального права, непосредственно отраженного в идеальном элементе систем позитивного права»; это и называлось естественным, то есть «идеальным» (Паунд сводил «*nature*» к «идеалу»⁸²²), правом⁸²³. В Новое время это идеальное право, чьи положения должны были получить признание в позитивном праве, было дополнено учением о естественных правах как гарантии стабильности правопорядка и доктриной общественного договора как основы гражданского общества⁸²⁴. При этом, как полагал мыслитель, характер представлений об идеальном обществе, традиционно называемый общественным идеалом, определял так называемый тип естественного права: политический или политико-философский следовал из идеала «политического общества», связанного условиями общественного договора; религиозный – из идеала христианского общества; экономико-философский – из идеала экономического порядка в обществе⁸²⁵.

Обширная история естественно-правовой доктрины в многообразии ее интерпретаций с методологической точки зрения вызвала у Паунда сомнение в отношении того, насколько называемые естественным правом явления соответствовали его сущности. Связано это прежде всего с учением Гроция, с его рассмотрением естественного права *a priori* и *a posteriori*: если в первом случае естественное право означало рациональный идеал, то во втором – правовые положения, признанные наиболее развитыми цивилизациями. Оценка *a posteriori* восходила к решению проблемы соотношения *ius naturale* и *ius gentium* – проблемы, известной еще во времена римских юристов (упоминавшийся Ульпиан, например, относил первое «ко всем животным», а последнее – лишь к людям в их отношениях

⁸²¹ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 82-83.

⁸²² См.: Pound R. Ideal Element in Law. Calcutta, 1958. P. 30.

⁸²³ См.: Pound R. Revival of Natural Law. P. 289.

⁸²⁴ См.: Pound R. Revival of Natural Law. P. 329-330.

⁸²⁵ См.: Pound R. Ideal Element in American Judicial Decision // Harvard Law Review. Vol. 45. 1931. № 1. P. 139.

между собой (D.1.I.1.4)⁸²⁶) – через их отождествление. Столь внимательное прочтение Паундом учения голландского юриста легло в основу его самого оригинального естественно-правового тезиса: разделения естественного права (*natural law*) на «естественное естественное право» (*natural natural law*) – тот самый рациональный идеал – и на «позитивное естественное право» (*positive natural law*) – настолько распространенное конкретно-историческое идеализированное представление о нормах, институтах и доктринах, что, кажется, не оно выводится из идеала, а сам идеал выводится из него⁸²⁷.

«Естественному естественному праву» Паунд давал обстоятельное, развернутое определение, состоящее из трех «рационально постигнутых» его проявлений – справедливости (*justice*), правопорядка и правовых предписаний. Как «рационально постигнутая картина справедливости (*justice*)» «естественное естественное право» представляет собой идеальные отношения между людьми; как правопорядок – «рационально постигнутые средства поощрения и поддержания этих отношений»; а как правовые предписания – «рационально постигнутые идеальные инструменты обеспечения эффективности правового порядка для достижения его идеальной цели»⁸²⁸. Сердцевиной «естественного естественного права», иными словами, выступают идеальные общественные отношения, которые сохраняются таковыми при помощи правопорядка, эффективность (достижение цели) которого, в свою очередь, непосредственно зависит от норм (предписаний) как конкретных инструментов воздействия.

Мысль Паунда заключалась в том, чтобы заменить характерное для классической естественно-правовой доктрины представление об идеальном (совершенном) человеке (индивидууме) – некой умозрительной абстракции, с предполагаемым поведением которого требовалось соотносить действия конкретного субъекта всякий раз при осуществлении практической юридической деятельности и прежде всего при отправлении правосудия, – представлением об идеальном (совершенном) общественном отношении, в котором интересы его

⁸²⁶ Дигесты Юстиниана. С. 82-83.

⁸²⁷ См: *Pound R. Revival of Natural Law*. P. 303.

⁸²⁸ *Pound R. Natural Natural Law and Positive Natural Law // Natural Law Forum*. Vol. 5. 1960. P. 70.

участников «взвешены» и сбалансированы. Такая интерпретация естественного права переносит центр тяжести с атомизированной индивидуализированности человека на его социализированность, что успешно решало задачу восполнения главного недостатка теорий естественного права Нового времени – их индивидуалистического характера, – позволяя соединить реалистичность существования личности с имманентно характерным ей стремлением к высоким идеалам.

Подобная интерпретация естественного права в то же время была прагматична. Это выражалось в том, что Паунд вывел из данной конструкции исторически выполняемые ею функции. Во-первых, «естественное естественное право» осуществляло творческую, созидательную функцию. Его практическое назначение заключалось в направлении правотворческой и правоприменительной деятельности в ситуациях, когда под влиянием определенных социально-экономических обстоятельств возникают новые или изменяются старые общественные отношения; тем самым «естественное естественное право» задавало вектор правового развития, указывая на правообразующие факторы и способствуя разработке норм, адекватных к применимым реалиям. Во-вторых, оно осуществляло критическую функцию, которая, руководствуясь конкретно-историческими представлениями о целях права, была ориентирована не на будущий правопорядок, как предыдущая, а на действующий, обеспечивая для него «основу для разумной и эффективной критики общепринятых правовых предписаний». Эта функция, в свою очередь, нередко сводила понимание конкретно-исторических представлений к вечным и неизменным концептуальным началам права, превращаясь в средство легитимации действующего правопорядка посредством осуществления третьей (ошибочной с точки зрения Паунда) функции – «изобретательным и правдоподобным» обоснованием юридического *status quo* в неизбежно развивающемся мире⁸²⁹.

В отличие от «естественного естественного права», «позитивное естественное право» и было отражением конкретно-исторических представлений

---

⁸²⁹ См.: *Ibid.* P. 74.

о том, каким должно быть позитивное право. Оно образует систему правовых предписаний, логически выведенных из опыта решения в прошлом всегда актуальных проблем⁸³⁰. Назначение этих предписаний сводится к приданию позитивному праву юридической силы (*validity*) через его обоснование со ссылками на господствующие идеи о целях права. Из-за этого, когда говорят о естественном праве, полагал мыслитель, имеют в виду именно «позитивное естественное право», а не «естественное естественное право», выведенное независимо от позитивного права⁸³¹. Но «позитивное естественное право» не образовывало вечного и в этом смысле умоглядно существующего идеала, а составляло «совокупность обоснованных принципов, которые дают рациональный и логически непротиворечивый план принятых правовых предписаний данного времени и места»⁸³². Его выявление возлагается на философскую юриспруденцию, которая стремится объяснить действующее во времени и пространстве позитивное право.

Из разделения естественного права на «естественное естественное» и «позитивное естественное» следует и общее недовольство мыслителя рассуждениями о «нормах естественного права» («*rules of natural law*») – понятии, по сути, бессодержательном, поскольку в первом случае речь, на самом деле, идет о «совокупности идеалов или идеальных принципов (*principles*)», а во втором – о «совокупности идеальных правил (*rules*)»⁸³³. Смещение идеальных принципов как отправных точек юридического рассуждения и аргументации и идеальных правил как детализированных требований к поведению привело к «вере в совокупность жестких, неизменных догм, принявших форму позитивного права», и эта идеальная форма позитивного права, превратившаяся в инструмент критики позитивного права, стала основанием его действительности, впоследствии дискредитировав не только естественное право, но и философию права⁸³⁴.

Однако у «позитивного естественного права» было одно значительное достоинство: оно призывало наиболее эффективным образом использовать

---

⁸³⁰ См.: *Ibid.* P. 70.

⁸³¹ См.: *Pound R. Ideal Element in Law.* P. 48.

⁸³² См.: *Pound R. Natural Natural Law and Positive Natural Law.* P. 74.

⁸³³ См.: *Pound R. Revival of Natural Law.* P. 304.

⁸³⁴ См.: *Ibid.* P. 305.

позитивное право; поэтому его задача сводится вовсе не к тому, чтобы «уверенно отождествлять себя с постулируемым вечным, неизменным, универсальным естественным естественным правом», а к тому, чтобы «дать программу критики позитивно-правовых норм», «приближаясь к программе естественного естественного права, но претендуя лишь на отражение цивилизации времени и места»⁸³⁵. Эта задача, как показывал мыслитель под влиянием Колера, реализовывалась прежде всего путем выведения из позитивного права ведущих государств «юридических постулатов цивилизованного общества» («*the jural postulates of civilized society*»): «Мы призваны сформулировать юридические постулаты цивилизации времени и места»⁸³⁶, – провозгласил Паунд на первом занятии по введению в философию права в рамках «Лекций Сторрса» в 1921-1922 учебном году.

В этом курсе Паунд формулирует пять юридических постулатов цивилизованного общества, которые отражают желания и притязания такого общества и наглядно демонстрируют замену идеи свободы личности идеей цивилизации как меры человеческого общежития, обусловленного ожиданиями (разумными ожиданиями) личности от жизни в таком обществе. Так, в цивилизованном обществе «люди должны быть способны допускать» («*must be able to assume*»), что, во-первых, никто умышленно не причинит им вреда и не совершит по отношению к ним преднамеренной агрессии; во-вторых, другие, осуществляя те или иные действия, будут проявлять должную осмотрительность в отношении последствий, которые могут быть разумно предвидены, и, следовательно, не станут подвергать окружающих неоправданному риску; в-третьи, люди, обладающие вещами, способными выйти из-под контроля и принести ущерб, будут «удерживать их в надлежащих пределах»; в четвертых, люди, с которыми человек вступает в отношения, будут действовать добросовестно⁸³⁷; в-пятых, они смогут

⁸³⁵ См: *Ibid.* P. 306-307, 314.

⁸³⁶ *Pound R.* Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale University Press, 1922. P. 56.

⁸³⁷ Из принципа добросовестности Паунд выводит четыре следствия: во-первых, люди будут «предъявлять обоснованные требования, вытекающие из обещания или иного поведения»; во-вторых, люди будут исполнять взятые на себя обязательства в соответствии «с ожиданиями, возлагаемыми моральным чувством общества»; в-третьих, люди будут вести себя «с усердием и преданностью в отношениях, обязанностях (должностях, *offices*) и призваниях»; в-четвертых, люди будут возвращать то, что досталось им по ошибке (См.: *Ibid.* P. 188-189)

контролировать в своих интересах то, что «открыли и применили для собственного использования», «создали собственным трудом» или «приобрели в существующем социальном и экономическом порядке»⁸³⁸.

Нетрудно заметить, что указанные постулаты касаются частной сферы жизни граждан и, соответственно, частноправовой сферы регулирования. Сам Паунд впоследствии уточнял: «Поколение назад я стремился сформулировать юридические постулаты цивилизованного общества в наше время и в нашем месте в целях систематического изложения частного права (то есть права, регулирующего индивидуальные интересы и отношения индивидов с индивидами)... То, что я стремился сделать, – это сформулировать, что предполагалось законом в отношении владения, собственности, юридических сделок и вытекающих из них отношений, а также правонарушений»⁸³⁹. Мыслитель и не стремился охватить все сферы правового регулирования и создать исчерпывающий перечень постулатов. Напротив, он признавал, его динамичность (это постулаты конкретного времени и места), а значит и способность к расширению, что подтвердил дополнением своего перечня двумя новыми постулатами, получающими признание в связи с распространением идей о социальной государственности: с одной стороны, положением о том, что бремя, связанное с жизнью человека в обществе, будет нести само общество; с другой – о том, что человеку будет обеспечена «нормальная жизнь» и «немедленное материальное удовлетворение», а не «просто равные возможности»⁸⁴⁰. Нельзя сказать, что Паунд был абсолютно согласен с такими новациями; подвергая их жесткой критике, он видел в них огромное количество угроз, связанных, главным образом, с неизбежным ростом полномочий государственных органов: «максимальная забота о жизни индивида требует максимального удовлетворения всей шкалы человеческих желаний или ожиданий за счет максимальной власти государственных служащих»⁸⁴¹. А это непременно влечет превращение

---

⁸³⁸ См.: *Ibid.* P. 169, 170, 176, 188, 192-193.

⁸³⁹ См.: *Pound R. Social Control Through Law.* P. 113

⁸⁴⁰ См.: *Pound R. Revival of Natural Law.* P. 363.

⁸⁴¹ *Pound R. Ideal Element in Law.* P. 267.

«государства всеобщего благоденствия» (*welfare state*), – название которого Паунд считал не более, чем хвастовством, потому что на деле это было лишь «обслуживающим государством» (*service state*), – во «всемогущее, всевластное государство» (*omnicompetent state*), причем если построение первого – занятие трудоемкое, требующее времени и усилий для постепенной реализации реформ, то от него до политического абсолютизма один шаг⁸⁴².

В условиях господства релятивизма попытка сформулировать какие-либо исходные и универсальные для определенного времени и места положения, которые лежат в основе позитивного права, – старание, по меньшей мере, смелое, претендующее на смягчение ситуации. Но Паунд действовал тактически верно, как бы адаптируя свою мысль к релятивизированному миру. Эта адаптация проявилась в том, что юридические постулаты цивилизованного общества были им логически выведены из концепции социальной инженерии и интерпретированы, соответственно, с акцентом на их инженерную ценность. «Я не сомневаюсь, – свидетельствовал он, – что Эйнштейн показал нам, что мы живем в искривленной вселенной. Здесь нет плоскостей, прямых линий, прямых углов или перпендикуляров, и параллельные линии, скорее всего, пересекаются по эту сторону бесконечности. Но по этой причине мы не отказываемся от геодезии как практической деятельности. Если ее постулаты в конечном счете ошибочны, они достаточно близки к истине для практических целей»⁸⁴³. А поскольку право всегда о практике, причем связанной с применением силы, ему такие постулаты просто необходимы: «Если мы не можем, – указывал Паунд, – установить ... меру ценностей, с которой все согласятся, из этого не следует, что мы должны сдать и отдать общество в руки неконтролируемой силы»⁸⁴⁴.

Неконтролируемая сила есть ни что иное, как произвол, который, по Паунду, может быть поставлен на контроль и сдержан лишь разумом. Идеей разума пронизано учение мыслителя, особенно в поздний период его творчества – во время Второй Мировой войны и после нее. Это классическая естественно-правовая идея,

⁸⁴² См.: *Ibid.* P. 268, 272, 274.

⁸⁴³ *Pound R. Revival of Natural Law.* P. 371.

⁸⁴⁴ *Pound R. Social Control Through Law.* P. 108.

согласно которой выводились универсальные, вечные и неизменные правила, от соответствия которым зависела действительность позитивного права. В интерпретации Паунда она обретает новое звучание: идея разума влечет признание, что, во-первых, в основе какой-либо совокупности предписаний лежат единые принципы и, во-вторых, что каждое отдельное предписание имеет обоснование своего назначения, отличное от ссылки на волю суверена как основания действительности, в чем, очевидно, прослеживается влияние телеологических взглядов Иеринга. Разум, таким образом, предстает в качестве «творческого инструмента», который «дает критику правовых предписаний»⁸⁴⁵.

Этот «творческий инструмент» не стремится к выполнению изначально обреченной задачи в формулировании правил для всех времен и всех народов; он тесно связан с историческим наследием, которое в праве определяется влиянием того, что Паунд называл традиционным элементом. А поскольку этот традиционный элемент отражает опыт, разум невольно становится связанным с ним. Опыт лежит в основе различного рода «разумных ожиданий», частным проявлением которых выступают «законные ожидания», в основе «юридических постулатов», наконец, в основе того, что в континентальной юридической науке называется «субъективными правами»⁸⁴⁶. Право, напоминал Паунд, «предполагает жизнь, основанную на разуме, правопорядок, измеряемый разумом, ... судебный процесс, осуществляемый путем применения обоснованной методики к опыту, разработанному разумом, и разум, проверенный опытом»; оно не может быть «чистым разумом в вакууме», а представляет собой «разум, организующий и развивающий опыт, корректируемый и развиваемый дальнейшим опытом»⁸⁴⁷. Опыт и разум в праве по этой причине не противопоставлены, а представлены в гармонии, достигаемой посредством их непрерывного взаимодействия, приводящего к развитию. А это для мыслителя, избравшего в качестве одной из методологических столпов своего учения неогегельянство, имеет сущностное значение. Развитие, проистекающее согласно законам диалектики, должно быть

---

⁸⁴⁵ См.: *Pound R. Comparison of Ideals of Law // Harvard Law Review. Vol. 47. 1933. № 1. P. 12.*

⁸⁴⁶ См.: *Pound R. Social Control Through Law. P. 80, 82, 83.*

⁸⁴⁷ См.: *Pound R. Natural Natural Law and Positive Natural Law. P. 75.*

направлено к росту цивилизации, по умолчанию предполагающей подчинение силы разуму, что обществе современного типа (в том числе во времена Паунда) может быть осуществлено исключительно с помощью права⁸⁴⁸.

С другой стороны, развитие права осложнено наличием в праве по-настоящему противоборствующих начал – стремления к постоянству (статике) и в то же время к динамизму. Эта проблема казалась Паунду почти что самой фундаментальной, от решения которой зависели все иные проблемы. Еще зимой 1922 года, читая в Тринити-колледже (*Trinity College*) Кембриджского университета курс лекций, посвященный интерпретации истории права, Паунд констатировал этот конфликт как исходный тезис своего рассуждения: «Право, – указывал он, – должно быть стабильным, и все же оно не может стоять на месте. Следовательно, все размышления о праве направлены на то, чтобы примирить противоречивые требования необходимости стабильности и необходимости перемен. [...] Так или иначе, – заключает он, – почти все спорные вопросы юридической науки оказываются фазами [данной] проблемы»⁸⁴⁹. И хотя на естественное право тогда Паунд едва ли обращал внимание, спустя много лет он констатировал его роль в решении рассматриваемой проблемы. На лекции «Естественное право в истории права» (*«Natural Law in Legal History»*), прочитанной 24 января 1942 года – спустя двадцать лет после курса в Тринити-колледже – он заметил, что естественное право очень успешно решало эту проблему. Посредством приверженности концепции естественных прав оно служило гарантией правопорядка и наряду с этим выступало «силой, способной нести изменения», поскольку отождествлялось с разумом, который находился в диалектической связи с опытом⁸⁵⁰.

Из фактического отождествления разума и естественного права логически следует особая интерпретация назначения естественного права, далеко не

⁸⁴⁸ См.: *Pound R. Future of Law // The Yale Law Journal. Vol. 47. 1937. № 1. PP. 1-13.*

⁸⁴⁹ *Pound R. Interpretations of Legal History. New York: The Macmillan Company, 1923. P. 1.*

В этой связи также см.: *Фролова Е.А. Право как фактор социальной стабильности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 23. 2022. № 2. С. 262-272; Фролова Е.А. Право как фактор социальной стабильности: теория и философия права // Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 240-263.*

⁸⁵⁰ См.: *Pound R. Revival of Natural Law. P. 329-330.*

сводящаяся к проведению «теста на действительность» позитивного права⁸⁵¹. Поиск оснований действительности права, с точки зрения Паунда, должен мало интересоваться юристов, поскольку в генетическом смысле под источниками силы права («*sources of authority of the legal order*») имеются в виду три разных явления, каждое из которых по-своему решает эту проблему: «непосредственный практический источник» («*immediate practical source*»), заключающийся в применяющих эту силу органах государства; и два конечных источника – конечный практический («*ultimate practical source*») и конечный моральный («*ultimate moral source*»), – так или иначе относящихся к области политических наук⁸⁵². Правопорядок, подчеркивал мыслитель, продолжает существовать независимо от характера и содержания ответов на указанные вопросы, а право – сохранять силу, потому что оно «выполняет – и выполняет хорошо – свою задачу по примирению и гармонизации противоречивых и пересекающихся» интересов, тем самым поддерживая социальный порядок, при котором становится возможным развитие цивилизации⁸⁵³.

Опираясь на связь между опытом, выработанным разумом, и разумом, проверенным опытом, позитивное право должно решать актуальные проблемы в жизни общества, неудовлетворенного решениями, принятыми в соответствии с «простыми моральными принципами универсальной значимости» («*simple moral maxims of universal validity*»); а естественное право как разум, отвечающий за «выработку опыта» и, таким образом, «несущий изменения», должно «выполнять свою функцию как критика идеального элемента в позитивном праве»⁸⁵⁴. Если естественное право не преследует задачи обоснования позитивного права, то из его соотношения с позитивным правом следует лишь то, что в праве есть идеальный элемент – «не столько высшее право (*a superior law*), сколько более высокий свод

---

⁸⁵¹ О действительности, действительности и легитимности права см.: Три царства права: действительность, действительность, легитимность: монография / под ред. Е.В. Тимошиной. СПб.: СПбГУ, 2023.

⁸⁵² См.: *Pound R. Social Control Through Law*. P. 51-52.

⁸⁵³ См.: *Ibid.* P. 53-54.

⁸⁵⁴ См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. P. 50.

законов (*a body of laws*) или правовых норм (*rules of law*)); «жизненно важная часть самого права»⁸⁵⁵.

Под идеальным элементом Паунд понимал «совокупность идеалов социального и, следовательно, правового порядка»; «совокупность общепринятых авторитетных идеалов о том, что такое право, для чего оно нужно и, соответственно, какими должны быть правовые предписания и как их следует применять в свете этих идеалов»⁸⁵⁶. В практической юридической деятельности он способствует совершению выбора «отправных точек юридической аргументации»⁸⁵⁷ – тех исходных посылок (идей, принципов), которые определяют ход рассуждения правоприменителя или правоинтерпретатора. Но поскольку право всегда стремится балансировать между «стабильностью» и способностью «к переменам», идеальный элемент также выполняет двойную задачу: с одной стороны, он служит основанием для критики позитивного права, позволяя увидеть его несовершенство и указать на пути к их преодолению; с другой – он «внушает уверенность» в том, что совершенствование права возможно и достижимо.

Учение об идеальном элементе стало отражением в творчестве мыслителя повсеместно возрождающихся естественно-правовых теорий и было предложено после и под влиянием Штамллера, вновь возвратившего внимание к юридическому идеализму. Идеалы, по убеждению Паунда, праву присущи имманентно; они представляют собой «мысленные картины того, что человек делает или почему, с какой целью он это делает»⁸⁵⁸. Отрицание идеалов если не глупо, то лицемерно: даже аналитическая юриспруденция, признававшая порвать с философией и проблемой ценностей, не осознавая того, исходит из собственного идеала – идеала права как самодостаточного текста и замкнутой нормативной системы⁸⁵⁹. Но идеалы значимы не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они служат достижению социального порядка, осуществимого через право. Поэтому идеальное в понимании Паунда специфично, носит прагматическую окраску, в связи с чем

⁸⁵⁵ *Pound R. Natural Natural Law and Positive Natural Law. P. 70.*

⁸⁵⁶ *Pound R. Ideal Element in Law // Denver Law Review (Dicta). Vol. 10. 1933. № 8. P. 232.*

⁸⁵⁷ *Pound R. Revival of Natural Law. P. 288.*

⁸⁵⁸ *Pound R. Ideal Element in Law. P. 5.*

⁸⁵⁹ *См.: Ibid. P. 20.*

оно не характеризуется противостоянием реальному, а функционирует в этой реальности, направляя правотворчество и правоприменение в русло разумного.

По логике учения Паунда идеальный элемент воплощается в «позитивном естественном праве» – концептуальных (идейных) основаниях действующего права. Взятые как конкретно-исторические понятия, они могут быть признаны тождественными⁸⁶⁰. Существующие (возможно, в неявном виде), но непременно функционирующие цели, ценности, принципы и иные идеальные составляющие всегда лежат в основе позитивного права; их совокупность, следовательно, и образует «позитивное естественное право», в котором идеальный элемент находит свое выражение. Реконструкция идеального элемента осуществляется в рамках философской юриспруденции, но поскольку в прошлом на нее практически не обращалось внимания, то и идеальный элемент оставался неизученным. «Если бы идеальный элемент в праве ... времени и места был так же хорошо организован, обладал такой же определенностью и подвергался такой же уверенной и тщательной критике, какой долгое время подвергался аппарат правил и доктрин, – констатировал Паунд, – это не было бы источником путаницы, о которой мы так много говорим»⁸⁶¹.

Идеальное начало, будучи неустранимым, остается при этом разрозненным и в некотором смысле неизвестным, а потому порождает концептуальную неопределенность там, где могло бы служить прочным фундаментом юридического мышления. Отсюда следует задача, которую Паунд ставит перед современной ему юридической наукой: «Сегодня, – указывал он в 1942 году, – мы должны использовать философский метод в юриспруденции, чтобы выделить и критиковать идеальный элемент в системах развитого права, упорядочить этот элемент, как в прошлом веке мы упорядочили элемент предписаний, придать ему определенность и разработать метод критики, не менее уверенный и тщательный, чем тот, которому долгое время подвергался аппарат правил и доктрин»⁸⁶². Эта работа продиктована самой необходимостью, так как без идеалов и их осознания

⁸⁶⁰ См.: *Pound R. Revival of Natural Law*. P. 318.

⁸⁶¹ *Pound R. Ideal Element in Law // Denver Law Review (Dicta)...* P. 236.

⁸⁶² *Pound R. Ideal Element in Law*. P. 23-24.

право остается мертвым набором правил: «элемент идеала, – свидетельствует мыслитель, – оживляет элемент предписания и позволяет праву устанавливать режим справедливости (*justice*)⁸⁶³.

Вывести идеальные начала из действующего права – задача, которую можно решить исключительно при помощи философского позитивизма (путем обобщения эмпирических данных – правовых норм и практики их реализации) – обязательной методологической установки социологического правопонимания. Учение об идеальном элементе, тождественном «позитивному естественному праву», таким образом, – это своеобразный проект теории естественного права с социологическим уклоном. С этих позиций становится понятным и предпринятое мыслителем формулирование «юридических постулатов цивилизованного общества»: они представляют собой выражение идеального элемента применительно к американскому частному праву первой четверти XX века. Каждый из этих постулатов одновременно предъявляет требования к поведению участников правоотношений и выступает критерием оценки их поведения. В этом качестве постулаты служат наглядной иллюстрацией того, как может выглядеть упорядоченный и подвергнутый критике идеальный элемент. Более того, из них видно, что признание позитивного естественного права как идеального элемента позитивного права позволяет обнаружить концептуальные начала в правовом регулировании общественных отношений, что впоследствии открывает новые возможности для сравнительно-правовых исследований (как синхронного, так и диахронного характера) и позволяет направить развитие права в ногу с цивилизацией.

Идеальный элемент по-кантиански (и, соответственно, по-неокантиански) формальный; его содержание изменчивое, по-неогегельянски «растущее». Будучи исторически обусловленным, данный элемент стремится к универсальности, но ограниченной пространством и временем действия правопорядка. С практической точки зрения, руководствуясь идеалами, юристы (прежде всего правоприменители) осуществляют разграничение сталкивающихся интересов (что в целом может быть

---

⁸⁶³ *Pound R. Revival of Natural Law. P. 328.*

осуществлено либо со ссылкой на опыт, полученный «методом проб и ошибок», либо со ссылкой на юридические постулаты цивилизации времени и места, либо со ссылкой на идеалы общественного устройства, социального и правового порядка⁸⁶⁴). Но так как и у правоприменителя есть личные, субъективные идеалы, то между ними и общепризнанными, нормативными идеалами должны быть проведены отличия, что также необходимо делать в рамках философской юриспруденции⁸⁶⁵. Идеальный элемент («позитивное естественное право»), другими словами, предстает как извлеченная из массы позитивно-правовых предписаний их внутренняя логика и основополагающие идеи, придающие системе права связность и целенаправленность. В этом демонстрируется воплощение идеи разума, предполагающей наличие общих, единых принципов, лежащих в основе совокупности предписаний, а также обусловленность учения об идеальном элементе учением о цели права: цель определяет суть и назначение позитивного права, то есть его идеалы.

Но так как по мере развития общества возникают новые интересы, требующие разграничения и признания, то они, полагал мыслитель, «могут влиять и на представления о цели правопорядка»⁸⁶⁶. Так произошло в связи с распространением идей о социальной государственности: вопреки приверженности ее критике, Паунд признавал, что «в сложном индустриальном обществе по частной инициативе все труднее становится сделать что-либо, что общественность желает сделать, и желает сделать быстро»⁸⁶⁷. Общество начинает возлагать на государство несвойственные ему прежде ожидания: «люди, – отмечал ученый, – по-видимому, считают, что политически организованное общество призвано избавить их от всех тревог и беспокойств, гарантируя им комфортное существование, больше удовлетворяющее их индивидуальные потребности вместо предоставления возможности конкурентноспособного существования»⁸⁶⁸. Эти веяния привнесли в юридическую науку новый идеал – идеал сотрудничества, – как

---

⁸⁶⁴ См.: *Pound R. Social Control Through Law*. P. 109-118 et seq.

⁸⁶⁵ См.: *Pound R. Ideal Element in Law // Denver Law Review (Dicta)*... P. 238.

⁸⁶⁶ См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. P. 246.

⁸⁶⁷ См.: *Ibid.* P. 273.

⁸⁶⁸ *Pound R. Revival of Natural Law*. P. 363.

пути, который наряду с идеалом «свободной, спонтанной, индивидуальной инициативы и самоутверждения» ведет к росту цивилизации⁸⁶⁹.

Общество, направленное к росту цивилизации, движимо гуманитарной идеей (*the humanitarian idea*) – идеалом мира, в котором каждый может найти свое место в системе идеальных отношений (категория из области естественного естественного права)⁸⁷⁰. Это идеал мира, в котором все люди рассматриваются не как «идеально свободные в достижении этих отношений», а как уже находящиеся в них⁸⁷¹. Двигая и направляя общественное развитие, гуманитарный идеал может привести к диаметрально противоположной, но автономно не существующей авторитарной идее (*the authoritarian idea*), стремящейся к полному контролю государства над всеми сферами жизни. Государство всеобщего благоденствия казалось мыслителю тем, что способствовало переходу к этой идее. Логика Паунда была предельно ясной: для осуществления возложенной на государство заботы, ему необходимы соответствующие полномочия, расширение которых влечет рост злоупотреблений; а это, в свою очередь, приводит к тому, что весь властный произвол начинает считаться правом (позиция, отстаиваемая «неореалистами»). Емко эту мысль Паунд выразил следующим образом: «Возвышение политически организованного общества до положения абсолютного правителя означает, что те, кто осуществляет власть и силу этой организации, стоит выше права. То, что они делают – право, потому что это делают именно они, что само по себе является отрицанием права»⁸⁷².

В конфликте между правом и абсолютизмом Паунд однозначно занял сторону права – «настоящего врага абсолютизма»⁸⁷³. Отстаивая право как триединство правопорядка, правоприменительного процесса, системы предписаний и лежащих в их основе идеалов и технических приемов, он не только возражал против очередного возрождения политического абсолютизма, но и призывал не подвергать забвению опыт прошлого, когда свобода личности

⁸⁶⁹ См.: *Ibid.* 365; *Pound R. Social Control Through Law*. P. 130-132.

⁸⁷⁰ См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. P. 246.

⁸⁷¹ См.: *Pound R. Introduction // American Journal of Comparative Law*. Vol. 1. 1952. № 1/2. P. 7.

⁸⁷² См.: *Pound R. Ideal Element in Law*. P. 273.

⁸⁷³ См.: *Ibid.* P. 269.

воспринималась в качестве высшего блага. При этом превозносить свободу, пренебрегая иными правовыми ценностями – равенством, гуманизмом и так далее, – он считал недопустимым: во всем должен быть баланс, поскольку «одно из них, доведенное до крайности, отрицает другое»⁸⁷⁴. Стремление к такому балансу становится особенно насущным во времена, когда мир сталкивается с чем-то новым и непривычным, в том числе ведущим к росту цивилизации. Но рост цивилизации немыслим без ценностей, пронизывающих весь правопорядок; сам же правопорядок как режим регулирования общественных отношений немыслим без интересов, подлежащих выбору, признанию, разграничению и обеспечению. Всякий раз решение этих задач осуществляется на основе ценностей. Именно ценности выступают теми критериями, которые позволяют непротиворечиво и произвольно осуществлять сопоставление, «взвешивание» интересов, сообразуясь с требованиями разумности и адекватности, и тем самым создают саму возможность совместного существования людей в обществе.

«Я верю, – писал Паунд, – что свойственное цивилизации тогда, когда право шло по пути свободы, не будет потеряно... Путь будущего обретет более широкую цель в направлении, указанном гуманитарным путем. Он найдет надежную отправную точку там, где, казалось, заканчивается путь свободы, и пойдет к более полному развитию человеческих способностей в том, что может оказаться вершиной цивилизации»⁸⁷⁵. В этой осторожно высказанной надежде мыслителя – итог его многолетних размышлений о праве, ценностях и цивилизации: достижения прошлого интегрированы в повседневность настоящего, ими нельзя пренебрегать, их нельзя превозносить. Свобода, уравновешенная иными ценностями, таким образом получает новое, более фундаментальное основание, позволяющее праву служить эффективным инструментом человеческого развития, не превращаясь в инструмент произвола в руках государства.

---

⁸⁷⁴ См.: *Ibid.* P. 265.

⁸⁷⁵ *Ibid.* P. 282-283.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За почти девяносто четыре года жизни, из которых около семидесяти были посвящены служению праву, Паунд сделал многое для развития мировой и, в частности, американской юридической науки. Основная часть его произведений была написана преимущественно в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. Для этого периода, породившего практическую реализацию многочисленных радикальных политических доктрин, склонность к крайностям воспринималась едва ли не как норма. Две мировые войны, биржевой крах 1929 года, Великая депрессия, «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, принятие ряда резонансных судебных решений, а также многие другие исторические события так или иначе отразились на развитии политико-правового знания, в том числе на формировании взглядов Паунда.

Он остался в истории как один из самых экстраординарных, эрудированных и универсальных специалистов, чья сфера интересов полностью охватывала все правоведение и всю социогуманитаристику своего времени. Важно, что Паунд, так увлекающийся разными отраслями знания, в условиях глобальных катастроф не подменил юриспруденцию ни чистой философией, ни чистой социологией, но, сохранив ее как таковую, использовал достижения современного ему знания для обогащения предмета юридической науки, которая как раз и призвана пресекать такие ситуации. Он видел свою задачу в том, чтобы найти в большом массиве опыта прошлого основания, которые были бы способны сдерживать применение силы политически организованным обществом и тем самым «здесь и сейчас» служить авторитетными материалами для осуществления практической юридической деятельности.

Мыслитель, чье творчество нельзя уложить в прокрустово ложе предсказуемых теоретических и методологических подходов, создал собственное течение в рамках социологического правопонимания. Это течение, основанное на философии прагматизма, формировалось им посредством ответов на актуальные, всегда разные и противоречивые вызовы эпохи. В его правовом наследии инструментальный взгляд на право соединился с высокими идеями о цивилизации,

мысль о социальном контроле – с идеей о его пределах, учения о целях права, об интересах, о социальной инженерии – с по-своему понятым естественным правом и учением об идеальном элементе. Данное обстоятельство еще раз подтверждает, что Паунд – мыслитель умеренного толка, который во всем, даже в столь сложных конструкциях, искал баланс. И этим, по сути, личным примером легендарный американский профессор преподавал последующим поколениям юристов свой, пожалуй, главный урок: во всем искать баланс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

1. *Адыгезалова Г.Э.* Основные понятия социологической юриспруденции: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 249 с.
2. *Адыгезалова Г.Э.* Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004.
3. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2017.
4. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. 268 с.
5. *Адыгезалова Г.Э.* Социология права Роско Паунда и Толкотта Парсонса: учебное пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 94 с.
6. Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. 400 с.
7. *Александров Н.Г.* Реакционная сущность современных американских буржуазных «теорий» права // Социалистическая законность. 1949. № 12. С. 45-49.
8. *Алексеев П.В., Алексеев А.П., Панин А.В.* Философия: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 592 с.
9. *Альбов А.П., Панченко В.Ю.* Идеи Р. Паунда о закономерностях юридического доказывания и современность // История государства и права. 2024. № 8. С. 30-37.
10. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. Т. I. Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. 749 с.; Т. III. Европа. Америка: XVII-XX вв. М.: Мысль, 1999. 829 с.

11. *Антонов М.В.* Теория права и социально-правовые исследования // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2025. № 2. С. 272-298.
12. *Архипов В.В.* Концепция права Лона Л. Фуллера: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 СПб., 2009.
13. *Батлер У.Э.* Россия и юридическая карта мира // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина.* 2015. № 5. С. 73-90.
14. *Белов С.А.* Ценность права и ценности права // *Российский юридический журнал.* 2025. № 2. С. 7-30.
15. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 622 с.
16. *Берри Д.* Право и общественные науки: обзор изменений, происшедших в последнее время // *Социальная мысль в СССР / пер. с англ.; под ред. А. Симиренко.* Вып. 1. М.: Прогресс, 1970. С. 165-213.
17. *Боботов С.В.* Буржуазная социология права. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
18. *Варданянц Г.К.* Социологическая теория права. М.: Акад. Проект, 2007. 439 с.
19. *Василевская Л.Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica.* 2023. Т. 76. № 1. С. 9-19.
20. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. Ч. 2: Теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юристъ, 1996. 152 с.
21. *Ворожеевич А.С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М.: Статут, 2018. 318 с.
22. *Всеобщая история государства и права. Учебник в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / под редакцией В.А. Томсинова.* М.: ИКД «Зерцало-М», 2019. 640 с.
23. *Галкин И.В.* Бенедикт Спиноза как политический и правовой мыслитель: опыт юридической метафизики: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 247 с.
24. *Гараева Г.Ф., Корнев В.Н.* Особенности синтетического подхода А.С. Яценко к определению права // *Общество: политика, экономика, право.* 2017. № 11. С. 84-88.

25. Глубже изучать и критиковать буржуазную юриспруденцию // Советское государство и право. 1956. № 4. С. 3-14.
26. *Голдобина З.Г.* Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. № 1. С. 17-26
27. *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2019.
28. *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: учебник. 3-е изд., доп. М.: Норма: Инфра-М, 2022. 816 с.
29. *Графский В.Г.* История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 3-е изд., доп. М., 2009. 735 с.
30. *Груздев В.С.* Об истоках правовых взглядов Р. Паунда // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 98-101.
31. *Груздев В.С.* Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2021
32. *Грызлова В.В.* Психологизм в философии права: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 1998.
33. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 848 с.
34. *Денисенко В.В.* Легитимность права: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2022. 239 с.
35. *Денисов А.И.* Критика некоторых буржуазных теорий государства и права // Труды военно-юридической академии Красной Армии. 1947. Т. VI. С. 3-77.
36. *Джемс (Джеймс) В.* Прагматизм: новое понятие для старых способов мышления: популярные лекции по философии / пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. 2-е изд. СПб., 1910. 237 с.
37. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. 584 с.

38. *Домникова В.В.* Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №. 3. С. 88-97.
39. Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. члена-корр. АН СССР проф. С.И. Соболевского; с приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1044-1904 с.
40. *Есаков Г.А.* Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002.
41. *Жуков В.Н.* Бессознательное и власть: классический психоанализ. М.: Юнити-Дана, 2024. 502 с.
42. *Жуков В.Н.* Позитивизм, социология, психология: история возникновения психолого-социологической школы права в России // Государство и право. 2014. № 11. С. 53-63.
43. *Жуков В.Н.* Россия и Запад: ценности, политика, право. М.: Юнити-Дана, 2025. 840 с.
44. *Жуков В.Н.* Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). 2-е изд., доп. М.: Юрлитинформ, 2017. 408 с.
45. *Жуков В.Н.* Философия права П.И. Новгородцева. М.: Юридический ин-т МИИТа, 2004. 134 с.
46. *Жуков В.Н.* Философия права: учебник. М.: Мир философии, Алгоритм, 2019. 559 с.
47. *Захарова М.В.* Учение о юридических картах мира: монография. М.: Аспект Пресс, 2022. 264 с.
48. *Зивс С.Л.* Идеиная нищета антикоммунизма: Против извращения идеологами антикоммунизма вопросов социалистического государства и права. М.: Госюриздат, 1963. 128 с.
49. *Зивс С.Л.* Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 295 с.

50. *Зивс С.Л.* О реакционной сущности современных буржуазных теорий государства и права: лекция, прочитанная на Всесоюзном семинаре-совещании по пропаганде вопросов государства и права. М.: Изд-во «Знание», 1960. 36 л.
51. *Зильберман И.Б.* Буржуазные правовые теории эпохи империализма. Л.: ЛГУ, 1966. 34 с.
52. *Зыков П.Г.* Кризис современной буржуазной социологии права. М.: Росвузиздат, 1963. 32 с.
53. *Иваненко О.Ф.* Американская “социологическая юриспруденция”: критический очерк: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.
54. *Иваненко О.Ф.* Правовая идеология американской буржуазии: краткий критический очерк / под ред. и с предисловием В.Е. Гулиева. Казань: Издательство Казанского университета, 1966. 131 с.
55. *Иванов А.Е.* Правовая теория Джона Остина, или Опыт о принципах и взаимодействии этики и юриспруденции: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2025. 616 с.
56. *Иванов А.Е.* Правовая теория Джона Остина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
57. *Иеринг Р.* Цель в праве. Т. 1. СПб: издание Н.В. Муравьева, 1881. 412 с.
58. *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. 106 с.
59. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Критика современных буржуазных теорий права. Л., 1961. 56 с.
60. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 720 с.
61. История государственно-правовых учений. Учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. 672 с.
62. История отечественного государства и права: учебник для бакалавров / отв. ред. И.А. Исаев. Москва: Проспект, 2018. 432 с.

63. История отечественного государства и права: учебное пособие для семинарских занятий: в 2 ч. / под ред. Т.Е. Новицкой. Ч. 1. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 640 с.
64. История первобытного общества: Учебник для ист. фак. вузов / А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1982. 222 с.
65. История политических и правовых учений / учебник для вузов; изд. 2-е, стереотип.; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999. 727 с.
66. История политических и правовых учений: Учебник / под общей ред. О.В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 800 с.
67. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 656 с.
68. История политических и правовых учений: учебник / под ред. О.Э. Лейста. М.: Юрид.лит., 1997. 575 с.
69. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.
70. История политических и правовых учений. XX век. М.: Наука, 1995. 347 с.
71. История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. Часть II. М.: «Высшая школа», 1972. 375 с.
72. История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кечекьяна и доц. Г.И. Федькина. М.: Юрид. лит., 1955. 771 с.
73. История философии: учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. 680 с.
74. История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
75. *Каранетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. 308 с.
76. *Кардозо Б.Н.* Природа судебной деятельности / пер. с англ. М.: Статут, 2017. 112 с.

77. *Касаткин С.Н.* Философия права: учебно-методическое пособие. Самара, 2019. 80 с.
78. *Касумов Т.К.* Социология права. М.: Русайнс, 2017. 156 с.
79. *Кечекьян С.Ф.* Американские социологические теории государства и права // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1967. № 2. С. 3-15.
80. *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 187 с.
81. *Кечекьян С.Ф.* Этическое мирозерцание Спинозы. М.: Путь, 1914. 337 с.
82. *Клява Г.Я.* Антинаучный характер современных американских реакционных концепций права // Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. XII. 1957. Юридические науки. Вып. 1. С. 93-114.
83. *Коваль С.В.* Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива позитивизму и теории естественного права: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2. М., 2022
84. *Коваль С.В.* Спор о предмете англо-американской социологии права // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 30-54
85. *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007. 856 с.
86. *Колер И.* Философия права и универсальная история права / пер. с нем. Н.К. Спренглера. Киев, 1913. 152 с.
87. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2019. 420 с.
88. *Корнев А.В.* Социология права: учебник. М.: Проспект, 2015. 335 с.
89. *Корнев В.Н.* Прагматика языка права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5. № 4. С. 8-17.
90. *Котлова С.И.* Правовые нормы как нормы разграничения интересов // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3. С. 30-34
91. *Котлова С.И.* Юриспруденция интересов Р. Паунда // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 4. С. 98-106

92. *Коэн М.Р.* Американская мысль: критический обзор / пер. с англ. А.С. Никитина, Г.М. Фроловой, Э.И. Кабалевской, А.Г. Бельского. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 390 с.
93. *Кулакова Ю.Ю.* Язык права // *Юридическая техника.* 2007. № 1. С. 217-220.
94. *Куликов А.К.* Категория интереса в социологической юриспруденции Роско Паунда // *Правоведение.* 1977. № 6. С. 89-96.
95. *Куликова М.С.* Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права»: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. СПб., 2023.
96. *Кульчар К.* Социологизм в буржуазной теории права // *Критика современной буржуазной теории права: сборник статей / пер. с венгерского Л.С. Ягодовского; под ред. В.А. Туманова.* М.: Прогресс, 1969. С. 31-73.
97. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // *Юридическая наука: история и современность.* 2017. № 2. С. 20-29.
98. *Лапаева В.В.* Социология права: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 335 с.
99. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. 577.
100. *Лафитский В.И.* Конституционный строй США. М.: Контракт, 2007. 317 с.
101. *Легитимность права: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова.* СПб.: Алетейя, 2019. 496 с.
102. *Лейст О.Э.* Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве. М.: Госюриздат, 1960. 56 с.
103. *Лесив Б.В.* Правовой реализм Оливера У. Холмса: учение об онтологии прецедентного права: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023. 296 с.
104. *Луковская Д.И.* Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // *Правоведение.* 2021. Т. 65. № 4. С. 484-498.
105. *Луковская Д.И.* Социологическое направление во французской теории права. Л.: ЛГУ, 1972. 128 с.

106. *Лю Ц.* Источники права КНР и РФ: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2018.
107. *Люблинский П.И.* Полиция, суд и тюрьмы Америки / предисл.: Г.И. Волков. М.: Сов. законодательство, 1933. 152 с.
108. *Мамулян А.С., Кашкин С.Ю.* Англо-русский полный юридический словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 816 с.
109. *Мартышин О.В.* Философия права: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 352 с.
110. *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2021. 295 с.
111. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. 757 с.
112. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 640 с.
113. *Марченко М.Н., Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. 495 с.
114. *Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 203 с.
115. *Меликовский А.А.* Концептуальные основы политико-правового учения Б. Спинозы // Образование и право. 2022. № 10. С. 352-358.
116. *Меликовский А.А.* Междисциплинарность и методологический плюрализм правоведения // Аграрное и земельное право. 2022. № 11. С. 54-57
117. *Меликовский А.А.* Междисциплинарный подход в теории права // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2023. С. 329-343.
118. *Меликовский А.А.* Право и правосознание в их соотношении // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицына): Сборник научных трудов

- Международной научно-практической конференции. Сост. А.И. Клименко. М.: Московский университет МВД России, 2023. С. 305-308.
119. *Меликовский А.А.* Право как средство социального контроля в учении Роско Паунда // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8. С. 55-57.
120. *Меликовский А.А.* Прагматическая философия права: Роско Паунд в поисках теории для практики // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 30-38.
121. *Меликовский А.А.* Роско Паунд против «механической юриспруденции» // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 10-13.
122. *Меликовский А.А.* Роско Паунд: «право в книгах» и «право в действии» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10. С. 64-67.
123. *Меликовский А.А.* Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. 2022. № 9. С. 7-10.
124. *Меликовский А.А.* Теория интересов Роско Паунда: постановка проблемы // Аграрное и земельное право. 2024. № 10. С. 11-14.
125. *Меликовский А.А.* Цель права: политическая природа (по мотивам учения Роско Паунда) // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики / IX Национальная научно-практическая конференция (г. Казань, 27-28 февраля 2025 г.) / под ред. д-ра юрид. наук Р.Ф. Степаненко, д-ра юрид. наук А.Б. Мезяева, д-ра юрид. наук С.Н. Тагаевой, канд. юрид. наук С.М. Аламовой: в 2-х ч. Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. Ч. II. С. 85-89.
126. *Меликовский А.А.* Юриспруденция и проблема междисциплинарности // Образование и право. 2023. № 11. С. 224-229.
127. *Мотовиловкер Е.Я.* Опыт логического анализа юридической нормы // Логические и математические методы в правовой теории и практике. Л.: ЛГУ, 1989. С. 36-41.
128. *Нерсесянц А.В.* Концепция психоаналитической юриспруденции А.А. Эренцвейга: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2024.

129. *Нерсесянц В.С.* История политических и правовых учений: Учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2005. 704 с.
130. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
131. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. Из истории правовых учений / отв. ред. Л.С. Мамут. М.: Наука, 1983. 365 с.
132. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 848 с.
133. *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. М., 1906-1908. Кн. IV (84). С. 406-451; Кн. I (91). С. 80-117; Кн. III (93) С. 251-286. Кн. IV (94) С. 337-440. Кн. V (95) С. 513-597.
134. *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. 393 с.
135. *Оксамытний В.В.* Государственно-правовая карта современного мира: Брянск: РИО БГУ, 2016. 292 с.
136. *Опалэк К., Врублевский Е.* Некоторые основные направления современной теории и социологии права в США // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 106-111.
137. *Паунд Р.* Массонство и закон / пер. с англ., примеч., вступ. ст. Е.Л. Кузьмишина; послесловие Р.В. Нутрихина. СПб.: Алетейя, 2022. 342 с.
138. *Паунд Р.* Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2016 № 1 (39). С. 12-29.
139. *Паунд Р.* Субъективные права / пер. К.Г. Киктенко, А.А. Кириллиной // Юридическая летопись (Nomica Chronica). 2023. № 1. С. 95-118.
140. *Петери З.* Густав Радбрух и некоторые вопросы философии права // Против современной правовой идеологии империализма: сборник статей / под ред. и с предисловием В.А. Туманова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 123-157.
141. *Пиголкин А.С.* Критика «социологического» учения Р. Паунда о праве // Советское государство и право. 1960. № 9. С. 43-53.

142. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. Пер. с англ. / перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
143. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. 3-е изд., исправ. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. 468 с.
144. *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 232 с.
145. *Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой.* М.: Проспект, 2023. 688 с.
146. *Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца.* М.: Норма, 2008. 813 с.
147. *Радько Т.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. 603 с.
148. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. 752 с.
149. *Радько Т.Р.* Правовая система России на юридической карте мира: монография. М.: Проспект, 2021. 134 с.
150. *Румянцева В.Г.* Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002.
151. *Сайдлер Г.Л.* Причины возрождения естественного права в американской юриспруденции // Советское государство и право. 1962. № 1. С. 105-111.
152. *Сайдлер Г.Л.* Юридические доктрины империализма / пер. с польского к.ю.н. А.Х. Махненко; отв. ред., автор вступит. ст. Д.А. Керимов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 142 с.
153. *Сельникова А.А.* Понимание сущности судебной деятельности в рамках теорий правового формализма и реализма // *Ex Jure*. 2021. № 2. С. 7-21.
154. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 672 с.

155. *Степаненко Р.Ф.* Человек – центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юридические аспекты) // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национ. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). Казань, 09 февр. 2024 г. Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. С. 305-312.
156. Суд. АРС. Медиация: Сборник статей / составитель Ц.А. Шамликашвили. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 140 с.
157. *Сызранцев Г.Д.* Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2002.
158. Теория государства и права: учебник / Д.В. Пожарский, Т.Н. Радько, И.А. Андреева [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2025. 486 с.
159. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 430 с.
160. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт-Издат, 2006. 613 с.
161. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2024. 640 с.
162. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. Ч. 2.: Теория права. М.: Зерцало, 2011. 336 с.
163. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
164. *Тонков Д.Е.* Конструктивный скептицизм Д. Фрэнка и В. Лундштедта: сравнительный анализ подходов радикального правового реализма: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2022
165. Три царства права: действительность, действенность, легитимность: монография / под ред. Е.В. Тимошиной. СПб.: СПбГУ, 2023. 644 с.
166. *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.

167. *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.00. М., 1969.
168. *Туманов В.А.* Избранное. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 735 с.
169. *Уакс Р.* Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство института Гайдара, 2020. 176 с.
170. *Уэллс Г.* Прагматизм – философия империализма. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 271 с.
171. Философия права: курс лекций в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2011. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 509 с.
172. *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 528 с.
173. *Фролова Е.А.* Моральная философия права П.И. Новгородцева: монография. М.: Проспект, 2023. 160 с.
174. *Фролова Е.А.* Неокантианская философия права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42-49.
175. *Фролова Е.А.* П.И. Новгородцев о праве и государстве: монография. М.: МАКС-Пресс, 2001. 138 с.
176. *Фролова Е.А.* Право и принуждение: из истории политико-правовой мысли // Государство и право. 2026. № 1. С. 106-115.
177. *Фролова Е.А.* Право как фактор социальной стабильности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 23. 2022. № 2. С. 262-272.
178. *Фролова Е.А.* Правосознание: из истории философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 86-97.
179. *Фролова Е.А.* Рациональные основания права: классика и современность: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2023. 576 с.
180. *Хмелинин М.И.* Критика современных реакционных буржуазных теорий государства и права. М., 1957. 72 с.
181. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель: профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. 456 с.

182. Хрестоматия по истории государства и права России / составитель Ю.П. Титов. М.: ООО «ТК Велби», 2002. 469 с.
183. *Чапек И.* Теория правового реализма // Против современной правовой идеологии империализма: сборник статей / под ред. и с предисловием В.А. Туманова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 70-78.
184. *Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: Проблемы теории и государственно-правовой практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Ростов-на-Дону, 1999.
185. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
186. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.
187. *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники и ее значение / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 352 с.

Литература на иностранных языках

188. *Alford W.P., Yu X.* Pound for Pound? Roscoe Pound's Adventures in China and Questions They Pose for Scholars of Contemporary China // University of Pennsylvania Asian Law Review. Vol. 18. 2022. № 1. PP. 1-32.
189. *Amos S.* The Science of Law. 2-nd ed. London: Henry S. King & Co., 1874.
190. *Atlay J.B.* The Victorian Chancellors. In Two Volumes. Vol. II. London: Smith, Elder & Co., 1908.
191. *Aumann F.R.* Review of Interpretations of Modern Legal Philosophies: Essays in Honor of Roscoe Pound / ed. By Paul Sayre. New York: Oxford University Press, 1947 // Social Science. Vol. 22. 1947. № 3. PP. 237-239.
192. Black's Law Dictionary. 8th ed. 2004.
193. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England / adapted to the present state of the law by Robert Malcolm Kerr. Vol. I: Of the Rights of Persons. 4th ed. London: John Murray, Albemarle Street, 1876.

194. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. San Francisco: Bancroft-Whitney Company, 1916.
195. *Bosanquet B.* Philosophical Theory of the State. London: Macmillan and Co, LTD, 1920.
196. *Cardozo B.N.* Nature of the Judicial Process. New Haven: Yale University Press, 1921.
197. *Carter J.C.* Law: Its Origin, Growth and Function (Being a Course of Lectures Prepared for Delivery before the Law School of Harvard University). New York and London: G.P. Putnam's Sons, The Knickerbocker Press, 1907.
198. *Clark T.C.* Tribute to Roscoe Pound // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. PP. 1-3.
199. Criminal Justice in Cleveland: Reports of the Cleveland Foundation Survey of the Administration of Criminal Justice in Cleveland, Ohio / By Raymond Fosdick, Reginald Heber Smith, Herbert D. Ehrmann, Alfred Bettman, Howard F. Burns, Burdette G. Lewis, Hermann M. Adler, Albert M. Kales, M.K. Wisheart, Felix Frankfurter, Roscoe Pound; Directed and Edited by Felix Frankfurter and Roscoe Pound. Cleveland (Ohio): The Cleveland Foundation, 1922.
200. Dean of Harvard Law // The New York Times. 1948. November, 28. Section BR. P. 42.
201. *Di Filippo T.* Pragmatism, Interest Theory and Legal Philosophy: the Relation of James and Dewey to Roscoe Pound // Transactions of the Charles S. Peirce Society. Vol. 24. 1988. № 4. PP. 487-508.
202. *Frank J.* Law and Modern Mind. London: Stevens & Sons Limited, 1949.
203. *Freeman E.A.* Methods of Historical Study. Eight Lectures Read in the University of Oxford in Michaelmas Term, 1884 / with the Inaugural Lecture on the Office of the Historical Professor. London: Macmillan and Co, 1886.
204. *Goodhart A.L.* Roscoe Pound // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. PP. 23-37.
205. Grand Old Man of Law // The New York Times. 1962. August, 9. P. 15.

206. *Griswold E.N.* Roscoe Pound – 1870-1964 // Harvard Law Review. Vol. 78. 1964. № 1. PP. 4-6.
207. *Grossman W.L.* Legal Philosophy of Roscoe Pound // The Yale Law Journal. Vol. 44. 1935. № 4. PP. 605-618.
208. *Grotii H.* De jure belli ac pacis. Libri tres. In quibus jus naturae et gentium, item juris publici praecipua explicantur. Cum annotatis auctoris eiusdemque dissertatione de Mari Libero; ac libero singulari De æquitate, indulgentia et facilitate: nec non Jo. Fr. Gronovii v.c. botice in totum opus de jure belli ac pacis. Ex altera recensione Joannis Barbeyracii, JC. Publ. privatiq. iuris antecess. Groning. Cum notulis ejusdem nunc auctoribus, plurimq. Locor. Ex Auctoribus. Quibus. Laudat. Adcuratori indication. Tomus Primus. Lipsiae: Impensis Ioannis Pauli Krausii; Bibliop. Vien. MDCCLVIII (1758).
209. *Guicciardini F.* Storia d'Italia / alla miglior lzione ridotta dal professor Giovanni Rosini, con una prefazione di Carlo Botta. Tomo 4. Parigi: Presso Baudry, Libreria Europea, 1837.
210. *Gurvitch G.* Sociology of Law / with a Preface by Roscoe Pound. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD., 1947.
211. *Gurvitch G.* Sociology of Law / with a Preface by Roscoe Pound. New York: Philosophical Library and Alliance Book Corporation, 1942
212. *Halpérin J.-L.* Law in Books and Law in Action: the Problem of Legal Change // Maine Law Review. Vol. LXIV. 2011. № 1. PP. 45-76.
213. *Harris J.W.* Property and Justice. Oxford: Clarendon Press, 1996.
214. *Hull N.E.H.* Roscoe Pound and Karl Llewellyn: Searching for an American Jurisprudence. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1997.
215. Interpretations of Modern Legal Philosophies: Essays in Honor of Roscoe Pound / ed. by Paul Sayre. New York: Oxford University Press, 1947.
216. *Jhering R.* Der Zweck im Recht / Erster Band. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel, 1877.
217. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts. 5 Ausgabe. Leipzig, 1891.

218. *Jhering R.* Law as a Mean to an End / translated by Isaac Husik; with an editorial preface by Joseph H. Drake; with introductions by Henry Lamm and W.M. Geldart. Boston: The Boston Book Company, 1913.
219. *Kohler J.* Einführung in die Rechtswissenschaft. Dritte, verbesserte und stark vermehrte Auflage. Leipzig: A. Deichert'sche Verlagsbuchhandlung Nachf (Georg Böhme), 1908.
220. *Korkunov N.M.* General Theory of Law / English Translation by W.G. Hastings. Boston: The Boston Book Company, 1909.
221. *Kroncke J.J.* Roscoe Pound in China: A Lost Precedent for the Liabilities of American Legal Exceptionalism // Brooklyn Journal of International Law. Vol. 38. 2012. № 1. PP. 77-143.
222. *Lioy D.* Philosophy of Right / with special reference to the principles and development of law; translated from the Italian by W. Hastie. In two volumes. Vol. II. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, & Co., LTD, 1891.
223. *Maine H.S.* Lectures on the Early History of Institutions. New York: Henry Holt and Company, 1875.
224. *Maitland F.W.* English Law and the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press, 1901.
225. *Manson E.* Builders of Our Law During the Reign of Queen Victoria. 2-nd ed. London: Horace Cox. 1904. PP. 392-404.
226. *McLean E.B.* Roscoe Pound's Theory of Interests and the Furtherance of Western Civilization // Il Politico. Vol. 41. 1976. № 1. PP. 5-34.
227. *Mehren A.T.* Roscoe Pound and Comparative Law // American Journal of Comparative Law. 1964. Vol. 13. № 4. PP. 507-517.
228. *Miraglia L.* Comparative Legal Philosophy. Applied to Legal Institutions / translated from Italian by John Lisle; with an introduction by Albert Kocourek. New York: The Macmillan Company, 1921.
229. *Patterson E.W.* Jurisprudence: Men and Ideas of the Law. Brooklyn: The Foundation Press, 1953.

230. *Pollock F.* First Book of Jurisprudence for Students of the Common Law. 3-rd. ed. London: Macmillan and Co., Limited St. Martin's Street. 1911.
231. *Post A.H.* Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte: Leitgedanken für den Aufbau einer allgemeinen Rechtswissenschaft auf soziologischer Basis. Oldenburg: Schulze, 1884.
232. Pound is Eulogized at Harvard Service // The New York Times. 1964. July, 8. P. 35.
233. Pound is Honored by N.Y.U. Faculty // The New York Times. 1948. June, 29. Section BOOKS. P. 21.
234. *Pound R.* Call for a Realistic Jurisprudence // Harvard Law Review. Vol. 44. 1931. № 5. PP. 697-711.
235. *Pound R.* Causes of Popular Dissatisfaction with the Administration of Justice // American Bar Association Reports. Vol. XXIX. Part I. 1906. PP. 395-417.
236. *Pound R.* Classification of Law // Harvard Law Review. Vol. XXXVII. 1924. № 8. PP. 933-969.
237. *Pound R.* Common Law and Legislation // Harvard Law Review. Vol. XXI. 1908. № 6. PP. 383-407.
238. *Pound R.* Comparative Law and History as Bases for Chinese Law // Harvard Law Review. Vol. LXI. 1948. № 5. PP. 749-762.
239. *Pound R.* Comparative Law in Space and Time // American Journal of Comparative Law. Vol. 4. 1955. № 1. PP. 70-84.
240. *Pound R.* Comparison of Ideals of Law // Harvard Law Review. Vol. 47. 1933. № 1. PP. 1-17.
241. *Pound R.* Decadence of Equity // Columbia Law Review. 1905. Vol 5. № 1. PP. 20-35.
242. *Pound R.* Decadence of Equity // Columbia Law Review. Vol 5. 1905. PP. 20-35.
243. *Pound R.* Do We Need a Philosophy of Law? // Columbia Law Review. Vol. V. 1905. № 5. PP. 339-353.
244. *Pound R.* End of Law as Developed in Juristic Thought // Harvard Law Review. Vol. XXVII. 1914. № 7. PP. 605-628; Vol. XXX. 1917. № 3. PP. 201-225.

245. *Pound R.* End of Law as Developed in Legal Rules and Doctrines // Harvard Law Review. Vol. XXVII. 1914. № 3. PP. 195-234.
246. *Pound R.* Enforcement of Law // The Green Bag. Vol. XX. 1908. PP. 401-410.
247. *Pound R.* Future of Law // The Yale Law Journal. Vol. 47. 1937. № 1. PP. 1-13.
248. *Pound R.* Ideal Element in American Judicial Decision // Harvard Law Review. Vol. 45. 1931. № 1. PP. 136-148.
249. *Pound R.* Ideal Element in Law // Denver Law Review (Dicta). Vol. 10. 1933. № 8. PP. 225-238.
250. *Pound R.* Ideal Element in Law. Calcutta, 1958.
251. *Pound R.* Individual Interests in the Domestic Relations // Michigan Law Review. Vol. XIV. 1916. № 3. PP. 177-196.
252. *Pound R.* Individual Interests of Substance: Promised Advantages // Harvard Law Review. Vol. 59. 1945. № 1. PP. 1-42.
253. *Pound R.* Interests of Personality // Harvard Law Review. Vol. XXVIII. 1915. № 4. PP. 343-365; № 5. PP. 445-456.
254. *Pound R.* Interpretations of Legal History. New York: The Macmillan Company, 1923.
255. *Pound R.* Introduction // American Journal of Comparative Law. 1952. Vol. 1. № 1/2. PP. 1-10.
256. *Pound R.* Introduction to American Law. An Outline of a Course Delivered at the Trade Union College under the Auspices of the Boston Central Labor Union [Spring Term, 1919]. Cambridge: Dunster House, 1919.
257. *Pound R.* Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale University Press, 1922.
258. *Pound R.* Introduction to the Study of Law (reprinted from the Library of American Law and Practice). [Chicago], 1912.
259. *Pound R.* Jurisprudence. Vol. I – V. St. Paul, Minn: West Publishing Co, 1959.
260. *Pound R.* Juristic Problems of National Progress // American Journal of Sociology. Vol. XXII. 1917. № 6. PP. 721-733.

261. *Pound R.* Justice According to Law // Columbia Law Review. Vol. XIII. 1913. № 8. PP. 696-713; Vol. XIV. 1914. № 1. PP. 1-26; Vol. XIV. 1914. № 2. PP. 103-121.
262. *Pound R.* Law and Courts in China: Progress in the Administration of Justice // American Bar Association Journal. Vol. 34. 1948. № 4. PP. 273-276.
263. *Pound R.* Law and Morals. 2nd ed. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1926.
264. *Pound R.* Law and the State: Jurisprudence and Politics // Harvard Law Review. Vol. 57. 1944. № 8. PP. 1193-1236.
265. *Pound R.* Law in Books and Law in Action // Chicago Legal News. Vol. XLII. October 2, 1902. P. 59-60.
266. *Pound R.* Law in Books and Law in Action // Report of the 14th Annual Meeting of the Maryland State Bar Association. 1909. PP. 298-323.
267. *Pound R.* Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. PP. 12-36.
268. *Pound R.* Law School and the Professional Tradition // Michigan Law Review. Vol. 24. 1925. № 2. PP. 156-165.
269. *Pound R.* Legal Rights // International Journal of Ethics. Vol. XXVI. 1915-1916. PP. 92-116.
270. *Pound R.* Legislation as a Social Function // American Journal of Sociology. Vol. XVIII. 1913. № 6. PP. 755-768.
271. *Pound R.* Liberty of Contract // Yale Law Journal. Vol. XVIII. 1909. № 7. PP. 457-487.
272. *Pound R.* Limits of Effective Legal Action // International Journal of Ethics. Vol. 27. 1917. № 2. PP. 150-167.
273. *Pound R.* Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. Vol 8. 1908. PP. 605-623.
274. *Pound R.* Natural Natural Law and Positive Natural Law // Natural Law Forum. Vol. 5. 1960. PP. 70-82.
275. *Pound R.* Need of a Sociological Jurisprudence // The Green Bag. 1907. Vol. XIX. № 10. PP. 607-615.

276. *Pound R.* Outlines of Lectures on Jurisprudence. 5th ed. Cambridge: Harvard University Press, 1943.
277. *Pound R.* Philosophy of Law and Comparative Law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 100. 1951. № 1. PP. 1-19.
278. *Pound R.* Philosophy of Law in America // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. Vol. VII. 1914. № 2. PP. 213-223.
279. *Pound R.* Political and Economic Interpretations of Jurisprudence // The American Political Science Review. Vol. VII. 1913. № 1. PP. 94-105.
280. *Pound R.* Puritanism and the Common Law // The American Law Review. Vol. 45. 1911. PP. 811-829.
281. *Pound R.* Readings in Roman Law / compiled by Roscoe Pound. Lincoln: Jacob North & Co., 1906.
282. *Pound R.* Readings in Roman Law and the Civil Law and Modern Codes as Developments Thereof: An Introduction to Comparative Law. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1914.
283. *Pound R.* Recrudescence of Absolutism // The Sewanee Review. Vol. 47. 1939. № 1. PP. 18-28.
284. *Pound R.* Revival of Natural Law // Notre Dame Lawyer. Vol. 17. 1942. № 4. PP. 287-372.
285. *Pound R.* Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence // Harvard Law Review. Vol. XXIV. 1911. № 8. PP. 591-619; Vol. XXV. 1911. № 11. PP. 140-168; Vol. XXV. 1912. № 6. PP. 140-516.
286. *Pound R.* Social Control Through Law. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942.
287. *Pound R.* Sociology of Law // Twentieth Century Sociology / ed. By G. Gurvitch and W.E. Moore. New York: The Philosophical Library, 1945. PP. 297-341.
288. *Pound R.* Sociology of Law and Sociological Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. Vol. V. 1943. № 1. PP. 1-20.
289. *Pound R.* Some Parallels from Legal History // American Bar Association Journal. Vol. 10. 1924. № 8. PP. 547-553, 564.

290. Pound R. Spirit of the Common Law. Boston: Marshall Jones Company, 1921.
291. *Pound R.* Spirit of the Common Law. Boston: Marshall Jones Company. 1921.
292. *Pound R.* Survey of Public Interests // Harvard Law Review. Vol. LVIII. 1945. № 7. PP. 909-929.
293. *Pound R.* Survey of Social Interests // Harvard Law Review. Vol. LVII. 1943. № 1. PP. 1-39.
294. *Pound R.* Theories of Law // The Yale Law Journal. Vol. 22. 1912. № 2. PP. 114-150.
295. *Pound R.* Theory of Judicial Decision. II. Nineteenth-Century Theories of Judicial Finding of Law // Harvard Law Review. 1923. Vol. 36. № 7. PP. 802-825.
296. *Pound R.* Theory of Social Interests // Papers and Proceedings Fifteenth Annual Meeting American Sociological Society (Held in Washington, D.C., December 27-29, 1920). Chicago: The University of Chicago Press, 1920. PP. 16-45.
297. *Pound R.* What May We Expect from Comparative Law? // American Bar Association Journal. Vol. 22. 1936. № 1. PP. 56-60.
298. *Puntshart V.* Die Fundamentaln Rechtsverhältnisse des Römischen Privatrechts. Inductive Grundlegungen mit Besonderer Beziehung auf die Fragen der Gefahrnormierung bei Austauschobligationen. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitæts-Buchhandlung, 1885.
299. *Radbruch G.* Anglo-American Jurisprudence through Continental Eyes // Law Quarterly Review. Vol. 52. 1936. PP. 530-545.
300. *Roguin E.* La règle de droit: précédé d'une introduction sur la classification des disciplines. Lausanne: F. Rouge, Libraire-éditeur, 1889.
301. *Rohrlich C.* Essential Guard of Human Rights // The New York Times. 1942. August, 30. Section BR. P. 20
302. Roscoe Pound // Encyclopedia Britannica. 2025. October, 23. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Roscoe-Pound> (дата обращения: 01.12.2025).
303. Roscoe Pound of Harvard Dies // The New York Times. 1964. July, 2. P. 1.

304. Roscoe Pound Papers. Part I: Correspondence, 1907-1964 / Prepared by Stephen T. Kelly, Charles Harrison; and Randall Packard; Manuscript Division, Harvard Law School Library. Bethesda (Maryland): University Publications of America, 1993.
305. Roscoe Pound Weds Mrs. J.E. Miller // The New York Times. 1931. July, 1. Section S. P. 29.
306. *Ross E.A.* Social Control: A Survey of the Foundations of Order. New York: The Macmillan Company; London: Macmillan & Co., LTD., 1901.
307. *Ross E.A.* Social Psychology: An Outline and Source Book. New York: The Macmillan Company, 1913.
308. *Salako S.E.* Evidence, Proof and Justice: Legal Philosophy and the Provable in English Courts. Ventus Publishing ApS, 2010.
309. Scholar Wins Award // The New York Times. 1955. June, 1. P. 35.
310. *Senior N.W.* Conversations with Distinguished Persons During the Second Empire from 1860 to 1863 / ed. By M.C.M. Simpson. In Two Volumes. Vol I. London: Hurst and Blackett, Publishers, 1880.
311. *Sheppard S.* History of Legal Education in the United States: Commentaries and Primary Sources in 2 Volumes. Vol. 1. Pasadena: Salem Press, Inc., 1999.
312. *Small A.W.* General Sociology: An Exposition of the Main Development in Sociological Theory from Spencer to Ratzenhofer. Chicago: The University of Chicago Press.
313. *Spencer H.* Justice / Traudit par M.E. Castelot. Paris: Librairie Guillaumin Et Cie, 1893.
314. *Spencer H.* Principles of Sociology. Vol. II. London, Oxford: Williams and Norgate, 1902.
315. *Stone J.* Law and Society in the Age of Roscoe Pound: A Memorial // Israel Law Review. Vol. 1. 1966. № 1. PP. 173-221.
316. *Sutherland A.E.* One Man in His Time. Harvard Law Review. 1964. Vol. 78. № 1. PP. 7-22.
317. *Vander Eycken P.* Méthode positive de l'interprétation juridique. Bruxelles: Librairie falk, fils, 1906.

318. *Walker D.M.* Oxford Companion to Law. Oxford, 1980.
319. *Ward L.F.* Applied Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. Boston – New York – Chicago – London: Ginn & Company, 1906.
320. *Yates A.* A Hohfeldian Analysis of Hobbesian Rights // Law and Philosophy. Vol. 32. 2013. № 4. PP. 405-434.